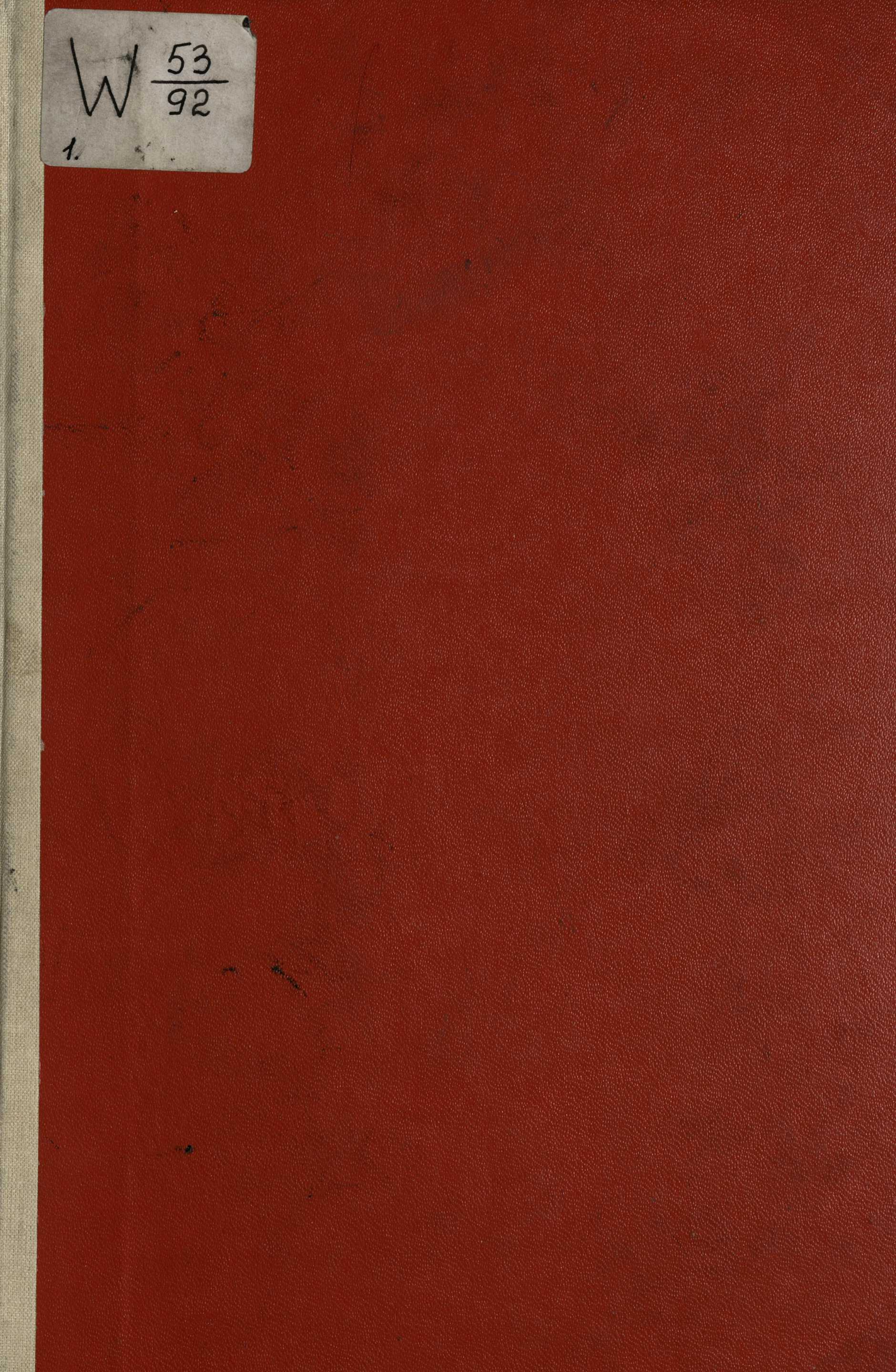

ВОСПОМИНАНІЯ

о

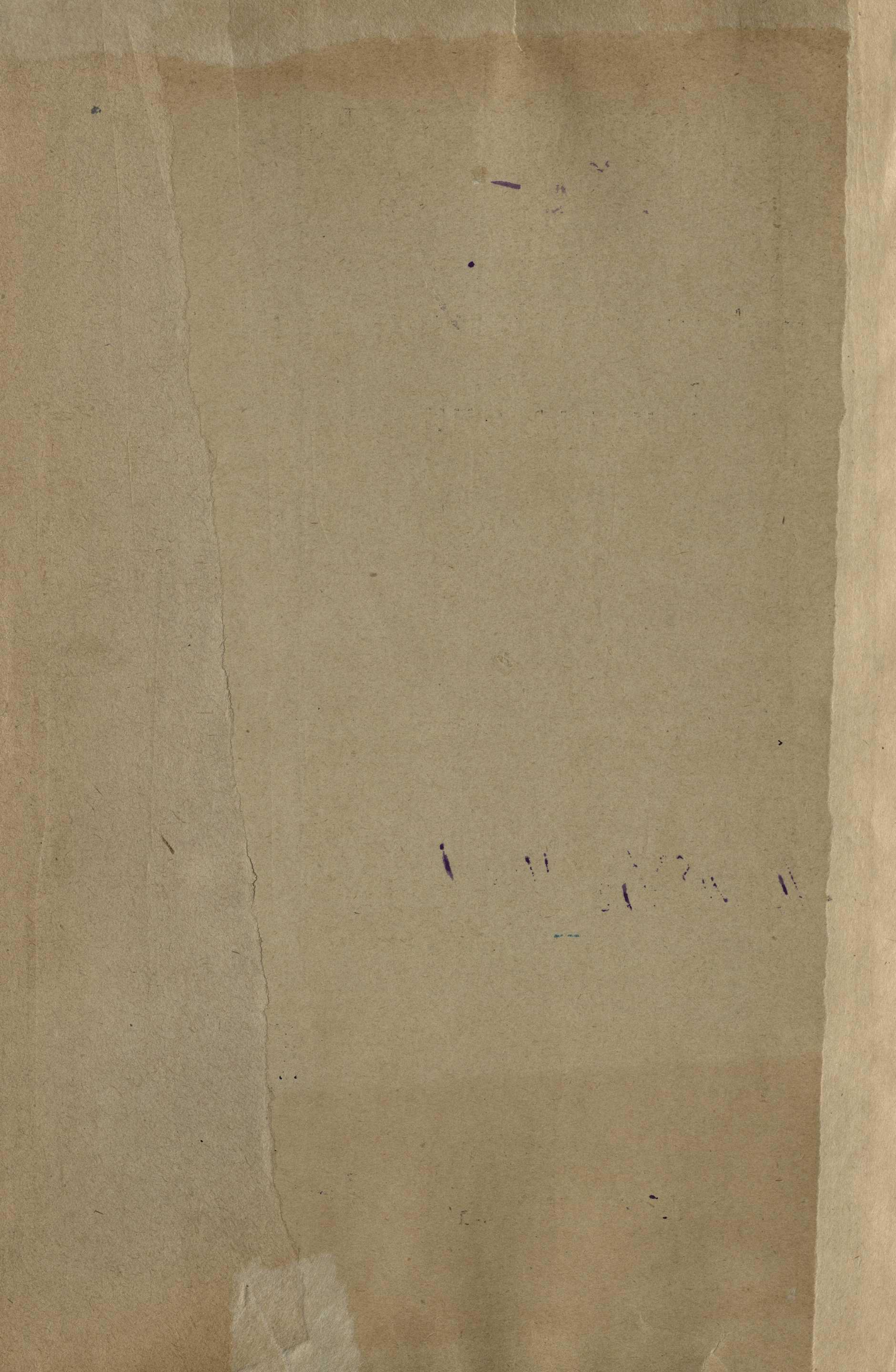
видѣнномъ, слышанномъ и испытанномъ.

I. - 2

(Напечатаны для лицъ, принадлежащихъ и близкихъ къ роду составителя).

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская улица, собственный домъ.
Москва.—1903.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

видѣнномъ, слышанномъ и испытанномъ.

I.

(Напечатаны для лицъ, принадлежащихъ и близкихъ къ роду составителя).

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская улица, собственный домъ.
Москва.—1903.

Дозволено цензурою. Москва, 3 марта 1903 года.

60

КНИГА ИМЕЕТ

Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый
					2	1077 29/61

Изложенію моихъ воспоминаній о встрѣченномъ мною въ жизни, я нахожу необходимымъ предпослать свѣдѣнія о родѣ, къ коему я принадлежу, его происхожденіи и дѣятельности, о мѣстности, въ которой живу, и подобныя тому другія, имѣющія отношеніе ко мнѣ и близкимъ мнѣ лицамъ; излагаю ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ подробностью отчасти для поясненія прилагаемыхъ при этомъ выпускѣ (отдѣльно) плановъ и видовъ, отчасти же для того, чтобы избѣгнуть приведенія ихъ въ разныхъ мѣстахъ при дальнѣйшемъ изложеніи моихъ воспоминаній.

Николай Найденовъ.

Февраль 1903 г.

Воспоминанія о видѣнномъ, слышанномъ и испытанномъ.

I.

Мѣсто происхожденія нашего рода составляетъ село Батыево, находящееся владимірской губ. въ суздальскомъ уѣздѣ (въ 20 верстахъ отъ Владиміра).

О немъ отъ отца моего никакихъ подробныхъ свѣдѣній я не имѣлъ, тѣмъ болѣе что отецъ былъ тамъ лишь 2 раза—однажды еще ребенкомъ вмѣстѣ съ его отцомъ, а затѣмъ вторично мимоѣздомъ въ сентябрѣ 1812 года. Равнымъ образомъ мнѣ не приходилось слышать отъ отца чего-либо и о моихъ предкахъ, исключая того, что принадлежали они къ Колосовской фабрикѣ, которая перешла потомъ къ Титову; что у дѣда были братья и что онъ прожилъ въ Москвѣ около 60 лѣтъ; о происхожденіи же рода матери моего отца я не имѣлъ никакого понятія, слышавши лишь, что во время моровой язвы она ходила смотрѣть убитаго въ Донскомъ монастырѣ архіепископа Амвросія, изъ чего слѣдовало, что она жила тогда въ Москвѣ. Поэтому о происхожденіи рода нашего я привожу свѣдѣнія, добытыя изъ розысканныхъ мною архивныхъ документовъ.

Въ самомъ Батыевѣ, а также и Суздалѣ, мнѣ пришлось побывать, вмѣстѣ съ моимъ сыномъ, 23 августа 1887 года. Та часть села, въ которой жили мои предки, представляла тогда пустырь, поросшій бурьяномъ.

О предкахъ моихъ, по документамъ, находящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и въ архивахъ владимірскихъ учрежденій — духовной консисторіи и казенной палаты и московскихъ — купеческой управы и консисторіи, имѣются слѣдующія свѣдѣнія.

Первое указаніе встрѣчается въ книгѣ 1710 года (8 мая) при переписи части Батыева, составлявшей вотчину стольниковъ Ивана и Кириллы Петровичей Матюшкиныхъ, доставшуюся имъ отъ отца ихъ — боярина Петра Ивановича Матюшкина; въ книгѣ этой значится, что къ переписи сказку подали староста Ероѳей Зайцовъ и выборный Василій Михайловъ сынъ Найденъ, при чемъ, въ показаніи состоявшихъ въ той вотчинѣ дворовъ и находившихся въ нихъ крестьянъ, слѣдующимъ послѣ двора старосты означенъ дворъ Василья Михайлова сына Соколова, у него жена Меланья Васильева, у нихъ: сынъ Петръ съ женой Марьей и сынъ Петръ съ женой Дарьей; кромѣ того при немъ братъ Ѳедоръ; самое же рукоприкладство къ поданной сказкѣ сдѣлано села Батыева попомъ Исакіемъ, подписавшимъ ее «вмѣсто старосты Ероѳея Зайцова и выборнаго Найдена Михайлова».

Изъ сего заключить можно, что упоминаемый Василій Михайловъ, названный въ началѣ сказки «Найденъ, а по двору «Соколовъ», имѣлъ первое изъ этихъ прозвищей потому, что онъ происходилъ не отъ жившихъ ранѣе въ томъ дворѣ, а извнѣ, къ чему приводитъ, съ одной стороны, то, что мѣстнымъ священникомъ прозвище «Найденъ» употреблено въ подписи даже вмѣсто самаго его имени, а съ другой, что при раннѣйшей переписи 1678 года въ числѣ крестьянъ, числившихся за П. И. Матюшкинымъ въ Батыевѣ, никакого Михайлы не значится и единственнымъ подходящимъ по составу семейства имѣется Иванъ Степановъ, при коемъ значатся дѣти: Василій (безъ означенія лѣтъ) и Ѳедоръ (соотвѣтствующій по годамъ числящемуся въ приведенной выше сказкѣ 1710 года); въ прежнее же время, какъ извѣстно, прозваніе «Найденъ» (такъ же какъ и «Богданъ») давалось «пріемышамъ» и «под-

кидышамъ» и присвоивалось таковымъ вообще вмѣсто самыхъ именъ. При такихъ условіяхъ означенный въ книгѣ 1710 года Василій Михайловъ можетъ считаться начальникомъ нашего рода.

Далѣе въ ландратской книгѣ 1715 года показаны принадлежавшіе окольничьему Петру Ивановичу Матюшкину крестьяне: Василій Михайловъ (фамилій въ книгѣ ни у кого не обозначено) 60 лѣтъ, при немъ жена Меланья Васильева 50 лѣтъ, у нихъ дѣти: Петръ 20 л. съ женой Дарьей Никитиной 20 л., Борисъ 17 л. съ женой Ульяной Романовой 17 л., Марко 15 л., Дмитрій 14 л. и Иванъ 8 л. (мой прадѣдъ); при немъ зять Петръ Аѳанасьевъ 25 лѣтъ *) съ женой Марьей Васильевой 25 лѣтъ.

Затѣмъ изъ отказной книги 1746 года видно, что при раздѣлѣ села Батыева поступили: а) Алексѣю Григорьевичу Матюшкину — крестьяне: Петръ Васильевъ с. Найденовъ съ женой Дарьей Никитиной и дѣтьми; Борисъ Васильевъ с. Найденовъ, вдовъ, съ дѣтьми; Марко Васильевъ с. Найденовъ съ женой Анной Ивановой и дѣтьми; Дмитрій Васильевъ с. Найденовъ съ женой Авдотьей Степановой и дѣтьми, и мать ихъ Меланья Васильева вдова (100 лѣтъ), и б) дѣвицѣ Елизаветѣ Григорьевнѣ Матюшкиной — крестьяне: Иванъ Васильевъ с. Найденовъ съ женой Ѳеклой Степановой и дѣтьми: Васильемъ, Марьей и Марьей жъ.

Сказки 2-й ревизіи 1745 года не имѣется; по сказкѣ же 3-й ревизіи отъ — іюля 1762 года, поданной старостой Маркомъ Васильевымъ, значатся принадлежащими каптенармусу Григорью Аѳанасьевичу Матюшкину крестьяне (фамилій ни у кого не обозначено): Петра Васильева, умершаго въ 1754 году, вдова Дарья Никитина съ семействомъ; Борисъ Васильевъ, вдовъ, 72 л. съ семействомъ; Марко Васильевъ 62 л. съ женой Анной Ивановой 60 л. и семействомъ; Дмитрій Васильевъ, вдовъ, 57 л. съ семействомъ; Иванъ Васильевъ (мой прадѣдъ)

*) Онъ, видимо, показанъ сыномъ въ переписи 1710 г.

52 л., при нёмъ жена Ѳекла Иванова (?) 52 л., взятая изъ села Краснаго; у нихъ дѣти: Марья, выданная въ замужство въ село Павловское, Марья жъ, выданная въ замужство въ село Красное, Василій 29 л., Сергѣй 19 л., Егоръ (мой дѣдъ) 17 л. (показанный въ сказкѣ 2-й ревизіи 2 недѣль) *) и рожденный послѣ 2-й ревизіи Василій же; у Василья большого жена Анна Матвѣева 26 л., взятая изъ села Краснаго крѣпостная того жъ помѣщика.

Въ томъ 1762 году 21 марта принадлежавшее капитану Петру Ивановичу Матюшкину село Батыево съ крестьянами было продано московскому 1-й гильдіи купцу и шелковыхъ фабрикъ содержателю Панкрату Васильевичу Колосову за 1.800 р.

Почти одновременно съ тѣмъ, а именно 25 ноября 1762 г., была продана П. И. Матюшкинымъ ему же Колосову и земля, состоявшая въ Москвѣ за Землянымъ городомъ на берегу рѣки Яузы (на коей мы живемъ), за 1.000 руб.

П. В. Колосовъ принадлежалъ къ старинному московскому купечеству; уже по 1-й ревизіи 1725 года онъ (имѣвшій тогда 17 лѣтъ) значился по мясницкой полусотнѣ въ числѣ «природныхъ» тяглецовъ, а по окладной книгѣ 1748 года былъ въ 1-й гильдіи, торговалъ въ шелковомъ ряду и имѣлъ шелковую фабрику; по 3-й ревизіи 1763 года онъ былъ показанъ съ сыновьями Васильемъ и Иваномъ на жительствѣ въ приходѣ Панкратія чуд. близъ Сухаревой башни въ своемъ домѣ; въ той же мѣстности находилась и его шелковая фабрика, по которой до сего времени носитъ названіе «Колосовъ» переулокъ; впослѣдствіи онъ имѣлъ такую же фабрику и въ городской части на Посольскомъ дворѣ (нынѣ владѣнія московскаго торговаго банка и московскаго купеческаго общества—Посольское и Новокупеческое подворья); на фабрикахъ его, по описанію моровой язвы 1771 года, имѣлось 285 рабочихъ; изъ сказки 4-й ревизіи 1782 года видно, что онъ умеръ въ 1775 году и что послѣ же него оставались въ то время сыновья: Василій (1-й

*) Лѣта, значившіяся по сказкѣ 2-й ревизіи, видны изъ сказки 3-й ревизіи.

гильдіи купецъ), Иванъ большой, Иванъ меньшой и Гаврила; по 5-й ревизіи 1795 года старшіе 3 брата значатся именитыми гражданами, а младшій, почему-то, мѣщаниномъ, при чемъ упоминается существованіе шелковой мануфактуры; жительство показано: старшаго—у Успенія на Покровкѣ въ своемъ домѣ, а остальныхъ—у Панкратія чуд. и у Троицы на Листахъ въ своихъ домахъ. Дѣла ихъ тогда уже начали приходить въ упадокъ. При слѣдующихъ ревизіяхъ Колосовы постепенно изъ купечества исчезаютъ; остается до 1825 года сынъ Василья Панкр. Колосова—Михайла Вас., бывшій въ позднѣйшее время нотаріусомъ, дѣти коего частію поступили въ статскую службу, частію перешли въ мѣщанство.

Изъ Колосовыхъ я зналъ въ 1840-хъ годахъ вдову Гаврилы Панкр. Марью Петровну (показанную по ревизіи 1795 года 25 лѣтъ), которая постоянно приходила въ церковь Грузинской Божіей Матери въ день праздника 22 августа и оттуда заходила къ намъ пить чай; она была высокаго роста съ трясущейся головой, повязанной косынкой; въ то время она была съ недостаточными средствами.

Пріобрѣвши отъ Матюшкина принадлежавшую ему часть села Батыева, П. В. Колосовъ устроилъ тамъ также шелковую фабрику, обративши крестьянъ въ фабричныхъ мастеровыхъ, а землю, находившуюся на берегу Яузы въ Москвѣ, употребилъ для помѣщенія на ней заведенія для крашенія шелка. Чѣмъ занималась эта земля ранѣе—ни откуда не видно; изъ имѣющихся документовъ извѣстно лишь, что въ самомъ началѣ XVIII столѣтія она принадлежала стольнику Ивану Петровичу Матюшкину.

Вслѣдъ за сказанной покупкой мой дѣдъ, такъ же какъ и братья его—старшій Сергѣй и младшій Василій были переселены изъ Батыева въ Москву; переселеніе это послѣдовало въ 1764 или 1765 году, какъ можно судить по исповѣднымъ росписямъ села Батыева за то время, такъ какъ въ 1764 году половина села Батыева числилась по тѣмъ росписямъ еще за П. И. Матюшкинымъ и въ немъ значился Иванъ Васильевъ

съ женой Ѳеклой Степановой; при нихъ дѣти: 1) Василій, съ женой Анной Матвѣевой и дѣтьми Платономъ и Михайлой, 2) Сергѣй, 3) Егоръ и 4) Василій; въ 1766 же году (росписи за 1765 годъ не сохранилось) эта часть Батыева значилась уже за П. В. Колосовымъ и въ ней показанъ былъ Иванъ Васильевъ, вдовъ, съ семействомъ старшаго сына Василья; тогда какъ остальныхъ сыновей—Сергѣя, Егора и Василья младшаго уже тамъ не числилось и въ росписяхъ за послѣдующее время они не встрѣчались.

Такимъ образомъ дѣдъ мой былъ водворенъ на мѣсто, гдѣ мы понынѣ живемъ, съ помѣщеніемъ его въ красильню, при коей онъ первоначально считался въ числѣ учениковъ, а впослѣдствіи красильнымъ мастеромъ.

Смерть прадѣда моего Ивана Вас., какъ по исповѣднымъ росписямъ села Батыева судить можно, послѣдовала въ 1784 году*) (начиная съ 1785 года онъ въ нихъ не упоминается), а умеръ онъ, какъ я слышалъ отъ отца, въ Москвѣ, пришедши навѣстить моего дѣда, и погребенъ на Калитниковскомъ (по тогдашнему названію «Покровскомъ») кладбищѣ. Болѣе я не знаю о немъ ничего.

О дѣдѣ моемъ Егорѣ Ив. имѣю слѣдующія понятія: роста онъ былъ средняго, сухощавъ, глаза имѣлъ сѣрые, волосы на головѣ, бородѣ и усахъ темно-русые съ просѣдью, былъ неграмотенъ (какъ это значится въ документахъ о припискѣ его въ купечество); носилъ онъ крестьянскую одежду, подпоясываясь кушакомъ, имѣлъ пристрастіе къ разнымъ охотамъ, а именно: къ травлѣ медвѣдей, для чего у него были собаки меделянской породы (помню разсказъ отца о «кричуткѣ», ходившей на медвѣдей и бывшей на цѣпи, какъ она однажды, сорвавшись и догнавши проходившаго дворомъ полицейскаго будочника, по нынѣшнему названію городового, вырвала ему половину задней части, что̀ причинило большія хлопоты), далѣе къ пѣтушиному бою, въ которомъ онъ принималъ участіе, наконецъ къ обученію птицъ: канареекъ—пѣнію подъ органъ, что̀ у него было доведе-

*) Свѣдѣніе это приводится на память, вслѣдствіе утраты консисторской справки.

но до большого совершенства, и скворцовъ—произношенію различныхъ фразъ (я слышалъ разсказъ, что однажды было кѣмъ-то сообщено генералъ-губернатору, по тогдашнему названію главнокомандующему, объ имѣющихся ученыхъ канарейкахъ; генералъ-губернаторъ, заинтересовавшись этимъ, послалъ вызвать къ себѣ дѣда для показанія ему такихъ канареекъ; но дѣдъ, перепугавшись, отдалъ ихъ безвозвратно посланнымъ, лишь бы только не являться къ начальству);—такія охоты имѣли послѣдствіемъ сближеніе его съ лицами разныхъ слоевъ общества, имѣвшихъ подобныя же пристрастія; это видно и изъ того, что воспріемниками дѣтей его были разныя постороннія лица изъ чиновнаго міра.

Во время моровой язвы дѣдъ былъ зараженъ этою болѣзнью, но выздоровѣлъ; я слышалъ по поводу этого, что когда образовывавшійся нарывъ принималъ красный цвѣтъ, то онъ не представлялъ опасности (такой нарывъ былъ и у дѣда) и только когда онъ дѣлался синимъ, то исходъ былъ уже смертельный.

Во время нашествія непріятеля въ 1812 году онъ оставался въ Москвѣ.

Онъ умеръ 30 апрѣля 1821 года въ 9 час. вечера, 76 лѣтъ отъ рода, бывши боленъ горячкой, полученной вслѣдствіе того, что онъ переночевалъ въ нетопленомъ помѣщеніи; погребенъ онъ въ Покровскомъ монастырѣ, недалеко отъ главнаго храма (въ 1-мъ разрядѣ).

Когда дѣдъ мой вступилъ въ бракъ, точныхъ свѣдѣній нѣтъ по неимѣнію церковныхъ книгъ за всѣ года, хотя изъ сохранившихся метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ росписей Ильинской церкви и переписи, совершенной въ 1774 году, видно, что въ 1772 году онъ значился холостымъ, а въ 1776 году уже женатымъ; жена же его Дарья Абрамовна въ 1774 году показана еще незамужней; затѣмъ изъ сказанныхъ метрическихъ книгъ видно, что у него было много дѣтей, изъ которыхъ большинство умерло въ младенчествѣ. Дѣти эти, по сохранившимся книгамъ, были слѣдующія: 1) Евдокія, родившаяся 15 августа 1779 г.; 2) Пелагея, род. 28 сентября 1780 г.; 3) Анастасія

(въ метрическихъ книгахъ названа Анна), род. 17 ноября 1781 г.; 4) Александръ, род. 22 августа 1784 г.; 5) Александра, род. 28 марта 1787 г. (умерла 14 іюня того же года); 6) Петръ, род. 28 іюня 1788 г. (умеръ 8 іюля того же года); 7) Александръ, род. 22 августа 1789 г.; 8) Иванъ, род. 3 сентября 1792 г. (умеръ 23 сентября того же года); 9) Василій, род. 21 февраля 1794 г. (умеръ 2 марта того же года); 10) Иванъ, род. 24 мая 1795 г.; 11) Михаилъ, род. 29 октября 1798 г. (умеръ 25 ноября того же года). Изъ означенныхъ дѣтей умершія до 1789 года погребены на Семеновскомъ, а слѣдующія на Покровскомъ (нынѣ Калитниковскомъ) кладбищѣ. Такъ какъ метрическихъ книгъ предшествующаго 1779 году времени не сохранилось, то нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, не было ли дѣтей, рожденныхъ до 1779 года, тогда какъ по непрерывности рожденій есть поводъ предполагать возможность ихъ существованія. Хотя относительно нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ дѣтей нѣтъ указаній на время ихъ смерти, но въ виду того, что въ исповѣдныхъ росписяхъ встрѣчаются лишь трое изъ нихъ, можно безошибочно заключить, что прочія всѣ померли вскорѣ послѣ ихъ рожденія, не дождавшись даже времени составленія такихъ росписей.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ дѣтей къ концу 1700-хъ годовъ оставались въ живыхъ лишь слѣдующія трое:

1) Настасья Егоровна; она была въ замужствѣ за приписаннымъ въ московское купечество въ 1794 году изъ переславль-залѣсскихъ купцовъ Григорьемъ Ѳедоровичемъ Кашинцовымъ (судя по исчезновенію ея въ 1799 году по исповѣднымъ росписямъ изъ Ильинскаго прихода, вступленіе ея въ бракъ послѣдовало въ 1798 или началѣ 1799 года); она овдовѣла въ скоромъ времени и проживала въ нашемъ домѣ до самой смерти, послѣдовавшей отъ водяной 1 апрѣля 1848 года; погребена она на Калитниковскомъ кладбищѣ. Я помню ее хорошо; она была средняго роста, имѣла суровый видъ, носила на головѣ повязку; —изъ исповѣдныхъ росписей, записей въ метрическихъ книгахъ рожденія и смерти дѣтей ея и изъ свѣдѣній купеческой

управы видно, что въ перiодъ времени 1802—1809 гг. она вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми жила въ домѣ Колосовыхъ; когда умеръ мужъ ея—неизвѣстно, но съ 1801 года онъ былъ перечисленъ въ мѣщане; дѣти ея проживали въ нашемъ домѣ и въ позднѣйшее послѣ того время; они были въ разстроенномъ положенiи; изъ нихъ старшiй Василiй Григор., холостой, родившiйся, судя по исповѣднымъ росписямъ, въ концѣ 1798 или началѣ 1799 года, пропалъ безвѣстно въ концѣ апрѣля 1849 года (состоявшiй въ то время при полицiи серпуховской части въ должности добросовѣстнаго свидѣтеля передавалъ, что при вынутiи изъ Москвы-рѣки мертваго тѣла онъ замѣтилъ въ послѣднемъ сходство съ В. Г. Кашинцовымъ); младшiй же Иванъ Григор., женатый, родившiйся приблизительно въ 1804 году, былъ въ послѣднее время жизни почтальономъ и умеръ 18 апрѣля 1846 г. въ больницѣ отъ чахотки.

2) Александръ Егоровичъ большой (мой дядя); по примѣтамъ, значащимся въ свѣдѣнiяхъ о припискѣ въ купечество, онъ былъ роста средняго*), лицомъ смуглъ, сухощавъ, имѣлъ глаза карiе, волосы на головѣ темнорусые, бороду и усы брилъ. Какъ старшiй братъ, онъ имѣлъ въ производившихся дѣлахъ первенствующее значенiе, находясь въ непосредственныхъ сношенiяхъ съ фабрикантами; поэтому распоряжался самостоятельно имѣвшимися средствами, притомъ располагалъ широкимъ знакомствомъ въ различныхъ слояхъ общества; его пристрастiемъ была охота; жизнь велъ онъ неправильную, причемъ былъ характера буйнаго, деньги тратилъ безъ разбора—было много лицъ разнаго рода, пользовавшихся отъ него займами безъ отдачи; въ теченiе послѣднихъ 9 лѣтъ жизни онъ былъ въ параличномъ состоянiи, будучи пораженъ въ бытность его на охотѣ въ Кутузовѣ; поэтому во все это время онъ не владѣлъ рукой и ногой, имѣлъ перекошенные глаза и ходилъ съ костылемъ; въ комнатѣ, которую онъ занималъ (возлѣ моего нынѣшняго кабинета), оставалось у насъ долгое время такъ

*) Онъ былъ, какъ говорили, одинаковаго роста съ моимъ отцомъ, а отецъ былъ роста довольно высокаго.

называемое вольтеровское кресло, въ которомъ онъ сидѣлъ; затѣмъ имѣется до сихъ поръ электрическая машина, употреблявшаяся для пользованія его отъ болѣзни;—такъ какъ онъ былъ, какъ я сказалъ, охотникъ, то у него былъ цѣлая свора лягавыхъ собакъ; на память о немъ сохранилось у насъ до сего времени 3 ружья, въ числѣ коихъ одно двухствольное съ рѣзнымъ ложемъ и оправой изъ червоннаго золота, охотничій кинжалъ и рожокъ (для нюхательнаго табаку) изъ клешни морского рака; грамотностью онъ не отличался, судя по имѣющимся писаніямъ его, хотя служилъ, по выбору, въ словесномъ судѣ при полицейскомъ частномъ домѣ; былъ онъ также, какъ пришлось услыхать недавно отъ Ильинскаго священника, нѣкоторое время церковнымъ старостой (когда—не знаю, такъ какъ никогда о томъ ранѣе не слыхалъ и никакихъ слѣдовъ этого не вижу);—женатъ онъ не былъ; умеръ 30 августа 1833 г., въ 11 час. утра, и погребенъ въ Покровскомъ монастырѣ рядомъ съ моимъ дѣдомъ.

3) Александръ Егоровичъ меньшой (родившійся 22 августа 1789 г. по утру—мой отецъ); по метрическимъ книгамъ Ильинской церкви видно, что при крещеніи его воспріемниками были: моск. управы благочинія маіоръ Иванъ Өедор. Птицынъ и тульскаго намѣстничества секретаря Ивана Мих. Кавелина жена Дарья Михайловна.—И. Ө. Птицынъ былъ сынъ моск. 1-й гильдіи купца Өедора Ив. Птицына, значительнаго по тому времени торговца, имѣвшаго домъ въ приходѣ Алексія митр. за Яузой; я слыхалъ отъ отца, что онъ былъ съ дѣдомъ въ домѣ Птицына, у котораго обстановка была, говоря языкомъ того времени, барская—прислуга была въ чулкахъ;—знакомство съ нимъ дѣда моего (а Птицынъ крестилъ у него нѣсколькихъ дѣтей) происходило вслѣдствіе какой-то общей охоты—кажется, пѣтушиной; о крестной матери отца я отъ него никогда ничего не слыхивалъ.

11 ноября 1828 г. отецъ мой вступилъ въ бракъ съ матерью моей моск. купеческой дочерью Марьей Никитичной Дерягиной, родившейся 30 января 1812 г. (въ 10 час. вечера);

насъ, дѣтей, было у нихъ 7: 1) Анна, родившаяся 20 сентября 1829 г. (въ 3/4 1-го часа пополуночи), нынѣ вдова; она была въ замужствѣ съ 28 октября 1848 г. за моск. купцомъ Васильемъ Ѳедор. Бахрушинымъ, умершимъ 29 октября 1866 г.; у нея послѣ смерти мужа остались дѣти: а) дочь Марья, нынѣ вдова, по мужѣ Розанова; б) сынъ Николай, умершій 19 января 1887 г., былъ женатъ; послѣ него осталась вдова съ дѣтьми; в) дочь Софья, по мужѣ Дегтярева, умершая вдовой 13 января 1903 г.; г) дочь Юлья, по мужѣ Карагулина; дочери дѣвицы: д) Вѣра и е) Клавдія и ж) сынъ Василій, умершій въ 1867 г.;— 2) Викторъ, родившійся 10 февраля 1831 г. (въ 9 час. 10 мин. вечера), холостой;—3) Николай (пишущій это), родившійся 7 декабря 1834 г. (въ 6 час. 40 мин. утра), женатъ съ 12 января 1864 г. на моск. купеческой падчерицѣ Варварѣ Ѳедор. Расторгуевой, родившейся 1 января 1847 г. (въ 2 ч. дня) *); у насъ дѣти: а) дочь Марья, родившаяся 24 февраля 1865 г. (въ 5 1/2 ч. веч.), по мужѣ съ 29 сентября 1885 г. Варенцова; б) сынъ Александръ, родившійся 5 апрѣля 1866 г. (въ 1/2 1-го часа ночи), женатъ съ 12 іюня 1894 г. на дочери поч. гражд. Елизаветѣ Ив. Рѣшетниковой; в) дочь Евгенія, родившаяся 25 іюля 1867 г. (въ 1 ч. 30 мин. ночи), по мужѣ съ 11 ноября 1890 г. Тушнина; г) сынъ Владиміръ, родившійся 9 іюля 1881 г. (въ 3¼ час. утра), умеръ 24 декабря 1882 г. (въ 11¼ час. вечера) отъ воспаленія мозговыхъ оболочекъ, и д) дочь Варвара, родившаяся 2 апрѣля 1884 г. (въ 4 часа утра), умерла 28/29 апрѣля 1894 г. (время никому неизвѣстно, такъ какъ утромъ она была найдена въ постели мертвой);—4) Ольга, родившаяся 1 марта 1837 г. (въ 2 1/2 часа дня), умерла 16 января 1901 г. (въ 3 1/2 часа утра) отъ болѣзни почекъ, обнаруженной около 2 лѣтъ передъ тѣмъ; она была въ замужствѣ съ 9 ноября 1858 г. за пот. поч. гражд. Арсеніемъ Михайл. Капустинымъ, умершимъ 28 мая 1899 г.; у нихъ остались дѣти: сыновья—а) Александръ, женатый, б) Владиміръ и в) Николай, холостые, и

*) Обрученіе неформальное—24 окт., а формальное—1 декабря 1863 г.

дочери—г) Людмила, по мужѣ Журавлева, д) Варвара, по мужѣ Фокина, и е) Ольга, по мужѣ Алпатова;—5) Александръ, родившійся 20 октября 1839 г. (въ 8 час. утра), женатъ съ 28 апрѣля 1876 г. на дочери мануф.-совѣтника Александрѣ Герас. Хлудовой, родившейся 13 февр. 1856 г.; у нихъ дѣти: сыновья—а) Александръ, родившійся 28 іюня 1877 г., и б) Георгій, родившійся 15 мая 1882 г., и дочери—в) Ксенія, г) Татьяна, д) Наталья, е) Марина и ж) Елена;—6) Владиміръ, родившійся 12 іюля 1842 г. (въ 5 ½ ч. утра), умеръ 18 ноября 1864 г. (въ 3 ½ часа дня) отъ брюшного тифа и воспаленія слѣпой кишки въ 13-й день отъ начала болѣзни; и 7) Марья, родившаяся 9 апрѣля 1848 г. (въ 6 ¼ час. утра), нынѣ вдова, была въ замужствѣ съ 9 января 1872 г. за моск. купцомъ Михаиломъ Алексѣев. Ремизовымъ, умершимъ 10 мая 1883 г.; у нихъ остались сыновья: а) Николай, б) Сергѣй, в) Викторъ—женатые, и г) Алексѣй;—всѣ мои сестры вышли въ замужство за вдовцовъ, изъ коихъ отъ 1-го брака имѣли: В. Ѳ. Бахрушинъ—дочь Елизавету (бывшую въ замужствѣ въ Тулѣ), по мужѣ Струкову, умершую тамъ въ апрѣлѣ 1892 г.; А. М. Капустинъ—дочерей: Александру, нынѣ по мужѣ Полетаеву, и Елизавету, по мужѣ Ежову (нынѣ вдова); М. А. Ремизовъ—3 сыновей и 2 дочерей.

Отецъ мой скончался 7 декабря 1864 г. (въ 11 час. утра), а мать—12 ноября 1854 г. (въ 2 ¼ часа по полуночи); погребены они, равно какъ и младшій братъ мой, рядомъ въ Покровскомъ монастырѣ (во 2-мъ разрядѣ);—изъ перечисленныхъ лицъ погребены тамъ же В. Ѳ. Бахрушинъ съ дѣтьми, А. М. и О. А. Капустины и мои младшія дѣти, а М. А. Ремизовъ—на Даниловскомъ кладбищѣ.

Отецъ мой былъ, противъ своего старшаго брата, совершенно другого направленія во всѣхъ отношеніяхъ; родившись въ указанной выше обстановкѣ, онъ не могъ оставаться въ ней и стремился къ достиженію цѣлей болѣе возвышеннаго свойства; обучившись первоначально въ приходскомъ училищѣ при

церкви Мартина исповѣдника (въ Алексѣевской), онъ находилъ недостаточнымъ полученное имъ такимъ путемъ образованіе; несмотря на скудость тогдашнихъ средствъ, онъ для достиженія этой цѣли старался сблизиться съ средой образованной, при содѣйствіи которой и пріобрѣлъ общія свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ знаній; помимо̀ того, что онъ писалъ весьма правильно и обстоятельно излагалъ мысли, не исключая даже составленія дѣловыхъ бумагъ, требовавшихся къ подачѣ въ различныя учрежденія, онъ учился французскому языку, съ которымъ былъ освоенъ въ весьма достаточной по тѣмъ средствамъ мѣрѣ; любознательность его имѣла слѣдствіемъ то, что онъ съ ранняго возраста получалъ «московскія вѣдомости» и «русскій вѣстникъ» (собиравшіеся имъ и хранившіеся въ цѣлости), имѣя у себя, кромѣ того, различныя вышедшія во 2-й половинѣ XVIII столѣтія на французскомъ языкѣ энциклопедіи и нѣкоторыя другія сочиненія, равно какъ и русскія изданія преимущественно современнаго серьезнаго содержанія; онъ любилъ посѣщать театръ и зналъ всѣхъ выдававшихся на этомъ поприщѣ дѣятелей; слѣдилъ за современными происшествіями, ходомъ военныхъ дѣйствій и внѣшней политикой;—все это имѣетъ особое значеніе въ виду того, что происходило это еще до 1812 года;—онъ имѣлъ обыкновеніе записывать все казавшееся ему интереснымъ; любовь къ чтенію и наблюденіе за ходомъ внѣшней политики сохранялись имъ до самого конца его жизни;—одной изъ главныхъ заботъ его было дать дѣтямъ возможное по мѣрѣ средствъ образованіе, что̀ въ то время далеко не составляло такого явленія, которое теперь считается обыкновеннымъ (вслѣдствіе такого направленія его всѣ мы, послѣ домашней подготовки, получили образованіе въ училищахъ, мужскомъ и женскомъ, при Петропавловской лютеранской церкви);—къ родителямъ своимъ, несмотря на рознь взглядовъ, а поэтому и цѣлей жизни, онъ относился съ подобающимъ уваженіемъ; жизнь велъ онъ правильную, совершенно воздержную, характеръ имѣлъ тихій, любилъ чрезвычайно нашу мать и насъ дѣтей, что̀ существовало при такихъ же взаимныхъ чувствахъ; добро-

совѣстность была его основнымъ правиломъ; онъ былъ скрытенъ и чуждался посторонняго общества, остерегаясь всякой случайности быть на виду, тѣмъ болѣе что впослѣдствіи, въ теченіе долгаго времени, онъ былъ одинокимъ, а тогда существовали различныя обязательныя общественныя службы, въ числѣ которыхъ были весьма тягостныя по отвѣтственности (какъ въ магистратѣ или сиротскомъ судѣ) и въ которыя бывали выбираемы лица, попадавшія на видъ общества; такъ я помню, что, когда я, начавши общественную дѣятельность (это было въ началѣ 1864 года), рѣшился однажды возражать представителямъ старой партіи и вызвалъ тѣмъ негодованіе, то отецъ сказалъ мнѣ: «смотри, когда не будетъ меня, за твой языкъ запрячутъ тебя въ какую-нибудь службу»; настолько опаснымъ считалось это въ то время;—въ теченіе всей своей жизни онъ постоянно занимался дѣломъ; послѣдняя запись выдачи товара была сдѣлана имъ наканунѣ дня начатія его болѣзни (3 апрѣля 1864 г.), отъ которой онъ уже не оправился.— Въ воскресенье (4 апрѣля) онъ простудился, бывши у ранней обѣдни; въ этотъ день имъ ничего замѣчено не было; ночью же обнаружилась сильная боль въ головѣ; лѣчиться онъ вообще не любилъ, но были тотчасъ же приняты мѣры и, послѣ долгаго нахожденія въ постели—около мѣсяца, онъ началъ кое-какъ поправляться; обнаружившаяся въ началѣ боль въ головѣ угрожала, какъ оказалось, воспаленіемъ мозга; — хотя затѣмъ онъ нѣсколько и поправился, тѣмъ не менѣе не могъ придти въ прежнее состояніе, болѣзнь оставила слѣдъ—стали ощущаться небывалыя дотолѣ разныя боли; лѣтомъ онѣ были не такъ чувствительны, но съ осени пошло все хуже и хуже и онъ часто уже не оставлялъ постели; ночью на 4-е декабря съ нимъ сдѣлался обморокъ; 6 декабря онъ изъ антресолей, гдѣ въ теченіе послѣдняго года находилась его спальня, въ послѣдній разъ сходилъ еще внизъ и, выкуривши трубку табаку, пробылъ тамъ нѣсколько времени; ночью же на 7-е декабря обморокъ повторился, а затѣмъ возобновился опять въ 10-мъ часу утра (мы были вызваны по этому изъ Покров-

скаго монастыря, гдѣ были по случаю 20-го дня смерти младшаго брата Владиміра); привести его въ чувство въ этотъ разъ не было возможности; у него послѣдовало изліяніе крови въ брюшную полость, вслѣдствіе изъязвленія кишекъ. Смертью его всѣ мы были поражены страшнымъ образомъ.

Моя мать была невысокаго роста, худощавая, держалась въ послѣднее время нѣсколько сутуловато, имѣла волосы русые, глаза голубые; портретовъ во время состоянія ея въ замужствѣ снимаемо не было, имѣется лишь маленькій портретъ, сдѣланный въ дѣтствѣ; по общей формѣ и росту большое сходство съ ней имѣла моя младшая сестра М. А. Ремизова (въ лѣта, соотвѣтствовавшія послѣднему времени жизни матери);—она чрезвычайно любила отца и насъ—дѣтей, точно такъ же любили ее и мы; изъ насъ меня кормила она сама;—она вела жизнь самую правильную, вполнѣ воздержную, была весьма религіозна—въ теченіе послѣднихъ 7 или 8 лѣтъ жизни (до болѣзни) она бывала постоянно по нѣскольку разъ въ недѣлю у ранней обѣдни;—притомъ она была мистическаго настроенія, которое отъ нея въ нѣкоторой степени унаслѣдовали и многія изъ насъ—ея дѣтей. Въ жизни она имѣла много тяжелыхъ нравственныхъ испытаній.

Смерть ея послѣдовала послѣ продолжительной болѣзни отъ рака въ груди. Въ апрѣлѣ 1852 года ею была замѣчена на мягкой части лѣвой стороны груди небольшая затвердѣлость въ величину кедроваго орѣха (происхожденіе ея приписывалось сильному огорченію вслѣдствіе тяжелой болѣзни старшей сестры моей), которая, несмотря на начавшія приниматься различныя мѣры, постепенно увеличивалась и къ концу слѣдующаго 1853 года достигла уже величины куринаго яйца, а затѣмъ на мѣстѣ ея образовалась рана; съ начала осени 1854 года мать не покидала уже постели и, послѣ долгихъ тяжелыхъ страданій, 12 ноября, благословивъ дѣтей, скончалась (на 43-мъ году), проживши въ супружествѣ ровно 26 лѣтъ. Кончиной ея всѣ мы были поражены до крайности; большинство изъ насъ было въ малолѣтнемъ возрастѣ; при

тѣхъ чувствахъ любви, которыя проявлялись съ ея стороны къ намъ и мы имѣли къ ней, вѣчная разлука съ ней была для насъ ужасна. Сейчасъ, при изложеніи этого, когда уже тому минуло болѣе 48 лѣтъ, я, вспоминая происшедшее, не могу удержаться отъ слезъ.

Старшій братъ моего дѣда, Сергѣй Ив., былъ, какъ я слышалъ, помѣщенъ на ткацкую фабрику Колосова, гдѣ и былъ послѣ ткацкимъ мастеромъ; но, по исповѣднымъ росписямъ, въ 1780—85 годахъ онъ значился въ числѣ живущихъ въ домѣ Колосова въ Ильинскомъ приходѣ, при чемъ въ 1780 году онъ, видимо, былъ уже вдовъ, такъ какъ при немъ были показаны дѣти: Авдотья 8 и Григорій 6 лѣтъ, жены же не числилось; кто была она и какъ ее звали, я никогда не слыхалъ (дѣти эти упоминались безъ измѣненія въ теченіе всѣхъ сказанныхъ лѣтъ); затѣмъ изъ метрическихъ книгъ видно, что 5 ноября 1782 г. онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью умершаго московскаго купца (барашской слободы) Ивана Петрова Козина дѣвицей Натальей Ивановой;—когда умеръ онъ, равно какъ и помянутый выше сынъ его, мнѣ неизвѣстно;—на моей памяти оставались въ живыхъ его 3 дочери (послѣднія 2, какъ видно, отъ 2-го брака): 1) Авдотья Серг., высокая, худая, смотрѣвшая старой барыней (я ее помню, уже въ весьма преклонномъ возрастѣ, въ концѣ 1840-хъ годовъ); когда умерла она—я не знаю; она была замужемъ 2 раза—1-й мужъ былъ Алексѣй Михайл. (фамиліи не слыхалъ); чѣмъ онъ былъ, точно не знаю, но, по имѣющемуся у меня маленькому портрету его, который она мнѣ отдала на сохраненіе въ послѣднее время ея жизни, это типъ тогдашняго управляющаго—съ напудренными волосами, въ жабо и красномъ жилетѣ; а 2-й мужъ—состоявшій въ теченіе нѣкотораго времени (съ 1803 г.) московскимъ купцомъ Александръ Роман. Черкасовъ, женившійся вдовымъ и имѣвшій отъ 1-го брака 2 дѣтей—сына Ивана Александр. (занимавшаго, какъ я помню, должность экспедитора въ опекунскомъ совѣтѣ) и дочь Елизавету Александр.; я помню—они были восточна-

го типа;—Авдотья Серг., будучи вдовой, жила въ теченіе нѣкотораго времени въ нашемъ домѣ—долго ли, не знаю (въ исповѣдныхъ росписяхъ 1828 года она значится). 2) Елизавета Серг. была замужемъ за чиновникомъ кремлевской экспедиціи Васильемъ Вас. Радивиловымъ, женившимся на ней вдовымъ (его, по преданію, оставляли за провинности въ экспедиціи въ одномъ сапогѣ); это былъ типъ чиновницы; послѣ смерти мужа, послѣдовавшей въ началѣ 1831 года, она жила съ половины 1839 года до своей смерти у насъ въ зданіи, находившемся на берегу Яузы (возлѣ красильни); за службу мужа получала она какую-то маленькую пенсію; у нея была предоставленная въ ея пожизненное пользованіе (по какой причинѣ не знаю) крѣпостная С. С. Еропкина дѣвка; затѣмъ принадлежностью ея была старая моська; помню—ее навѣщали иногда какія-то старухи (въ родѣ богадѣленокъ), которыя не смѣли сидѣть на стульяхъ, а помѣщались на подножныхъ скамеечкахъ; она была, какъ я ее зналъ, больна ревматизмомъ, имѣвши на рукахъ сведенные пальцы; при всемъ томъ, бывало, отправлялась она пѣшкомъ въ Троице-Сергіеву лавру, на что съ проѣздомъ назадъ на лошади употреблялось чуть ли не 2 недѣли, такъ какъ остановка въ 1-й день была въ селѣ Алексѣевскомъ (3 версты за Крестовской заставой), на 2-й день—въ Мытищахъ (15 верстъ) и т. д.; по праздникамъ она постоянно обѣдала и ужинала у насъ;—нерѣдко она отправлялась гостить къ жившей въ приходѣ у Троицы въ Вишнякахъ какой-то состоятельной барынѣ Натальѣ Александр. Баскаковой, у которой въ домѣ и умерла она 30 апрѣля 1846 г., въ 5-мъ часу дня, числившись, по исповѣднымъ книгамъ, 58 лѣтъ, и погребена на Калитниковскомъ кладбищѣ. 3) Настасья Серг.; ее я зналъ плохо, потому что она у насъ бывала чрезвычайно рѣдко; она была замужемъ за какимъ-то фабричнымъ титовской фабрики и потому совершенно отличалась отъ старшихъ сестеръ; носила на головѣ повязку; мужа ея звали Андрей Петр.; это былъ человѣкъ, ходившій, какъ называлось тогда, по русски—съ бородой, въ длинномъ сюртукѣ; жили они при титовской фабрикѣ, пріобрѣвшей въ послѣднее

время названіе «Титовки» (арестный домъ); когда они померли, мнѣ совершенно неизвѣстно.

Младшій братъ моего дѣда, Василій Ив., чѣмъ занимался, гдѣ жилъ въ Москвѣ и когда умеръ—никогда отъ отца не слыхалъ; помимо же этого слышалъ я однажды, что онъ былъ поваромъ, но вѣрно ли это, не знаю.

Что же касается неподвергшагося въ 1765 году переселенію въ Москву брата моего—дѣда Василья Ив. большаго, то онъ остался съ потомствомъ своимъ на жительствѣ въ Батыевѣ;—по исповѣднымъ росписямъ 1770 года онъ показанъ тамъ съ женой Анной Матвѣевой и сыновьями Платономъ (въ сказкѣ 3-й ревизіи 1762 года пропущеннымъ, хотя значившимся уже въ исповѣдныхъ росписяхъ 1760 года—2 лѣтъ) и Михайлой;—въ росписяхъ 1780 года Анна Матвѣева числится вдовой съ помянутыми дѣтьми; то же и въ 1800 году, при чемъ у Платона Вас. значатся сыновья: Иванъ и Силуянъ;—по сказкѣ 6-й ревизіи 1811 года числятся тѣ же лица (женскій полъ вовсе не упоминается);—въ сказкѣ 7-й ревизіи 1816 года показаны: Платонъ Вас. 58 л. съ женой Пелагеей Ив. 56 л. и сыномъ Иваномъ 33 л. (Селуянъ умеръ въ 1813 г.); затѣмъ Михайла Вас. 55 л. съ женой Аксиньей Прокофьевой 40 л. и сыномъ Родіономъ 4 л.;—по сказкѣ 8-й ревизіи 1834 года—Платонъ Вас. вдовъ, 76 л., съ сыномъ Иваномъ 51 г.; у него жена Аграфена Серг. 43 л. и сыновья: Иванъ 16, Николай 13 и Петръ 3 л.; Михайла Вас. 73 л., съ женой Аксиньей 58 л. и сыномъ Родіономъ 22 л., у коего жена Христина 22 л.;—въ сказкѣ 9-й ревизіи отъ 20 сент. 1850 г. значится: Платонъ Вас. умеръ въ 1842 г., а сынъ его Иванъ—въ 1848 г.; остаются дѣти Ивана: 1-й Иванъ 32 л., у него жена Ефросинья Степ. 32 л. и дочь Анна 1 нед., и 2-й Николай 29 л., у него жена Авдотья Дмитр. 25 л. и сынъ Назаръ 6 л.; (3-й сынъ Петръ умеръ въ 1848 г.;—Михайла Вас. умеръ въ 1855 г., а сынъ его Родіонъ—въ 1842 г.).

Изъ всѣхъ принадлежавшихъ къ роду Найденовыхъ лицъ только одинъ мой дѣдъ Егоръ Ив. съ семействомъ (женой и

сыновьями) былъ на основаніи положенія комитета министровъ, состоявшагося 29 февраля 1816 года, уволенъ изъ мастеровыхъ фабрики купцовъ Колосовыхъ, «по желанію содержателей оной, для избранія другого рода жизни» и, согласно сообщенію московскаго магистрата 2-го департамента отъ 19 апрѣля того же года за № 2611, записанъ домомъ московскаго градскаго общества въ московское купечество, по 3-й гильдіи, по лужниковъ дѣвичьихъ слободѣ (дѣло архива моск. купеческой управы № 446);—всѣ же прочія (кромѣ 2 дочерей Сергѣя Ив., перешедшихъ, вслѣдствіе выхода въ замужство, въ другое состояніе),—по продажѣ принадлежавшей Колосовымъ части села Батыева коммерціи совѣтнику моск. 1-й гильдіи купцу Михайлѣ Ив. Титову *),—перешли во владѣніе сего послѣдняго (по исповѣднымъ росписямъ эта часть Батыева значится въ 1815 году еще за И. П. Колосовымъ, а въ 1816 году, такъ же какъ и по сказкѣ 7-й ревизіи, поданной въ февралѣ 1816 г., за М. И. Титовымъ).

Отъ отца слышалъ я, что когда Титовъ купилъ колосовскую часть Батыева, то онъ вызвалъ къ себѣ дѣда моего для объявленія ему объ этомъ и былъ очень удивленъ полученнымъ отъ дѣда объясненіемъ о непринадлежности уже его къ колосовской фабрикѣ;—при покупкѣ Титовъ, видимо, разсчитывалъ пріобрѣсти и дѣда съ семействомъ, имѣвшаго тогда собственное дѣло и представлявшагося уже зажиточнымъ (вѣроятно единственнымъ) изъ среды числившихся при фабрикѣ мастеровыхъ;—какимъ путемъ удалось достигнуть такого освобожденія, требовавшаго, какъ видно, разсмотрѣнія въ комитетѣ министровъ, это осталось для меня покрытымъ неизвѣстностью;—слышалъ я только, что ходатайство о томъ было сопряжено съ спѣшностью (и, должно быть, надлежащими расходами) и что, вслѣдъ за тѣмъ, было воспрещено увольнять отъ фабрикъ приписанныхъ къ нимъ мастеровыхъ, да и самая возможность къ такому увольненію существовала лишь въ теченіе недолгаго времени; при

*) М. И. Титовъ состоялъ, съ конца 1814 г. до начала 1819 г. моск. градскимъ главой; по полученному ордену былъ возведенъ впослѣдствіи въ потомственное дворянство.

этомъ слышалъ я, что устройство этого дѣла принадлежало нѣкоему Секунду Филип. Бюстрюкову;—чѣмъ онъ занимался, точно не знаю, но, видимо, онъ былъ изъ доморощенныхъ ходатаевъ по дѣламъ; я его помню въ позднѣйшее время его жизни, когда онъ (въ солдатскомъ костюмѣ) прихаживалъ къ намъ по отбытіи военной службы, въ которую онъ былъ отданъ за составленіе какимъ-то крестьянамъ жалобы на помѣщика, поданной на Высочайшее имя;—послѣ того въ 1840-хъ и 50-хъ годахъ къ намъ ходила вдова его съ дочерьми, получавшая отъ отца моего постоянно ежемѣсячное пособіе;—видимо заслугѣ его придавалось особое значеніе.

Дальнѣйшая участь мастеровыхъ титовской фабрики или, какъ они назывались, «мастеровыхъ крестьянъ, обладаемыхъ на поссесіономъ правѣ», была весьма печальной. По смерти М. И. Титова и прекращеніи фабричнаго производства, они разбрелись, занявшись преимущественно господствующимъ въ той мѣстности каменьщичьимъ промысломъ и потерявши уже прежнее значеніе «мастеровыхъ». Затѣмъ они перешли (какъ и по сказкѣ 9-й ревизіи, поданной 20 сентября 1850 г., значилось) по наслѣдству къ сыну М. И. Титова—колл. секр. Алексѣю Мих. Титову, который, вздумавши развязаться съ ними, отобралъ отъ нихъ подписку о желаніи переселиться въ Сибирь (по безграмотности большинства подписывались, конечно, тѣ, коимъ было поручено вызвать такое желаніе) и въ 1853 году послѣдовало выселеніе ихъ тобольской губ., тюкалинскаго уѣзда, въ дер. Новый городокъ;—отказались присоединиться къ такой подпискѣ лишь двое изъ батыевскихъ крестьянъ: 1) Иванъ Ивановъ—упоминаемый выше правнукъ въ прямой линіи оставшагося непереселеннымъ въ 1765 году изъ Батыева Василья Ив. большаго Найденова, и 2) Макаръ Даниловъ—праправнукъ въ прямой линіи Марка Вас. Найденова (брата моего прадѣда).—Вслѣдствіе поданныхъ ими прошеній они были оставлены и приписались въ суздальскіе мѣщане, при чемъ Иванъ Ив. принялъ фамилію «Платонова» (по имени своего дѣда). Онъ послѣ того каждогодно, отправляясь на богомолье и приходя въ

Москву, проживалъ нѣкоторое время у насъ; въ 1887 году, ѣздивши въ Суздаль, я былъ у него; онъ содержалъ тамъ постоялый дворъ, отъ чего и добывалъ средства къ пропитанію—средства, конечно, крайне скудныя; онъ умеръ 11 февраля 1888 г., безъ потомства мужскаго пола;—послѣ него продолжала посѣщать насъ тѣмъ же порядкомъ вдова его Евфросинья Степ., которая также умерла лѣтъ 5 назадъ; у нея осталась въ Суздалѣ лишь замужняя дочь. По свѣдѣніямъ, которыя имѣлись отъ Ивана Ив., переселенные въ Сибирь, по непривычности къ тамошнему климату, бо̀льшею частію вымерли.

Происхожденіе матери моего отца—Дарьи Абрамовны таково:

По книгѣ 2-й ревизіи 1747 года значится причисленнымъ въ московское купечество по таганной слободѣ изъ крестьянъ московскаго уѣзда, дворцовой гжельской волости, деревни Григоровой, Аврамъ Аѳанасьевъ Ѳедуловъ съ семействомъ, у коего, по сказкѣ 3-й ревизіи отъ декабря 1763 года, значатся: жена Прасковья Дементьева, взятая у московскаго купца Дементья Прохорова дочь, сыновья: Иванъ и Алексѣй, и дочери: Прасковья 9 л., Дарья 5 л. и Катерина 3 л., при чемъ онъ показанъ на жительствѣ въ приходѣ Николая чуд. на Ямахъ, въ своемъ домѣ. Затѣмъ, по сказкѣ 4-й ревизіи отъ 25 мая 1782 г. значатся: Авр. Аѳ. Ѳедуловъ—умершимъ въ 1770 году, вдова его Прасковья Дементьева—находящеюся въ магистратской богадѣльнѣ (бывшей на мѣстѣ нынѣшняго новаго гостинаго двора), сыновья: Иванъ—умершимъ въ 1779 году, Алексѣй—отданнымъ въ рекруты въ 1769 году, дочери: Прасковья—умершей въ 1771 году, Дарья—выданной въ замужство за красильника колосовой фабрики Егора Иванова, и Катерина—выданной въ замужство за ворсанника большаго суконнаго двора Михайлу Андреева.

Свѣдѣній о нихъ въ позднѣйшихъ ревизскихъ сказкахъ нѣтъ; изъ метрическихъ же книгъ Ильинской церкви видно, что мать моей бабки, Прасковья Демент., умерла въ домѣ Ко-

лосовыхъ 4 ноября 1792 г. 80 лѣтъ и погребена на Покровскомъ (Калитниковскомъ) кладбищѣ.

Дарья Абрам. была, какъ я слышалъ, нрава тихаго, ходила «по-русски» (т.-е. съ повязанной головой); по примѣтамъ, значащимся въ свѣдѣніяхъ о припискѣ, она была роста небольшаго, круглолика; имѣла глаза каріе, волосы русые съ просѣдью, лѣвую руку вывихнутую въ кисти, отчего виденъ былъ горбъ; она умерла 15 октября 1831 г. (въ 6 час. утра), причемъ была показана 72 л. 7 мѣс.*), и погребена въ Покровскомъ монастырѣ, рядомъ съ дѣдомъ.

Упоминаемая въ сказкахъ 3-й и 4-й ревизій младшая сестра ея, Екатерина Абрам., бывшая въ замужствѣ за Михайлой Андр. Арженовымъ, числившимся позднѣе мастеромъ московской суконной манифактуры (время смерти ихъ неизвѣстно; есть свѣдѣніе лишь о томъ, что она погребена на Дорогомиловскомъ кладбищѣ, а мужъ ея—въ сельцѣ Кутузовѣ—въ 30 верстахъ отъ Москвы), имѣла 2 дочерей: Наталью и Татьяну, проживавшихъ, какъ изъ исповѣдныхъ росписей видно, съ 1800 года (видимо послѣ смерти матери): 1-я до 1806 г., а 2-я—до 1808 г., у моего дѣда и числившихся дворовыми дѣвицами князя Юрья Владиміровича Долгорукова, при чемъ въ 1800 году имъ было показано: 1-й—12 л., а 2-й—9 л.

Такъ какъ прилегающая къ Полуярославскому мосту земля, принадлежавшая ранѣе фабриканту Полуярославцеву, въ указанное время составляла собственность кн. Ю. В. Долгорукова, то изъ принадлежности ему же племянницъ моей бабки можно заключить, что отецъ ихъ находился при состоявшей тутъ же (въ приходѣ Николая чуд. на Ямахъ) суконной фабрикѣ.

Изъ нихъ Наталья Мих. была выдана въ замужство (судя по исповѣднымъ росписямъ, въ 1806 или началѣ 1807 г.) за отпущеннаго на волю отъ графа Матюшкина Мирона Ив. Жукова, бывшаго впослѣдствіи московскимъ купцомъ и имѣвшаго какой-то кожевенный заводъ (кажется въ Кутузовѣ), а по разстройствѣ его дѣлъ содержавшаго маклерскую (что́ нынѣ нотаріаль-

*) Слѣдов. она родилась въ мартѣ 1758 г.

ная) контору; онъ умеръ въ 1846 году и погребенъ на Даниловскомъ кладбищѣ;—она же умерла 1 апрѣля 1817 г. и погребена въ Кутузовѣ, при чемъ послѣ нея остались 2 дочери: 1) Марья, проживавшая нѣкоторое время въ нашемъ домѣ, но затѣмъ поступившая въ Зачатіевскій монастырь и умершая уже «монахиней Меѳодіей», въ 1884 году, и 2) Наталья, бывшая въ замужствѣ за нѣкіимъ Павломъ Петр. Сальковымъ, состоявшимъ, какъ я слыхалъ, въ должности повѣреннаго отъ откупщика Н. Я. Голяшкина въ гор. Бобровѣ воронежской губ. (какъ ее, такъ и ея мужа, я плохо помню, такъ какъ они бывали въ Москвѣ рѣдко, и когда они померли—не знаю); послѣ нея осталась дочь, которая жива и теперь (находится не въ здравомъ умѣ).

Затѣмъ Татьяна Мих. была выдана въ замужство въ 1819 году за крѣпостного двороваго человѣка колл. сов. Чашникова (отпущеннаго въ декабрѣ 1826 г. на волю) Михайлу Никит. Лебедева, занимавшаго въ теченіе всей своей жизни должность управляющаго у разныхъ помѣщиковъ и вслѣдствіе того проживавшаго съ семействомъ въ различныхъ губерніяхъ;—послѣ смерти М. Н. Лебедева, послѣдовавшей 14 января 1849 г. (ему было 65 лѣтъ), она жила постоянно въ Москвѣ (въ Хамовникахъ), гдѣ и умерла 20 сентября 1865 г.; Михайла Никит. былъ высокаго роста, типъ дворецкаго, гладко стриженый, съ бритой бородой, а Татьяна Мих.—маленькаго роста, съ повязкой на головѣ; семейство его состояло изъ 2 сыновей: Никиты и Пантелея и 5 дочерей: Екатерины, Варвары, Пелагеи, Анны и Авдотьи; всѣ они уже померли и погребены (вмѣстѣ съ отцомъ и матерью) на Дорогомиловскомъ кладбищѣ; жизнь всего семейства прошла въ тяжеломъ трудѣ;—послѣ сыновей—Никиты (занимавшагося часовымъ мастерствомъ) и Пантелея Мих. Лебедевыхъ остались дѣти, всѣ уже теперь взрослые; изъ дочерей же была въ замужствѣ одна Пелагея Мих.; послѣ нея остался сынъ Василій Конст. Чернышевъ, нынѣ состоящій на службѣ въ московскомъ торговомъ банкѣ.

Относительно рода моей матери (Дерягиныхъ) имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

По сказкѣ 4-й ревизіи 1782 года значился по садовой большой слободѣ причисленный изъ волоколамскихъ купцовъ моск. 3-й гильдіи купецъ Семенъ Степановъ Дерягинъ 33 лѣтъ *), съ женой Лукерьей Ефимовой 28 л. и дѣтьми: Никитой (отцомъ моей матери) 5 л. **), Ильей 2 л. и Катериной 6 мѣс. (гдѣ онъ жилъ, неизвѣстно, такъ какъ ревизской книги по этой слободѣ нѣтъ);—по сказкѣ 5-й ревизіи 1795 года (18 мая) у него показана въ семействѣ, сверхъ означенныхъ, дочь Анна 4 л. (бывшая впослѣдствіи въ замужствѣ за моск. купцомъ Петромъ Ил. Сорокоумовскимъ, основателемъ существующей понынѣ торговли пушнымъ товаромъ); жительство значилось въ приходѣ Николая чуд. въ Голутвинѣ, въ домѣ купца Богатырева, торговля—въ черевишномъ ряду; а по очередной книгѣ 1801 года, жительство—якиманской ч., у Іоанна воина, въ домѣ купца Насонова, а торгъ—въ башмачномъ ряду;—въ 1806 году померли какъ Семенъ Степ. (22 іюня), такъ и сынъ его Илья (20 мая), и по сказкѣ 6-й ревизіи 1811 года числится купцомъ 3-й гильдіи Никита Сем. Дерягинъ съ матерью и женой Анной Никит. 24 л. (моей бабкой, которая была дочерью моск. купца лужниковъ дѣвичьихъ слободы Никиты Ив. Потоловскаго, причисленнаго 31 мая 1798 г., вмѣстѣ съ отцомъ Иваномъ Семеновымъ (умершимъ въ 1801 г.), въ московское изъ зарайскаго купечества и умершаго въ 1812 году; при немъ (ему было 50 л.), по сказкѣ 6-й ревизіи 1811 года, значились: жена 2-го брака Наталья Павл. 29 л. и дѣти: Алексѣй 14 л., Петръ 11 л., Михайла 10 л., Александръ 2 л., Прасковья 14 л., Марья 9 л., Елизавета 8 л. и Настасья 4 мѣс.; кромѣ того, дочь Татьяна 17 л. была уже въ замужствѣ за моск. купеческимъ сыномъ новогородской слободы Андреемъ Игнат. Ѳерапонтовымъ;—жительство имѣлъ Н. И. Потоловской тогда въ приходѣ Николая чуд. на Пупышахъ въ своемъ домѣ, торговлю—въ большомъ ветошномъ ря-

*) Родился въ апрѣлѣ 1748 г.
**) Родился 8 сентября 1776 г.

ду);—по сказкѣ 7-й ревизіи 1816 года въ семействѣ Н. С. Дерягина значились, сверхъ показанныхъ по 6-й ревизіи, дочь Марья (моя мать) 4 л. и сынъ Николай 3 л.; жительство—у Козмы и Даміана съ Садовникахъ въ домѣ купца Клушенцова;—мать его Лукерья Ефим. умерла въ 1817 году. Н. С. Дерягинъ велъ оптовую торговлю башмачнымъ товаромъ, имѣвшую значительные размѣры; онъ умеръ внезапно 22 ноября 1822 г. (отъ апоплексическаго удара—въ лавкѣ);—послѣ него осталось 3 дѣтей: моя мать, родившаяся 30 января 1812 г., сынъ Николай, род. 15 апрѣля 1813 г., и дочь Ольга, род. 23 мая 1816 г., и хорошее состояніе (какъ я слыхалъ до 200 тыс. руб. асс.), о чемъ можно судить уже по тому, что при выдачѣ дочерей въ замужство имъ было выдаваемо, кромѣ хорошаго приданаго, по 20 тыс. руб. асс. деньгами, что̀ по тому времени составляло весьма много;—торговое дѣло было продолжаемо вдовой, державшей его, пока не выросъ сынъ, въ рукахъ;—ею былъ купленъ домъ на набережной Москвы-рѣки у Козмы и Даміана, въ которомъ она и жила до смерти, послѣдовавшей 5 января 1841 г.;—я помню ее—она была средняго роста, съ высокой на головѣ повязкой, которую она стала носить лишь послѣ смерти мужа; послѣдній, какъ видно на имѣющемся портретѣ, имѣлъ бороду бритую и изображенъ во фракѣ съ металлическими пуговицами;—когда Николай Никит. подросъ и принялся за дѣло, то онъ, попавши въ среду разгульной молодежи, повелъ жизнь слабую и дѣло стало послѣдовательно падать; открытая имъ торговля въ Украйнѣ оказала этому еще бо́льшее содѣйствіе и, вскорѣ послѣ смерти бабки—въ теченіе 2 лѣтъ, дѣла его пришли въ окончательное разстройство;—онъ былъ женатъ на дочери моск. купца Ивана Алекс. Щепкина—Марьѣ Ив., умершей 20 мая 1874 г.; онъ же умеръ 7 декабря 1845 г., оставивъ семью въ самомъ тяжеломъ положеніи;—послѣ него остались: 1) дочь Капитолина, родившаяся 21 октября 1838 г., теперь вдова, по мужѣ Чуваева; 2) сынъ Николай, род. 21 января 1840 г. (по окончаніи курса въ моск. коммерческомъ училищѣ) въ качествѣ стипендіата купеческаго общества онъ служилъ

первоначально у Алексѣевыхъ, а затѣмъ долгое время у Ганешиныхъ и наконецъ состоялъ съ 1890 г. московскимъ биржевымъ нотаріусомъ; онъ умеръ 4 іюня 1899 г., имѣвши чинъ статскаго совѣтника, выслуженный по благотворительнымъ учрежденіямъ, и 3) дочь Лидія, род. 16 мая 1843 г., по мужѣ Чижова, умершая 3 ноября 1900 г.;—младшая сестра моей матери—Ольга Никит. была недолго въ замужствѣ за моск. купеческимъ сыномъ Васильемъ Алекс. Ганешинымъ (умершимъ 5 февраля 1866 г.); она умерла 14 января 1836 г. (10 ч. утра);—послѣ нея остались: 1) дочь Анна, родившаяся 10 декабря 1834 г., по мужѣ Слободская, умершая вдовой 11 апрѣля 1876 г., и сыновья близнецы: 2) Иванъ, род. 4 января 1836 г. и умершій 16 іюня 1889 г. и 3) Александръ, род. 4 января 1836 г. и умершій 14 апрѣля 1886 г.;—всѣ перечисленныя лица, исключая Слободскихъ, погребенныхъ въ Покровскомъ монастырѣ, В. А. Ганешина—въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и Потоловскихъ—на Даниловскомъ кладбищѣ, погребены на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Наконецъ о происхожденіи рода моей жены можно привести слѣдующія свѣдѣнія:

Начало его видно въ имѣющихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи переписныхъ и ревизскихъ книгахъ по городу Калугѣ, гдѣ онъ непрерывно упоминается первоначально въ числѣ тяглецовъ, а затѣмъ въ купечествѣ, съ начала XVII столѣтія;—отецъ же мой жены Ѳедоръ Ив. большой Расторгуевъ, родившійся 15 апрѣля 1797 г., значится приписаннымъ въ московское купечество (по кошельной слободѣ) изъ калужскихъ купеческихъ дѣтей съ 1829 года (при подачѣ ревизской сказки 2 апрѣля 1834 г. показанъ онъ купцомъ 2-й гильдіи, 36 лѣтъ отъ рода);—онъ имѣлъ торговлю золотыми, серебряными и брилліантовыми вещами въ Харьковѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ южнаго края; умеръ 21 января 1848 г. (въ 3 ч. дня) вь Харьковѣ, гдѣ и погребенъ; послѣ него остались вдова и дѣти: сынъ Алексѣй, умершій (10 лѣтъ) въ 1851 г.,

и дочь (моя жена);—торговое дѣло послѣ смерти его было продолжаемо сначала его вдовой—Евгеніей Ив., а по выходѣ ея въ октябрѣ 1857 г. въ замужство за главнаго приказчика ея—причисленнаго на 1858 годъ въ московское купечество изъ путивльскихъ купцовъ—Василья Вас. Дегтярева (умершаго 13 іюля 1901 г.), оно было производимо симъ послѣднимъ до 2-й половины 1880-хъ годовъ;—мать жены моей Евгенія Ив., родившаяся 27 ноября 1815 г. и умершая 17 мая 1885 г., происходила изъ купеческаго дома Губкиныхъ; отецъ ея Иванъ Семен. былъ причисленъ въ московское купечество въ 1800 году также изъ калужскихъ купцовъ и имѣлъ значительную торговлю ранѣе въ Украйнѣ мануфактурнымъ товаромъ, а затѣмъ въ Москвѣ золотыми и серебряными издѣліями (имѣя свою фабрику, пользовавшуюся въ то время извѣстностью);—при дѣлахъ его состояли (до начатія собственныхъ дѣлъ) приказчиками: Ѳ. И. Расторгуевъ (отецъ моей жены) и Василій Алекс. Ганешинъ (сынъ его сестры Матрены Семен.);—жена И. С. Губкина Александра Ив. (умершая отъ холеры въ 1830 году), урожденная Манухина, была падчерицей комм.-сов. Михайлы Ив. Титова—того самаго, который, купивъ принадлежавшее Колосовымъ село Батыево, намѣревался при этомъ пріобрѣсти въ собственность и моего дѣда съ его семействомъ.

Земля, на которой мы живемъ, по имѣющемуся у меня спеціальному плану ея 1763 года и общему межевому плану Кобыльской слободы 1756 года, представляла собою пустопорожнее береговое мѣсто, на которомъ находился лишь большой прудъ (существующій донынѣ); построекъ же никакихъ не было; самый планъ 1763 года сдѣланъ для подачи въ московскую полицію отъ П. В. Колосова (вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ имъ той земли) при просьбѣ о разрѣшеніи постройки «4 деревянныхъ мастерскихъ, жилыхъ свѣтлицъ и красильной избы» и «3 деревянныхъ же сараевъ и анбаровъ».

Въ восточномъ, въ то время переднемъ, концѣ (прилегающемъ нынѣ къ Полуярославскому переулку) земля эта, по пла-

ну 1763 года, упиралась половиной (ближайшей къ сѣверной сторонѣ) въ площадку, съ которой шелъ проѣздъ въ Сыромятники, а другой половиной (ближайшей къ южной сторонѣ) въ землю фабриканта Полуярославцева, соединенную мостомъ съ принадлежавшей ему землей, лежавшей по ту сторону Яузы;—въ западномъ, тогда заднемъ, концѣ она ограничивалась линіей, на которой находится нашъ домъ, и упиралась въ проѣздъ около землянаго вала, при чемъ на спускѣ къ рѣкѣ существовала фартина *);—южной стороной она примыкала во всю длину къ Яузѣ, имѣвшей въ срединѣ длины изломъ, а съ сѣверной стороны граничила въ половинѣ ея отъ землянаго вала съ садомъ маіора Лакостова, а въ другой—съ садомъ камеръ-цалмейстера Симонова.

На сказанномъ планѣ 1763 года конецъ землянаго вала показанъ противъ средины этой земли;—ниже его на Яузѣ—на мѣстѣ нынѣшняго высокаго моста означенъ мостъ («лавы» для пѣшеходовъ);—на Яузѣ (вблизи Полуярославскаго моста, у котораго издавна существовала плотина, принадлежавшая ранѣе пороховой мельницѣ) былъ островъ; послѣдній отдѣлялся отъ земли, принадлежащей нынѣ намъ, рукавомъ рѣки, образовавшемся вслѣдствіе существованія плотины, съ уничтоженіемъ которой уничтожился и самый рукавъ (хотя онъ въ видѣ ручья поддерживался и позже) и островъ присоединился къ берегу, перешедши въ отдѣльное владѣніе, которое нынѣ составляетъ собственность Единовѣрческаго Всесвятскаго монастыря.

Островъ этотъ встрѣчается и въ изданныхъ мной «актовыхъ книгахъ», изъ которыхъ видно, что 5 іюля 1755 г. была продана сек.-маіора Александра Григор. Собакина женой Натальей Петровой, дочерью Соковнина, прем.-маіору Петру Артем. Лакостову бѣлая земля посреди Яузы, что̀ словетъ «островокъ», доставшаяся въ 1735 году по закладной отъ князя Владиміра Влад. Долгорукова вдовы Марьи Аврамовой; затѣмъ 22 іюня 1780 г. порожжая бѣлая земля, называемая «островокъ», находящаяся въ 10-й части, на берегу Яузы, доставшаяся отъ П.

*) Кабакъ.

А. Лакостова дочери его—капитана Θедора Влад. Шереметева вдовѣ Марьѣ Петровой, была ею продана полковнику Николаю Александр. Соймонову;—была ли она въ то время, какъ нынѣ, во владѣніи однихъ и тѣхъ же лицъ вмѣстѣ съ землей, находящейся напротивъ нашей земли—по другую сторону Полуярославскаго переулка, точно такъ же, какъ и когда былъ устроенъ по землѣ, принадлежавшей Полуярославцеву по эту сторону Яузы, переулокъ къ мосту, у меня на то данныхъ нѣтъ;—но изъ имѣющихся свѣдѣній послѣдующаго времени видно, что все это составляло общее владѣніе, какъ это можно заключить изъ того, что земля, образовавшаяся изъ острова, не имѣла даже, почти до самаго послѣдняго времени, особаго полицейскаго нумера; въ началѣ XIX столѣтія все это принадлежало князю Юрію Влад. Долгорукову (въ дѣлахъ встрѣчается названіе Долгоруковская мельница), затѣмъ князю Петру Дмитр. Салтыкову, далѣе—Ивану Павл. Шаблыкину, а потомъ—вдовѣ Давыда Ив. Широкова, отъ которой, по завѣщанію, и перешло къ Единовѣрческому Всесвятскому монастырю.

Изъ нашего сада существовала весьма долго на эту землю калитка и изъ временъ моего дѣтства я помню, что старожилами, въ томъ числѣ и моимъ отцомъ, земля эта называлась «островомъ»; она, какъ и теперь, была неогороженной къ рѣкѣ; черезъ нее проходили въ имѣвшуюся калитку, выражаясь «черезъ островъ».

Изъ дѣлъ духовной консисторіи усматривается, что въ 1749 году на Яузѣ, гдѣ нынѣ Высокій мостъ, существовалъ перевозъ.

Земля наша, въ сказанныхъ предѣлахъ,—перешедшая отъ П. И. Матюшкина 25 ноября 1762 г. къ П. В. Колосову по купчей, въ коей значилось, что она была продана съ садомъ и прудами (кромѣ большого пруда на ней существовали еще 2 малые пруда, изъ коихъ средняго я не помню),—по переписи 1745 года числилась за прап. Иваномъ Ивановичемъ Матюшкинымъ;—затѣмъ, по разстройствѣ дѣлъ наслѣдниковъ Колосова, она была куплена 7 октября 1815 г. съ аукціона въ мо-

сковскомъ губернскомъ правленіи моск. купцомъ Васильемъ Дмитр. Сорокинымъ за 7771 руб. 43 коп., а имъ передана 3 декабря 1815 г. моск. купцу Василью Борис. Невѣжину (владѣвшему уже въ то время сосѣдней землей, выходящей къ земляному валу—передней частью нынѣшняго владѣнія наслѣдницъ Г. И. Хлудова); при этомъ въ данной показано, что «земля пустопорожняя, занимаемая посѣвомъ овощей; строенія всѣ сгорѣли въ 1812 году; на землѣ имѣются 3 пруда—большой, въ коемъ водится рыба, длиной 78, а шириной 16 саж., прочіе съ нимъ соединены проточной канавой»;—по смерти же Невѣжина, послѣдовавшей 2 мая 1817 г., она досталась его вдовѣ Степанидѣ Гавриловнѣ, коей 28 февраля 1824 г. и продана она моему отцу съ дядей за 25.000 руб. асс., а отъ отца, послѣ его смерти, перешла ко мнѣ съ братьями.

Мѣсто же, находящееся впереди линіи, на коей стоитъ нашъ домъ (составлявшее спускъ къ рѣкѣ), оставшееся за отдѣленіемъ отъ него части подъ проектированное устройство существующей нынѣ улицы, было, какъ видно, отдано военнымъ губернаторомъ Тутолминымъ 23 августа 1807 г. ст. сов. Николаю Никол. Сандунову и отъ него перешло 29 января 1817 г. по купчей къ тому же В. Б. Невѣжину за 500 руб. асс., а вдовой послѣдняго продано 28 февраля 1824 г. за ту же цѣну (500 руб. асс.) моему отцу съ дядей.

Подъѣздъ съ нынѣшней передней стороны былъ въ то время совершенно неблагоустроеннымъ; я слыхалъ что, при вѣнчаніи моего отца (осенью 1828 года) въѣзжали въ ворота отъ Сыромятниковъ, такъ какъ отъ землянаго вала ѣздить въ каретахъ было совершенно невозможно;—такое положеніе существовало до устройства нынѣшней улицы, произведеннаго посредствомъ насыпи; для этого поступила земля изъ срытаго земляного вала, срытіе котораго отъ церкви Николая чуд. въ Кобыльскомъ до Таганки было начато въ 1827 году (точно такъ же была сдѣлана насыпь для устройства моста и съ противоположной стороны Яузы, но та насыпь была короткой въ сравненіи съ сдѣланной на нашей сторонѣ);—насыпь была доведе-

на до Яузы въ 1829 году и въ августѣ началась постройка моста, которая была окончена къ 15 іюня 1830 г.;—устроенная такимъ образомъ улица представляла собою тогда высокую дамбу, на которую, отъ имѣвшихся возлѣ нашего дома воротъ, былъ сдѣланъ отлогій въѣздъ; въ такомъ видѣ она существовала весьма долго.

Домъ нашъ, при его постройкѣ послѣ покупки мѣста, стоялъ не подъ горой, а даже выше уровня прилегавшей къ нему съ передней его стороны земли, такъ какъ послѣдняя была, лишь по времени, поднята насыпкой;—въ него вошли для жительства 22 декабря 1827 г.; сталъ онъ 25.000 руб. асс. и построенъ изъ лѣса, доставлявшагося водой по Москвѣ рѣкѣ; при этомъ онъ былъ обшитъ тесомъ, снаружи имѣлъ ставни, запиравшіяся замками; комнаты внутри ничѣмъ оклеиваемы не были.

Въ такомъ видѣ онъ существовалъ до 1848 года, когда комнаты были оклеены обоями (безъ оштукатуренія стѣнъ); затѣмъ въ 1868 году задняя холодная пристройка, занимавшаяся задними сѣньми, чуланами и ретирадами, была обращена въ теплую, съ устройствомъ въ ней 2 жилыхъ комнатъ, ватерклозетовъ и духовой печи; потомъ въ 1873 году домъ былъ оштукатуренъ внутри и снаружи, измѣненъ фасадъ, вмѣсто голландскихъ печей сдѣлано общее духовое отопленіе, сдѣланы новыя дубовыя оконныя рамы (въ парадныхъ комнатахъ въ 3 стекла вмѣсто прежнихъ 8-стекольныхъ); наконецъ перестроено парадное крыльцо, съ превращеніемъ занимавшагося имъ помѣщенія изъ холоднаго въ теплое и приданіемъ ему одинаковой высоты съ домомъ (до того времени оно доходило лишь до верхняго этажа), вслѣдствіе чего, какъ въ среднемъ, такъ и въ верхнемъ этажѣ пристройки, образовались жилыя помѣщенія.

Когда для штукатурки была снята имѣвшаяся тесовая обшивка, то оказалось, что лѣсъ, изъ котораго срубленъ домъ, едва поддавался топору и издавалъ смоляной запахъ, при чемъ въ одномъ углу, въ которомъ, вслѣдствіе прикосновенія къ нему рукомойниковъ, оказалась гниль и потому потребовалось перемѣнить нѣсколько короткихъ деревъ, трудно было подобрать подходящій по толщинѣ лѣсъ.

Изъ земли, пріобрѣтенной отъ Невѣжиной по отдѣльной купчей (ранѣе бывшей Сандунова), выходившей узкимъ концомъ передъ частью сосѣдняго владѣнія, перешедшаго 19 іюня 1828 г. отъ Невѣжиной къ Василью и Петру Никол. Усачевымъ (нынѣ наслѣдницъ Хлудова), часть (25 саж. по улицѣ, а всего 134 кв. саж.) была продана 13 іюля 1831 г. Усачевымъ, кажется, за 3.000 руб. асс.; затѣмъ 18 ноября 1852 г. была продана изъ этой земли еще дальнѣйшая часть (33 саж. по улицѣ) женѣ колл. секр. Варварѣ Александр. Назимовой (мужъ ея состоялъ въ то время мѣстнымъ квартальнымъ надзирателемъ) за 850 руб. сер.;—Назимова выровнила ту землю посредствомъ подсыпки ея, такъ какъ до того времени проданная ей земля составляла скатъ, шедшій до линіи южной стороны нашего дома; тогда ворота находились возлѣ дома внизу и отъ нихъ продолжался заборъ по направленію къ Яузѣ; съ сѣверной стороны дома были тогда также однообразныя ворота на такъ называемый «маленькій дворикъ» (въ то время ни терассы съ сѣверной стороны, ни выдающагося изъ общей линіи дома помѣщенія, пристроеннаго впослѣдствіи для расширенія кухни, не существовало); ворота эти открывались только зимой съ цѣлью вывоза нечистотъ;—мѣсто впереди линіи, на которой стоитъ домъ нашъ, было тогда неогорожено, представляя изъ себя лугъ, даже самый рѣшетчатый палисадникъ былъ сдѣланъ лишь въ 1854 году, а начало устройства находящагося нынѣ передъ домомъ сада относится къ 1869 году;—бывало на лугу передъ домомъ паслись коровы; заходили часто и чужія, которыя прогонялись дворникомъ;—въ Ильинъ день на лугу сиживали въ разныхъ мѣстахъ группы разныхъ лицъ, побывавшихъ на гуляньѣ у праздника (гулянье уничтожено весьма недавно; съ проложеніемъ конной желѣзной дороги, впослѣдствіи снятой, оно было перенесено первоначально на улицу, идущую мимо церкви Иліи прор., а затѣмъ переведено на Дѣвичье поле; ранѣе же на Садовой помѣщались палатки, качели, коньки, а при существованіи откупной системы и знаменитый колоколъ для продажи водки;—на монастырѣ шла торговля ягодами).

По имѣвшимся свѣдѣніямъ на сказанной неогороженной землѣ вблизи берега Яузы былъ еще одинъ прудъ, котораго я не помню.

Впослѣдствіи къ нашей землѣ была присоединена отъ площадки, существующей сзади на Полуярославскомъ переулкѣ, для урегулированія сего послѣдняго, часть ея, въ количествѣ $195^3/_4$ кв. саж., которая была продана намъ по постановленію городской думы отъ 28 сентября 1873 г.; деньги за нее въ суммѣ 391 руб. 50 коп. внесены въ городскую управу 2 сентября 1880 г.; но купчей до сихъ поръ не выдано; возбужденъ былъ даже въ недавнее время городской управой вопросъ объ урѣзкѣ той земли сообразно новому плану регулированія Полуярославскаго переулка.

Постройки, находящіяся на нашей землѣ, относятся, по возведенію ихъ, къ различному времени. Описываю всѣ, какія я засталъ; излагаю это съ возможной подробностью въ видахъ поясненія значащагося на планахъ и имѣющихся изображеніяхъ.

Домъ нашъ, какъ уже сказано выше, построенъ, вмѣстѣ съ каменной кладовой (со сводами), въ 1827 году; онъ былъ въ прежнее время окрашенъ дикимъ цвѣтомъ, крыша зеленая.

Вблизи берега Яузы находилось деревянное строеніе, крытое желѣзомъ, съ мезониномъ надъ половиной его; въ этомъ строеніи, до постройки дома, жилъ мой отецъ съ семействомъ, занимая одноэтажную часть его, въ которой, при существованіи въ 1830-хъ годахъ набивной фабрики, помѣщались рѣзчики манеровъ; въ другой же части находились принадлежности красильни; — въ 1841 году въ мезонинѣ была поставлена щеточная машина (для чистки плиса), для чего передъ частью строенія съ мезониномъ былъ устроенъ подъ шатромъ конный приводъ, а въ 1856 г. въ жилой части зданія была поставлена колотильная машина и впереди зданія на открытомъ мѣстѣ устроенъ для того другой конный приводъ; къ строенію этому примыкала холодная красильня, часть которой, составлявшая какъ бы продолженіе того строенія, такъ что мезонинъ находился надъ

срединой его, была покрыта желѣзомъ, другая же часть имѣла крышу тесовую;—первое строеніе было сдѣлано въ 1815 или 1816 году вмѣсто сгорѣвшаго во время нашествія непріятеля.

Повыше ихъ (уровень земли былъ значительно покатый къ рѣкѣ) находились 2 отдѣльныя деревянныя зданія, крытыя тесомъ: 1) кухня для рабочихъ, на чердакѣ которой водились голуби (ранѣе были тамъ разные козырные и турмана), съ пристройкой (на одинъ скатъ), въ коей помѣщалась отбѣльная, и 2) болѣе длинное, гдѣ помѣщались вначалѣ (когда отецъ мой съ семействомъ жилъ въ береговомъ зданіи) погребъ, сарай для экипажей и конюшня; въ мое же время оставался изъ всего этого только погребъ для рабочихъ, а остальное употреблялось для склада разныхъ принадлежностей; затѣмъ въ 1841 году тамъ была поставлена клеильная машина для плиса съ маленькимъ паровымъ котломъ для нагрѣванія ея, а въ 1858 году устроена запарная для набивныхъ полушерстяныхъ платковъ; незастроенное мѣсто ниже послѣдняго зданія было занято вѣшелами для лѣтней сушки товара.

Направо и налѣво отъ означеннаго береговаго строенія, (еще ближе къ берегу) находились холостыя деревянныя постройки, крытыя тесомъ: на западъ—сарай для красильныхъ матеріаловъ и терка для сандала, а на востокъ—опальня для плиса.

Всѣ эти строенія были одновременныя по ихъ постройкѣ и сломаны при возведеніи въ 1862 году каменнаго 3-хъэтажнаго корпуса (постройка послѣдняго начата 25 мая).

Къ кладовой примыкалъ небольшой сарай для домашнихъ принадлежностей и далѣе, съ выступомъ впередъ, деревянное крытое тесомъ строеніе (съ передней стороны оно имѣло галлерею и передъ ней коновязь), въ которомъ помѣщались погребъ, сарай для экипажей и конюшня, а за нимъ коровникъ;—все это замѣнено въ 1870-хъ годахъ существующимъ каменнымъ зданіемъ, отодвинутымъ на одну линію съ кладовой.

По той же линіи далѣе стояла деревянная сушильня, крытая тесомъ—высокое строеніе съ лѣтней сушильней сверху; при ней ранѣе была стоявшая отдѣльно снаружи дымовая труба;

за ней слѣдовалъ сарай для всякаго скарба. Сушильня эта была выстроена первоначально въ концѣ 1818 года, а затѣмъ перестроена въ 1842 году.

Въ сентябрѣ 1861 года она была сломана и на мѣстѣ ея поставлено существующее зданіе въ каменныхъ столбахъ, продолженное впослѣдствіи каменной холодной пристройкой.

На другомъ концѣ двора къ Полуярославскому переулку существовали слѣдующія зданія:

Вблизи сѣверной стороны—2-хъэтажный корпусъ, низъ каменный, а верхъ деревянный, прежде былъ покрытъ тесомъ и лишь впослѣдствіи желѣзомъ; построенъ онъ былъ осенью 1832 года во время устройства набивки бумажныхъ платковъ. Въ мартѣ 1901 г. корпусъ этотъ, будучи занимаемъ столярной мастерской Борисова, сгорѣлъ и теперь остается въ видѣ нижняго этажа.

Рядомъ съ нимъ деревянное одноэтажное зданіе съ мезониномъ, крытое желѣзомъ, построенное въ 1815 или 1816 году, которое, по исправленіи его въ 1870-хъ годахъ, существуетъ понынѣ, а затѣмъ, по южной сторонѣ земли, одноэтажное строеніе, занимавшееся фабричными принадлежностями, а къ самому пруду красильня и, наконецъ, на восточной сторонѣ пруда одноэтажное строеніе, сдѣланное осенью 1832 года для помѣщенія отбѣльной при набивной фабрикѣ; всѣ эти строенія съ теченіемъ времени сломаны.

Въ прежнее время всѣ находящіяся на заднемъ концѣ постройки были отдѣлены отъ прочаго двора рѣшетчатымъ заборомъ съ воротами, вслѣдствіе чего, при объясненіи чего-либо относящагося къ заднему концу двора, употреблялось выраженіе «на томъ дворѣ».

Находящаяся на дворѣ, не доходя задняго конца, небольшая деревянная постройка сдѣлана изъ строенія, существовавшаго нѣкоторое время при большомъ каменномъ корпусѣ.

Наконецъ новый каменный домъ посрединѣ двора построенъ въ 1896 году.

Большой прудъ не былъ прежде огороженъ со стороны

двора, хотя и существовали иногда надолбы; по берегу было много текшихъ открыто родниковъ; садъ же, называвшійся «большимъ», былъ ближе пруда и тянулся по южной сторонѣ его во всю его длину, состоя, съ половины пруда до конца, изъ густой односторонней липовой аллеи (къ сторонѣ Яузы); въ саду были яблони и кусты малины, смородины и крыжовника, а также кое гдѣ и цвѣты; огороженіе пруда отъ двора произведено было приблизительно въ 1865 году и затѣмъ берегъ обращенъ въ садъ. По разсказамъ, во времена процвѣтанія Колосовыхъ, берегъ пруда былъ въ хорошемъ видѣ, раздѣланъ ступенями, на которыхъ росли кусты; но съ упадкомъ Колосовыхъ онъ былъ отданъ подъ устройство огорода и на немъ были сдѣланы гряды, послѣ чего онъ и оставался уже въ томъ неблагоустроенномъ состояніи, въ какомъ я его сталъ помнить. Я слышалъ, что Колосовъ хотѣлъ произвести очистку пруда, хотя онъ, по своей глубинѣ и проточности, не имѣлъ никогда тины, но за это просили въ то время 5000 руб. и потому дѣло не состоялось.

Кромѣ береговыхъ не особенно большихъ родниковъ, въ концѣ пруда существовали 2 сильные родника, изъ которыхъ одинъ проходилъ подъ строеніемъ (сгорѣвшимъ въ 1901 году) и втекалъ въ прудъ (въ сѣверовосточномъ углу его) довольно низко, а другой, существующій и понынѣ, текъ на высокомъ разстояніи отъ уровня пруда. Водой изъ этого родника, до расширенія мытищинскаго водопровода (т.-е. до конца 1840-хъ годовъ) пользовались всѣ окрестные жители; къ нему, въ видахъ противопожарныхъ, былъ даже устроенъ, по требованію полиціи, широкій по берегу съѣздъ съ двухъ сторонъ.

Сосѣдями нашими, на моей памяти, съ сѣверной стороны выше насъ по горѣ были: въ передней части Усачевы, а въ задней—Николай Вас. Маклаковъ; кромѣ того, въ самомъ концѣ гнѣздилось (отдѣленное, видимо, отъ Маклакова) маленькое владѣніе, переходившее въ разныя руки (гдѣ помѣщалась въ теченіе нѣкотораго времени красильня шелка) и носившее въ послѣднее время названіе „пѣтушиный дворъ“ по случаю проживанія тамъ разнаго сброда;—строеніе это какъ-то сгорѣло.

Когда Усачевы купили землю Маклакова (это было въ самомъ началѣ 1840-хъ годовъ), то, имѣя отличный садъ, но не имѣя воды, они вздумали перерыть нашъ большой родникъ, для чего ими выше его на Маклаковской землѣ была устроена водокачка съ коннымъ приводомъ; родникъ нашъ потерялъ въ значительной степени свою силу, что̀ особенно выражалось во время производства качки;—но это продолжалось недолго; со смертью П. Н. Усачева (умершаго отъ холеры 18 іюня 1848 г.) поддержка сада стала падать, а въ 1854 году имѣніе Усачевыхъ было продано Герасиму Ив. Хлудову; имъ была проведена вода въ домъ и садъ изъ мытищинскаго водопровода и имѣвшаяся водокачка была уничтожена. Тѣмъ не менѣе, въ силу другихъ обстоятельствъ—пониженія почвенной воды (послѣдовавшаго, какъ говорятъ, отъ устройства артезіанскихъ колодцевъ), количество вытекающей изъ родника воды значительно сократилось и онъ, послѣ многократныхъ расчистокъ, понизился на столько, что въ настоящее время втекаетъ въ прудъ почти на уровнѣ его поверхности.

Въ большомъ прудѣ всегда водилась рыба—караси, окуни, пискари, карпіи (попадавшіяся при ловлѣ величиной въ аршинъ и даже нѣсколько болѣе), не говоря о массѣ плотвы;—отъ отца слышалъ я, что во времена Колосовыхъ, было однажды посажено въ прудъ большое количество стерлядей, но въ одинъ несчастный годъ онѣ всѣ заснули;—бывало ловля рыбы производилась неводомъ, который во всю ширину пруда проводился въ длину его; большая рыба при приближеніи невода прыгала черезъ него; смотрѣть на такую ловлю собирались сосѣдніе охотники;—рыба есть и теперь, но, вѣроятно, не въ большомъ количествѣ, и притомъ крупной не видно; невода давно уже у насъ нѣтъ и потому ловится иногда кое-что (караси) вершами. Прудъ нашъ на столько славился своей чистотой, что въ 1849 году, по случаю царскаго пріѣзда въ апрѣлѣ для освященія большого кремлевскаго дворца, въ немъ помѣщались отъ живорыбнаго торговца И. Е. Мочалова садки съ предназначавшейся для двора рыбой — стерлядями и осетрами (въ

Москвѣ рѣкѣ по случаю половодья держать ихъ было тогда нельзя).

Колка на прудѣ льда отдавалась всегда занимавшимся этимъ промысломъ ледоколамъ за плату отъ 30 до 50 руб. въ годъ; такъ это шло до зимы 1852—53 гг., когда она была предоставлена содержавшему въ Сыромятникахъ пивоваренный заводъ Николаю Ѳедор. Мамонтову на 2 зимы по 150 руб. за каждую; съ того времени плата эта не понижалась, а еще возвысилась; —на прудѣ издавна существовала купальня и лодка; купальней пользовались не только мы сами (во время дѣтства мы купались по нѣскольку разъ въ день, плавая и наружи), но, съ разрѣшенія нашего, и нѣкоторые сосѣди; такъ П. Н. Усачевъ ходилъ купаться ежедневно, утромъ и вечеромъ, для чего изъ его сада была устроена на нашъ дворъ калитка (остающаяся до сего времени); ключъ отъ нея имѣлся и у насъ для предоставленія намъ удобства къ посѣщенію того сада.

Кромѣ «большого» сада, на югъ отъ дома нашего (къ Яузѣ), отдѣлявшись отъ него проѣздомъ въ ворота, существовалъ всегда «маленькій» садъ съ бесѣдкой вблизи забора къ рѣкѣ (бесѣдка эта была ранѣе, на моей памяти, въ большомъ саду при началѣ аллеи, но была перенесена оттуда вслѣдствіе того, что въ ней постоянно были обворовываемы дверные и оконные приборы); въ немъ были правильныя дорожки, затѣмъ, такъ же какъ и въ большомъ саду, яблони, малина, смородина и крыжовникъ; бывшій при немъ прудъ, называвшійся «маленькимъ», хотя былъ также проточный, но,—вслѣдствіе того, что онъ былъ мелкій (впрочемъ въ дѣтствѣ я однажды, тянувшись за чѣмъ-то съ берега и сорвавшись, тонулъ въ немъ) и на берегу его росла громадная старая ветла, согнувшаяся стволомъ, и накрывала его до середины,—онъ былъ весь въ тинѣ; вода въ немъ была чрезвычайно холодная; на берегу былъ родникъ, водой котораго пользовались рабочіе; изъ рыбы въ немъ водились караси, пускавшіеся въ него послѣ ловли ихъ въ большомъ прудѣ; онъ засыпанъ нами въ недавнее время.

Положеніе южной половины нашего двора (въ направленіи

къ рѣкѣ), впослѣдствіи значительно подсыпанной, было низкое съ постепеннымъ уклономъ. При возвышеніи уровня рѣки во время половодья весьма часто вода входила къ намъ на дворъ; во время половодья 1849 года Яуза сливалась, какъ въ записи значится, 12 апрѣля съ большимъ прудомъ, стоявши не менѣе какъ на $^1/_2$ арш. выше берега, который былъ огораживаемъ досками, чтобы не ушла рыба; тоже повторилось въ 1855 году; заборъ между садомъ и сосѣднимъ огородомъ, бывшій довольно ветхимъ, былъ бо́льшею частью поваленъ, вслѣдствіе чего пришлось послѣ того сдѣлать его весь вновь и перемѣнить столбы;—но вода слѣдующаго 1856 года была еще выше; она доходила до самыхъ воротъ, бывшихъ возлѣ нашего дома, а на мѣстѣ нахожденія теперь 3-хъэтажнаго корпуса—до линіи его южной стороны; большой прудъ составлялъ съ рѣкой одно озеро; заборъ, сдѣланный вновь въ предшествующемъ году, поднимался водой цѣлыми звеньями, такъ что былъ поваленъ весь и остался на мѣстѣ благодаря лишь тому, что былъ связанъ, а въ особенности, что за нимъ были насажены ветлы, удержавшіе его отъ разноса; по Полуярославскому переулку вода доходила до находящагося у насъ зданія съ мезониномъ; послѣ того чрезвычайно высокая вода была еще въ 1867 году; она не достигала воды 1856 года, какъ было видно по имѣвшимся у насъ отмѣткамъ на ближайшемъ къ рѣкѣ строеніи (опальной), лишь на 5 вершковъ; несмотря на произведенную предъ тѣмъ нѣкоторую подсыпку сада въ прилегающей къ рѣкѣ части, рѣка сливалась съ большимъ прудомъ черезъ край; 15 апрѣля всѣ заборы были опять подняты (столбы выворочены водой изъ земли). Послѣ того были приняты мѣры къ болѣе значительному возвышенію береговой части земли, что́ постепенно и было произведено.

Въ прежнее время, въ обыкновенныя половодья, находящаяся противъ насъ черезъ Яузу земля, занимавшаяся огородомъ, была всегда заливаема вплоть до Сиваковскаго переулка;—Яуза тогда (на нашей памяти) представлялась далеко не тѣмъ, чѣмъ она является теперь; бывало, въ установленное время, на ней тро-

гается и идетъ ледъ (какъ и на Москвѣ рѣкѣ); помню однажды, какъ Высокій мостъ былъ сломанъ льдомъ и середина его повисла надъ водой; то же было и съ Полуярославскимъ мостомъ; впослѣдствіи, какъ у того, такъ и другого моста, были сдѣланы передъ быками ледоотводы; во время ледоходовъ ѣзда по этимъ мостамъ, въ видахъ безопасности, пріостанавливалась; при бывавшихъ же сломкахъ Высокаго моста это продолжалось въ теченіе долгаго затѣмъ времени; притомъ рѣдкое половодье проходило безъ того, чтобы у насъ не унесло плотъ, и даже были случаи, что тоже самое встрѣчалось и съ устраивавшейся на зиму на рѣкѣ мытельной, какъ это напр. было въ 1864 году. Въ Яузѣ вода была хорошая; можно было купаться, что́ приходилось съ плота дѣлать и мнѣ. Все это теперь забылось; съ устройствомъ газоваго завода по рѣкѣ плыветъ какой-то масляный слой, она почти не замерзаетъ, а о ходѣ льда нѣтъ и помина.

До пріобрѣтенія отъ Невѣжиной земли (нынѣшней нашей), когда не было видовъ на возможность покупки ея вслѣдствіе назначенія несоотвѣтствовавшей ей цѣны, отцомъ моимъ и дядей была куплена у моск. купца Семена Трифон. Добрякова (какъ полагать можно по свѣдѣніямъ о владѣніяхъ за 1818 годъ) земля, составлявшая длинную полосу—отъ Сыромятниковъ до Яузы (въ количествѣ 3.078 кв. саж.), имѣвшая въ 1-мъ концѣ ширину лишь 8 $^{3}/_{4}$ саж., а въ другомъ 19 саж., числившаяся басманной части 4-го кв. подъ № 435 *);—но, послѣ покупки владѣнія Невѣжиной, та земля была продана Якобсону, возлѣ земли котораго (также длинной полосы) она находилась; земля Якобсона перешла впослѣдствіи къ Костомарову, которымъ открытъ по ней проѣздъ, переданный затѣмъ городу и обращенный въ переулокъ.

Нынѣшняя земля наша состояла до 1782 года въ 9-й ча-

*) По плану 1804 г. значится купца Дмитрія Насонова—рогож. ч. 1-го кв. № 79 (послѣ поставленъ № 82).

сти, а затѣмъ, какъ изъ указателя Москвы 1793 года видно, числилась въ 18-й части 1-го квартала подъ № 50, далѣе по планамъ 1803 года—въ рогожской части 1-го квартала подъ № 67, въ 1818 году—басманной части 4-го квартала подъ № 448, съ 1833 года—той же части 5-го квартала подъ № 641, а съ 1863 года—подъ № 842 и, наконецъ, въ 1882 году перешла яузской части во 2-й участокъ, съ оставленіемъ при ней того же нумера.

По церковному распредѣленію она принадлежала въ 1737 году (такъ же, какъ принадлежитъ и въ настоящее время) къ приходу церкви Иліи пророка на Воронцовскомъ полѣ;—между тѣмъ въ переписи дворовъ 1745 года и въ купчей (на имя П. В. Колосова) 1762 года, а затѣмъ и на планѣ 1763 года, она показана въ приходѣ Троицы въ Сыромятникахъ; къ случайной ошибкѣ отнести этого нельзя, ибо не слѣдуетъ забывать, что въ то время лицевой стороной земли представлялась обращенная на востокъ, т.-е. выходившая на нынѣшній Полуярославскій переулокъ, а потому, при возможности нахожденія въ указанное время заселенной части земли въ концѣ, прилегающемъ къ сказанной лицевой сторонѣ, могло быть, что жившіе на ней были отнесены къ Троицесыромятническому приходу (всѣ сосѣдніе, со стороны Сыромятниковъ, дворы принадлежатъ до нынѣ къ этому приходу) или же что земля числилась и въ томъ и другомъ приходѣ;—отъ нынѣшняго Троицесыромятническаго священника Барбарина я слышалъ, что въ тамошнихъ церковныхъ записяхъ прежняго времени онъ встрѣчалъ, въ числѣ приходскихъ дворовъ, владѣнія Колосова; наконецъ я помню (лѣтъ 50 назадъ), что тамошнее духовенство въ Рождество Христово и Пасху всегда посѣщало нашъ домъ, при чемъ я слышалъ тогда, что оно считало нашъ задній (по теперешнему положенію) дворъ принадлежащимъ къ его приходу.

Подобное этому слѣдуетъ сказать и о землѣ, находящейся передъ нашимъ домомъ (прирѣзанной къ владѣнію Невѣжина изъ-подъ землянаго вала и бывшаго около него проѣзда); —къ какому приходу принадлежала та часть ея, которая состав-

ляла пустое мѣсто, этимъ едва ли кто-либо тогда и интересовался—вѣроятно ни къ какому; но въ верхней части ея—на земляномъ валу были въ началѣ XIX столѣтія домъ и др. постройки Сандунова; владѣніе его, какъ видно изъ исповѣдныхъ росписей, въ 1811 году упоминалось въ Грузинскомъ приходѣ, а въ 1814 году—въ Ильинскомъ (за все время существованія его съ 1807 до 1817 г.);—во всякомъ случаѣ остается нетребующимъ доказательствъ то, что отношенія нашего владѣнія къ Грузинскому приходу были близкими (какъ это сохранилось безъ измѣненія и до сихъ поръ—съ апрѣля 1896 года я состою тамъ даже, по недостатку лицъ изъ прихожанъ, церковнымъ старостой); тамошнее духовенство посѣщало нашъ домъ исконни не только въ праздники Рождества Христова и Пасхи, но и 22 августа (въ день празднованія Грузинской иконѣ Божіей Матери).

Принадлежавшею отцу моему, кромѣ того, недвижимостью была лавка въ большомъ иконномъ ряду (городской части 1-го кв.) подъ №№ 10 и 11, купленная имъ вмѣстѣ съ дядей 1 апрѣля 1826 г. у моск. купца Николая Серг. Бирюкова за 2.500 руб. асс. (пошлины были взяты съ 6.500 руб.—видимо по существовавшей оцѣнкѣ ея); лавка эта, отдававшаяся въ наемъ за 300 руб. сер., поступила въ 1858 году къ сестрѣ моей Ольгѣ Александровнѣ въ приданое при выходѣ ея въ замужство, а ею продана, при возникновеніи вопроса о переустройствѣ рядовъ, арендовавшему ее въ теченіе долгаго времени (какъ у отца моего, такъ и у нея) моск. купцу Сергѣю Осип. Матвѣеву за 5.000 руб. сер.

Принадлежащій нынѣ намъ домъ, состоящій въ томъ же приходѣ Иліи пророка, на Покровскомъ бульварѣ (яузской части, 2-го участка, подъ № прежнимъ 310, новымъ 346), купленъ мной съ братьями 29 февраля 1880 г. у поч. гражданъ Дмитрія и Николая Александр. Крестовниковыхъ за 160.000 руб. сер.; главная передняя часть земли находилась во владѣніи рода Крестов-

никовыхъ съ 20 іюня 1795 г., а задняя часть, занятая садомъ, съ 19 мая 1811 г.

Постройки, находившіяся въ передней части двора (къ Садовой ул.), занимались всегда для собственнаго дѣла; имѣвшіяся же въ задней части (къ Полуярославскому пер.),—кромѣ времени, когда онѣ, въ началѣ 1830-хъ годовъ, употреблялись для набивной фабрики бумажныхъ тканей, а затѣмъ съ 1858 года для набивной же фабрики шерстяныхъ товаровъ и наконецъ для потребностей шерстопрядильни (спальни рабочихъ, квартиръ и т. п.),—отдавались въ наемъ разнымъ лицамъ и потому составляли, хотя и незначительную, статью дохода; такъ, по церковнымъ книгамъ, за 1826—28 гг., значится въ домѣ нашемъ жильцомъ колл. сов. Иванъ Петр. Мартень; о томъ, чѣмъ онъ занимался, я никакихъ свѣдѣній не имѣю;—помню далѣе, какъ разсказъ, что у насъ былъ жилецъ Шель, работавшій что-то; онъ былъ, вѣроятно, первымъ наемщикомъ по прекращеніи нами набивнаго дѣла;—затѣмъ, на моей памяти строенія тѣ отдавались одновременно двумъ лицамъ: двухъэтажный корпусъ былъ тогда отгороженъ отъ остального двора рѣшеткой и его нанималъ Петръ Ив. Корнѣевъ, работавшій въ немъ кисею (дѣло числилось на имя его матери—купчихи Анны Мих. Корнѣевой); помню, что рабочіе его уходили обѣдать и ужинать въ другое мѣсто, гдѣ у него была фабрика со всѣми принадлежностями; съ апрѣля 1839 года наемъ его прекратился;—одновременно съ этимъ домъ съ мезониномъ и всѣ остальныя постройки отдавались Ивану Ив. Мельникову; по церковнымъ книгамъ онъ значится у насъ съ 1837 года, а по домовой книгѣ числится выбывшимъ въ концѣ 1840 года; занятій его не помню;—послѣ того—съ начала 1841 до осени 1842 года показанъ, по домовой книгѣ, наемщикомъ моск. купецъ Иванъ Алексѣевъ, котораго рѣшительно припомнить не могу;—за нимъ, какъ жилецъ въ домѣ съ мезониномъ, былъ не долго (съ осени 1843 до весны 1844 года) Левъ Ив. Бюнтинксъ, имѣвшій заведеніе для приготовленія какихъ-то деревянныхъ фабричныхъ принад-

лежностей;—потомъ всѣ помѣщенія въ задней части двора арендовалъ Петръ Осип. Гужонъ для шелкоткацкой фабрики; онъ былъ жилецъ хорошій; помню, что онъ былъ человѣкъ очень скупой и что онъ уничтожалъ водившихся голубей, употребляя ихъ въ пищу; характера былъ онъ горячаго, размотчицъ, отдававшихся ему помѣщиками по контрактамъ, сѣкъ за провинности; онъ перебрался отъ насъ, въ видахъ расширенія дѣла, въ Сыромятники въ домъ Кокушкина (владѣніе это вошло въ составъ земли дома призрѣнія бѣдныхъ Г. И. Хлудова);—послѣ него въ 1847 и 1848 гг. былъ наемщикомъ Василій Никифоровъ, имѣвшій ткацкое производство бумажныхъ товаровъ, а затѣмъ не долго, также для ткацкаго дѣла, Иванъ Гавр. Каширинъ, который выѣхалъ по невозможности получить разрѣшеніе на переводъ фабрики къ намъ;—послѣ того, въ началѣ 1850 года, сняли всѣ строенія Осипъ и Клавдій Осип. Даме для крашенія шелка; дѣло было у нихъ самое ничтожное, а такъ какъ платежъ наемныхъ денегъ они скоро прекратили и, по неимѣнію дровъ, стали жечь въ занимаемыхъ ими строеніяхъ полы и накаты, то съ ними пришлось до срока уничтожить заключенный договоръ;—далѣе наемщиками правой стороны были Леонтій Борисовъ и Николай Леонт. Пономаревъ, занимавшіеся, въ самомъ маломъ размѣрѣ, набивкой кисеи; денегъ также не платилось;—въ двухъэтажномъ же корпусѣ нижній этажъ занимался въ то время столяромъ Семеномъ Трофимовымъ; это продолжалось до отдачи этого корпуса въ томъ 1852 году для шелкоткацкой фабрики Константину Павл. Шерышову, арендовавшему его до начала 1857 года; при его фабрикѣ проживали: приказчикъ Иванъ Степ. Башкировъ и, въ качествѣ такъ называемаго „мальчика“, Александръ Макс. Молчановъ (съ 1859 года торговавшій въ маломъ суровскомъ ряду набивнымъ товаромъ, по упадкѣ же его дѣлъ опредѣленный въ 1896 году на должность смотрителя дома, завѣщаннаго купеческому обществу Ѳ. Н. Самойловымъ, и умершій 20 мая 1901 г.);—по переводѣ Шерышевымъ фабрики корпусъ этотъ занимался въ теченіе нѣкотораго времени И. С. Башкировымъ, а въ 1858 году былъ

употребленъ нами для набивного дѣла;—прочія же зданія были въ ноябрѣ 1853 года отданы Августу Либишу, имѣвшему красильное заведеніе, и, наконецъ, съ лѣта 1855 года Амвросію Матв. Штефко, занимавшемуся крашеніемъ шерстяной пряжи; онъ прожилъ у насъ до конца 1858 года и былъ послѣднимъ наемщикомъ.

Дѣятельность нашего рода, по переселеніи его въ Москву, имѣла въ теченіе всего времени промышленный характеръ, основываясь на крашеніи и, частью, на набивкѣ издѣлій изъ волокнистыхъ веществъ, и только намъ, притомъ въ самое послѣднее время, пришлось прекратить ее и перейти къ другимъ занятіямъ.

Такъ,—послѣ первоначальнаго состоянія дѣда моего Егора Ив., какъ выше сказано, сперва ученикомъ, а затѣмъ мастеромъ въ заведеніи крашенія шелка Колосовыхъ,—имъ, послѣ разстройства дѣлъ послѣднихъ, была заведена на томъ же мѣстѣ собственная красильня; когда это произошло—я не знаю, хотя и видно, что это было до 1812 года; по возвращеніи въ Москву послѣ нашествія французовъ, когда онъ съ семействомъ, до возведенія построекъ на прежнемъ мѣстѣ (принадлежащемъ намъ), проживалъ въ Сыромятникахъ въ домѣ П. А. Жирнова (нынѣ Хлудовскій домъ призрѣнія бѣдныхъ), то и тамъ производилось крашеніе, а затѣмъ, по переѣздѣ оттуда на прежнее мѣсто, возобновилось тутъ въ 1816 году; начальнымъ собственнымъ занятіемъ было крашеніе шелка, къ которому въ 1820 году присоединилось крашеніе бумажной пряжи, сдѣлавшейся съ 1827 года единственнымъ производствомъ (крашеніе шелка окончилось въ 1826 году); независимо отъ того мать моего отца занималась крашеніемъ «спорковъ» (т. е. бывшихъ уже въ употребленіи матерій), для чего она имѣла одного или двухъ рабочихъ; я слышалъ, что на добываемыя этимъ путемъ средства она вела все домашнее хозяйство;—дѣло крашенія бумажной пряжи шло въ то время весьма хорошо, конкуренціи не было; отдававшими въ крашеніе пряжу были всѣ главные ткацкіе

фабриканты, какъ Братья Крестовниковы*), Алексѣй Алекс. Мазуринъ, Гаврила Никит. Урусовъ, Братья Солдатенковы и разные другіе; дѣло приносило хорошую пользу; выгодность его видна изъ того, что уже въ самомъ скоромъ времени (въ 1824 году) представилось возможнымъ пріобрѣсти въ собственность землю, заплативши за нее 25.500 руб. асс., что̀, съ существовавшимъ лажемъ, составляло болѣе 30 тыс. руб., и вслѣдъ затѣмъ выстроить домъ, ставшій 25 тыс. руб. —по тому времени это составляло весьма значительную сумму;—затѣмъ въ 1830 году къ красильному дѣлу была присоединена набивка бумажныхъ тканей (пике, кашемировыхъ платковъ и т. п.), которая однакоже существовала недолго и, послѣ смерти моего дяди, была (въ 1834 году) прекращена;—въ то же время—въ концѣ 1831 года начато крашеніе плиса и полубархата, сопряженное съ отдѣлкой его, а также крашеніе, безъ отдѣлки, нанки, демикотона, кашемира и миткаля;—отдѣлка плиса и полубархата, равно какъ и подготовка его къ крашенію, производились въ то время еще самымъ примитивнымъ способомъ; суровый товаръ, передъ опалкой, подвергался (для поднятія ворсы) ручной чисткѣ щетками; подклеенный товаръ просушивался на чугунныхъ валахъ, нагрѣвавшихся посредствомъ вкладыванія въ нихъ раскаленныхъ чушекъ; дѣло это шло въ такомъ видѣ до 1841 года, когда были поставлены машины: щеточная, приводившаяся въ дѣйствіе коннымъ приводомъ, и клеильная съ мѣдными барабанами, нагрѣвавшимися паромъ; плисъ и полубархатъ въ 1830-хъ годахъ красились преимущественно въ разные цвѣта, а съ 1842 года болѣе въ черный;—въ числѣ главныхъ давальцевъ и въ этомъ случаѣ были Крестовниковы;—но не долго было удовлетворительнымъ это дѣло; ибо вскорѣ послѣ того—въ началѣ 1840-хъ годовъ Александръ Козм. Крестовниковъ устроилъ, для плиса, въ Сыромятникахъ (въ домѣ Васильевой) собственное красильное заведеніе; работа у насъ чрезъ это значительно уменьшилась, тѣмъ

*) По имѣющимся записямъ счета съ Крестовниковыми за крашеніе бумажной пряжи составляли въ концѣ 1820-хъ годовъ около 35.000 руб. въ годъ, что̀, по тому времени, представлялось суммой весьма значительной.

болѣе что и изъ фабрикантовъ, бывшихъ нашими давальцами, нѣкоторые стали сокращать, а другіе даже прекратили это производство, перешедши на выработку другихъ товаровъ, а взамѣнъ того начали появляться совершенно новые торговцы плисомъ, сдѣлавшіеся впослѣдствіи главными производителями его, при чемъ самая выработка этого товара, изъ прежней фабричной, превратилась въ «мастерскую», производимую въ деревняхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникла по этому предмету и бо́льшая конкуренція; кромѣ Ильи Ѳедор. Брехова, занимавшагося крашеніемъ плиса уже и ранѣе и пользовавшагося извѣстностью, явились разные новые содержатели заведеній преимущественно по крашенію чернаго плиса; самое крашеніе послѣдняго приняло иной характеръ; вмѣсто употребленія, для отдѣлки таковаго (глянцованія), желтаго воска, его стали смазывать гусинымъ саломъ и олеиномъ, что́ стало примѣняться вообще къ низкимъ сортамъ товара, начавшимъ составлять главную часть производства; у торговцевъ явились выраженія «отдѣлка подъ воскъ» и «подъ сало»; плата за крашеніе низкихъ сортовъ сдѣлалась весьма низкой;—дѣло, попавши въ такія руки, гдѣ начали пріобрѣтать значеніе близкія отношенія къ приказчикамъ, которыхъ у насъ существовать не могло, сокращалось у насъ послѣдовательно, сдѣлавшись къ 1850 году весьма незначительнымъ;—такъ какъ въ самомъ ткацкомъ дѣлѣ возникали измѣненія и многіе фабриканты, работавшіе однѣ бумажныя ткани, начали употреблять для ткачества также шерстяную пряжу, то еще въ 1845 году было начато нами также крашеніе шерстяной пряжи, но дѣло это не пріобрѣло развитія и встрѣчалось болѣе какъ случайное. Съ 1850 года А. К. Крестовниковъ дѣйствіе своей красильни прекратилъ; это давало надежду на усиленіе работы у насъ; но обстоятельства сложились иначе—имъ въ то же время была начата постройка бумагопрядильной фабрики, а 26 ноября того же года онъ умеръ и, вскорѣ послѣ его смерти, преемниками его было рѣшено приступить къ ликвидированію всего ткацкаго дѣла; вслѣдствіе этого всѣ существовавшія съ ними сношенія прекратились;—въ концѣ 1850 года было нача-

то нами также крашеніе черныхъ кашемировыхъ платковъ; дѣломъ этимъ занимался тогда одинъ П. В. Свѣшниковъ; дѣло это было недурное, только, конечно, ограниченное по размѣрамъ; тутъ давальцами явились, сверхъ Крестовниковыхъ, новыя лица, преимущественно украинскіе торговцы; но и въ этомъ дѣлѣ вскорѣ явилась конкуренція—работавшіе суровый кашемиръ Маркины завели красильню и стали снабжать украинскихъ торговцевъ, которымъ они поставляли суровье, окрашеннымъ товаромъ;—далѣе, съ 1855 года, мы стали красить также демикотонъ съ отдѣлкой его; послѣднюю составляла отколотка, производившаяся руками; такой способъ отдѣлки казался намъ однако неудовлетворительнымъ и намъ пришла мысль поставить колотильную машину, чего для демикотона нигдѣ употребляемо не было, хотя для миткаля это уже существовало; въ то время въ крашеніи миткаля первое мѣсто, какъ по изящности цвѣтовъ, такъ и отдѣлкѣ, занималъ Гукъ въ С.-Пб.; ему отдавался для крашенія товаръ и московскими фабрикантами; съ цѣлью увидать, какъ производится отколотка у Гука, я отправлялся въ концѣ іюля 1855 года въ С.-Пб., но, пробывши тамъ цѣлую недѣлю, добраться до дѣла не могъ и лишь чрезъ посредство технологическаго института получилъ чертежъ имѣвшейся у Гука колотильной машины;—механикъ шепелевскихъ заводовъ Д. А. Шульгинъ вызвался тогда изготовить для насъ такую машину, придумавши сдѣлать тукмаки (служащіе для колоченья) изъ чугуна на желѣзныхъ скалкахъ, а приводить машину въ движеніе обыкновеннымъ коннымъ приводомъ въ 2 лошади, съ устройствомъ, для регулированія равномѣрности движенія, большаго чугуннаго маховаго колеса; но машина эта, со всѣми помянутыми приспособленіями, оказалась, къ сожалѣнію, никуда негодной: желѣзныя скалки начали ломаться съ перваго раза, приведеніе въ дѣйствіе маховаго колеса требовало напрасно излишней силы и, при обыкновенномъ конномъ приводѣ, было совершенно невозможнымъ (для миткалевыхъ колотиленъ, кромѣ Гука, гдѣ дѣйствовалъ паровой двигатель, употреблялись конные приводы,

стоявшіе въ наклонномъ положеніи, при чемъ лошади шли по колесу и своею тяжестью приводили его въ дѣйствіе); поэтому маховое колесо пришлось снять тотчасъ же, а затѣмъ выбросить и всѣ тукмаки, замѣнивъ ихъ деревянными пестами, т.-е. передѣлавши всю машину совершенно.

При такомъ состояніи дѣла,—когда крашеніе, которымъ мы занимались, стало вообще въ положеніе, необезпеченное относительно постоянства работы, вслѣдствіе усилившейся конкуренціи, имѣвшей, при ограниченности производства вообще, существенное значеніе, — явилась мысль устроить собственное ткацкое дѣло; обстоятельства же слагались въ такомъ видѣ: Крестовниковы въ 1853 году окончили свое мануфактурное дѣло и передали остатки для распродажи приказчику своему Ивану Влад. Шестакову, который и торговалъ ими еще въ нижегородскихъ ярмаркахъ 1854 и 1855 гг.; на ярмарку же 1856 года лавка была сдана ими работавшимъ суровый кашемиръ Братьямъ Кокоринымъ, начавшимъ въ 1855 году отдавать намъ въ краску платки; а такъ какъ издѣлія Крестовниковыхъ пользовались по качеству своему извѣстностью и на нихъ существовалъ опредѣленный кругъ покупателей, то Кокорины расторговались въ ярмаркѣ черными платками въ лучшемъ видѣ, несмотря даже на то, что работавшійся ими товаръ былъ низшаго качества; это побудило насъ начать съ осени 1856 года выработку собственныхъ кашемировыхъ платковъ такого достоинства, какое имѣли крестовниковскіе, путемъ раздачи пряжи такъ называемымъ «даточникамъ» или «мастеркамъ», съ устройствомъ лишь дома клейки, выдачи въ размотку и сновки; къ концу 1856 года у насъ появился первый свой товаръ (платки) и первымъ покупателемъ на него изъ иногородныхъ въ январѣ 1857 года былъ саратовскій торговецъ Иванъ Герас. Кузнецовъ; нѣсколько времени спустя мы стали работать тѣмъ же порядкомъ и свой демикотонъ; начиная съ нижегородской ярмарки 1857 года лавку Крестовниковыхъ стали занимать уже мы, а затѣмъ она была передана ими намъ совсѣмъ (за 1.500 руб.) и я бывалъ въ ярмаркѣ постоянно, по своему дѣлу, до 1867 го-

да включительно;—почти одновременно съ начатіемъ нами выработки своихъ черныхъ платковъ, а именно въ 1857 году, встрѣтилось еще то, что арендовавшій у насъ корпусъ, выходящій на Полуярославскій переулокъ, К. П. Шерышовъ, работавшій полушелковый атласъ, перевелъ фабрику въ купленный имъ собственный домъ, а такъ какъ товаръ шелъ у него хорошо, то и было рѣшено предоставить завѣдывавшему его фабрикой И. С. Башкирову начать въ небольшомъ объемѣ выработку такого товара, отъ нашего имени, въ оставшемся свободномъ корпусѣ, для чего ему и былъ выдаваемъ потребный для работы матеріалъ (шелкъ и бумажная пряжа); но эта проба продолжалась недолго, такъ какъ сбывать товаръ этотъ представлялось затруднительнымъ и предполагавшаяся польза, при сбытѣ его какимъ-либо мѣстнымъ торговцамъ, сокращалась до самаго незначительнаго размѣра;—къ прекращенію этого повело тѣмъ болѣе то, что въ началѣ 1858 года,—когда крашеніе постороннихъ товаровъ у насъ чрезвычайно сократилось, остававшись преимущественно для собственныхъ черныхъ платковъ и демикотона,—арендовавшій у насъ постройки на заднемъ концѣ двора А. М. Штефко предложилъ намъ завести, съ его участіемъ, набивку полушерстяныхъ платковъ, бывшихъ въ то время въ ходу, для чего корпусъ, занятый шелковымъ ткачествомъ, былъ необходимъ;—изъявивши согласіе на такое предложеніе, мы приступили къ осуществленію этого послѣ Пасхи того же года; но, прежде нежели пришлось начать набивку, такъ какъ ей предшествовала рѣзка манеровъ, требовавшая долгаго времени, Штефко поступилъ въ колористы на такую же фабрику къ Г. С. Васильеву (въ Сыромятникахъ—нынѣ тамъ домъ призрѣнія бѣдныхъ Г. И. Хлудова) и мы остались дѣйствовать собственными средствами, безъ какихъ-либо практическихъ указаній относительно составленія красокъ, равно какъ и требованій покупателей; въ концѣ 1859 года для торговли этимъ товаромъ нами была снята палатка въ зеркальномъ ряду (войдя въ рядъ съ Ильинки первая на лѣвой сторонѣ, надъ лавкой Тулупова, выходившей на улицу); но, по отсутствію знакомства съ ино-

городными покупателями, торговать для насъ было очень затруднительно, тѣмъ болѣе что въ этомъ дѣлѣ существовали фабриканты, имѣвшіе бо́льшее производство, съ большимъ выборомъ рисунковъ, и уже приспособленныхъ покупателей, что̀ для насъ при новости дѣла и ограниченности его было невозможнымъ; поэтому палатка эта была не болѣе какъ пристанищемъ, а не мѣстомъ, способствовавшимъ для производства торговли; въ виду этого, послѣ нижегородской ярмарки 1860 года, нами былъ приглашенъ, для продажи товара, состоявшій приказчикомъ у Шелаевыхъ Алексѣй Ѳедор. Шеруновъ и мы сняли палатку въ ветошномъ ряду (въ 1-мъ пряслѣ отъ Ильинки на правой сторонѣ), которую и занимали до прекращенія нами торговли набивнымъ товаромъ; выработка черныхъ платковъ и демикотона поддерживалась нами до 1861 года; между тѣмъ набивное дѣло, при существованіи сказанной конкуренціи со стороны фабрикантовъ, имѣвшихъ значительно бо́льшее (вдвое и втрое) производство, оставалось для насъ чрезвычайно тяжелымъ; ибо мы не могли имѣть постоянныхъ первоклассныхъ покупателей и если они являлись, то это было болѣе случайностью и при томъ въ небольшихъ размѣрахъ, тогда какъ при сбытѣ товара торговцамъ средняго сорта стали являться потери въ долгахъ и дѣло не могло приносить ожидавшейся пользы; поэтому возникло вскорѣ сомнѣніе въ цѣлесообразности его дальнѣйшаго расширенія, хотя, въ видахъ облегченія общихъ расходовъ, послѣднее и оказывалось необходимымъ;—а такъ какъ, съ цѣлью задуманнаго ранѣе увеличенія набивного дѣла, къ 1863 году былъ нами построенъ двухъэтажный корпусъ (съ холоднымъ верхомъ для лѣтней сушильни) *), являвшійся удовлетворительнымъ фабричнымъ помѣщеніемъ, а въ то время представлялось выгоднымъ пряденіе шерсти (выработка аппаратной пряжи), то было нами рѣшено приняться за это дѣло, какъ имѣвшее мѣстный сбытъ солиднымъ покупателямъ, и въ 1864 году было приступлено къ устройству его, а въ слѣдующемъ

*) Холодный верхъ былъ обращенъ вскорѣ въ теплое помѣщеніе.

году начата и самая работа;—при устройствѣ прядильни имѣлось уже въ предположенiи не только не расширенiе набивнаго дѣла, а возможное его прекращенiе; случай же къ этому представился тотчасъ же: въ 1865 году А. М. Штефко рѣшился начать съ братомъ своимъ (Францемъ Матв., занимавшимъ должность колориста у А. П. Шелаева) собственное дѣло и открыть такую фабрику въ Павловскомъ посадѣ, въ виду же того, что для начатiя набивки требовалась заготовка манеровъ, на что было необходимо значительное время,—хотя тогда уже, вслѣдствiе введенiя въ употребленiе отливки контуръ вмѣсто набора ихъ изъ латуни, оно и сократилось,—явилась возможность передать ему все наше обзаведенiе, съ условiемъ зарабатывать слѣдующую за то сумму посредствомъ отдачи ему въ набивку суроваго товара и вычета долга частями изъ причитающейся за набивку платы; въ 1867 году, въ нижегородской ярмаркѣ дѣло было у насъ уже совсѣмъ ничтожное, а въ 1868 г. тамъ производилась лишь распродажа оставшагося товара; затѣмъ на слѣдующiя ярмарки лавка была сдаваема для торговли другимъ лицамъ и, наконецъ, въ 1871 году продана Козмѣ Емельян. Прохорову (за 6.000 руб.); въ то же время была покончена торговля набивнымъ товаромъ и въ Москвѣ.

Выработка аппаратной пряжи, хотя и устроенная у насъ въ небольшомъ размѣрѣ, давала въ первое время хорошую пользу: за пряденье оставалось отъ 10 до 12 руб. и даже болѣе; но, какъ это всегда бываетъ, неумѣренныя выгоды привлекаютъ къ себѣ желающихъ воспользоваться ими; вскорѣ выработкой этой пряжи начали заниматься лица, имѣвшiя суконныя фабрики; кромѣ того стали являться новые фабриканты; наконецъ нѣкоторые изъ ткацкихъ фабрикантовъ устроили у себя свое пряденье, тѣмъ болѣе что послѣднее не требовало большихъ затратъ, и результатомъ всего этого оказалось пониженiе цѣнъ настолько, что за обработку могло оставаться уже только 7 или даже 6 руб.; сверхъ всего этого прядильныя фабрики возникли въ привислянскомъ краѣ, тогда какъ въ половинѣ 1870-хъ годовъ тамошнiе ткацкiе фабриканты были покупателями этой пряжи въ

Москвѣ; всѣ эти обстоятельства,—въ виду явившагося у насъ иного занятія, а именно участія въ московскомъ торговомъ банкѣ и прикосновенныхъ къ нему дѣлахъ московскаго торгово-промышленнаго товарищества,—привели насъ къ заключенію прекратить его совершенно, тѣмъ болѣе что, занимаясь дѣлами торговаго банка, я не имѣлъ уже времени посѣщать покупателей и проводить съ ними время въ трактирахъ, какъ это требовалось по примѣру другихъ; съ Пасхи 1885 года фабрика была остановлена, а затѣмъ послѣдовательно были распроданы ея принадлежности, и такимъ путемъ окончилось наше личное фабричное занятіе, просуществовавши, хотя и въ различныхъ видахъ, на одномъ мѣстѣ въ теченіе болѣе 75 лѣтъ.

Теперь, когда прошло почти 18 лѣтъ послѣ совершеннаго окончанія нами послѣдняго изъ перечисленныхъ дѣлъ, стоитъ взглянуть на положеніе, въ какомъ всѣ эти дѣла находятся въ настоящее время. Крашеніе бумажной пряжи не только крупными ткацкими фабрикантами, но и большинствомъ среднихъ, производится на ихъ фабрикахъ;—выработка плиса и полубархата въ встрѣчавшемся прежде видѣ исчезла совершенно—на мѣстѣ полубархата выросъ какой-то «манчестеръ» и «вельветинъ», неотличимый отъ бархата;—крашеніе шерстяной пряжи существуетъ теперь въ незначительныхъ размѣрахъ, давальцами же пряжи являются фабриканты средней руки и торговцы;—демикотонъ, если и производится, то фабрикантами, работающими коленкоръ и имѣющими собственное крашеніе;—черные кашемировые платки отошли въ область преданій;—полушерстяныя набивныя шали перемѣнили совершенно свой характеръ, замѣнившись шерстяными и бумажными, и остались предметомъ производства какихъ-нибудь 2, много 3, фабрикъ, и то при выработкѣ другихъ издѣлій;—наконецъ выработка самой аппаратной шерстяной пряжи для сбыта ея ткацкимъ фабрикантамъ,—при возникновеніи и усиленіи выработки тѣхъ товаровъ, для которыхъ она употреблялась, въ привислянскомъ краѣ, и притомъ въ болѣе изящномъ видѣ, а затѣмъ при замѣнѣ той пряжи въ многихъ случаяхъ вигоневою (работаемою изъ хлопка съ ничтожною примѣсью шерсти,

бо́льшею же частью даже безъ всякой такой примѣси),—совершенно утратила то значеніе, какое она имѣла въ 1860-хъ и 70-хъ годахъ.—Вотъ какъ можетъ перемѣняться постановка всего дѣла за 50 лѣтъ, не говоря уже о томъ переворотѣ, который произошелъ за послѣднее 25-лѣтіе, когда для существованія дѣлъ небольшихъ потерялась всякая возможность.

Притомъ изъ лицъ (разумѣя дома ихъ), съ которыми въ теченіе всего сказаннаго времени пришлось имѣть дѣла, осталось на виду самое ничтожное меньшинство, и то въ бо́льшей части его—на другихъ отрасляхъ дѣятельности; большинство же исчезло изъ торгово-промышленнаго міра совершенно;—такая же участь постигла и лицъ, имѣвшихъ однородныя съ нами производства.

Говоря о занятіяхъ нашего рода, нельзя не упомянуть и о нѣкоторыхъ состоявшихъ при нихъ лицахъ. Такъ въ должности приказчиковъ были:

Въ 1820-хъ годахъ и началѣ 1830-хъ—Иванъ Петр. Шерановъ, пользовавшійся со стороны отца моего довѣріемъ; онъ умеръ въ преклонномъ возрастѣ 18 сентября 1836 г. и погребенъ въ Покровскомъ монастырѣ; на могилѣ его поставленъ нами въ недавнее время памятникъ.

Съ начала 1837 до средины 1839 года—Козма Антон. Суминъ, оставившій занятія вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній.

Въ 1860-хъ годахъ—упомянутый выше А. Ѳ. Шеруновъ; вслѣдствіе неправильнаго образа жизни онъ давно уже находится въ невполнѣ нормальномъ состояніи и осенью минувшаго 1902 года помѣщенъ въ Солодовниковскую богадѣльню; ему теперь около 70 лѣтъ.

Затѣмъ означенный выше И. С. Башкировъ (бывшій приказчикъ Шерышева); онъ находился у насъ при прядильной фабрикѣ въ теченіе послѣдняго времени его жизни, окончившейся въ августѣ 1886 года; погребенъ онъ на Пятницкомъ кладбищѣ; онъ былъ урожденецъ курской губерніи; типъ хохла; чрез-

вычайно малаго роста; былъ человѣкъ вполнѣ добросовѣстный, но нелегко усвоивавшій себѣ то, что для него представлялось неизвѣстнымъ; послѣ него вдова его съ дѣтьми проживала у насъ до смерти ея, послѣдовавшей въ 1901 году.

Наконецъ остается сказать о жившемъ у насъ въ теченіе долгаго времени (съ весны 1814 до лѣта 1863 года) моск. мѣщ. садовой большой слободы Васильѣ Ив. Ожогинѣ; это былъ типъ своего рода; отецъ его Иванъ Роман. былъ моск. купцомъ, торговавши въ серебряномъ ряду; онъ происходилъ изъ переславль-залѣсскихъ купцовъ и значился въ моск. купечествѣ по 4-й ревизіи 1782 года, въ 1797-мъ же году перечисленъ уже, по разстройству дѣлъ, въ мѣщане;—по ревизской сказкѣ 5-й ревизіи 1795 года (11 августа) Василій Ив. показанъ 3 лѣтъ; онъ былъ высокаго роста, худощавый, имѣлъ видъ угрюмый; въ молодости, видимо, брился, но, какъ я его зазналъ, онъ выстригалъ лишь изрѣдка бороду тупыми ножницами; лицо у него было бóльшею частью вымарано краской, что̀ въ особенности происходило отъ того, что онъ постоянно выпачканными въ краскѣ руками утирался и нюхалъ табакъ; онъ былъ человѣкъ вполнѣ честный, но вслѣдствіе своей слабости, не могъ выдти на какое либо выдѣляющееся положеніе и, въ теченіе всего долговременнаго нахожденія его у насъ, оставался въ средѣ исполнявшихъ всякія другія работы, изъ коихъ ему поручались, впрочемъ, нѣкоторыя требовавшія особаго довѣрія; на него возлагалось обыкновенно сношеніе съ канцеляріями мѣстнаго полицейскаго квартала и части (въ томъ числѣ и поздравленіе съ праздниками), а также хожденіе въ существовавшую контору адресовъ; теплой одежды (мѣховой) онъ не носилъ никогда, несмотря на проявлявшіяся со стороны моего отца, въ особенности въ болѣе позднее время его жизни, заботы о пріобрѣтеніи для него таковой; его постоянной одеждой была чуйка; головной нарядъ его составлялъ громадный картузъ со сверткомъ въ немъ оберточной бумаги, подъ который укладывалось все носимое въ канцелярію квартала и контору адресовъ;—въ молодости онъ любилъ посѣщать театръ (извѣстный въ то время актеръ Ожогинъ былъ съ нимъ изъ

одного рода); характера онъ былъ серьезнаго съ нѣкоторымъ юморомъ; но, при веселомъ настроеніи (въ куражѣ), онъ густымъ басомъ произносилъ многолѣтія (что́ составляло обычное явленіе), а также иногда пѣлъ арію изъ «русалки»;—я слышалъ отъ него, что во время нашествія французовъ онъ оставался въ Москвѣ и, когда было разрѣшено разбирать изъ казначейства мѣдную монету, онъ забралъ также одинъ мѣшокъ, но, несши его на плечѣ по Красной площади, былъ остановленъ непріятельскимъ солдатомъ, который заговорилъ съ нимъ на невѣдомомъ ему языкѣ и, не получивши отвѣта, ударилъ его по лицу и отнялъ ношу;—въ началѣ 1860-хъ годовъ онъ сталъ слѣпнуть, потерявши въ 1863 году почти совершенно зрѣніе, вслѣдствіе чего и былъ тогда помѣщенъ въ состоящую при московскомъ мѣщанскомъ училищѣ богадѣльню, гдѣ 16 августа 1870 г. (въ 1-мъ часу ночи) и умеръ.

Отъ отца, свидѣтеля происшествій 1812 года, приходилось въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ слышать многое объ ужасахъ того времени. Онъ былъ близокъ къ средѣ, интересовавшейся современнымъ ходомъ дѣлъ; посѣщалъ греческую кофейную (находившуюся, сколько я помню изъ его разсказовъ, на Никольской ул.), гдѣ получались разныя газеты, русскія и иностранныя, и куда собиралась молодежь для чтенія ихъ;—къ несчастному М. Н. Верещагину (жившему въ домѣ отца, противъ Симеона столпника, на Николоямской ул., принадлежащемъ нынѣ поч. гр. Тюляеву) былъ онъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ; отъ Верещагина онъ имѣлъ и переведенное имъ воззваніе Наполеона къ князьямъ Рейнскаго союза, которое сжегъ тотчасъ же, какъ только услыхалъ объ арестѣ Верещагина; воззваніе это я зналъ съ малолѣтства, такъ какъ отецъ читалъ его на память, прежде нежели оно было гдѣ-либо напечатано; никто изъ той среды, къ которой принадлежалъ Верещагинъ, не могъ, по словамъ отца, быть не только обвиняемъ, но даже и заподозриваемъ въ какой-либо неблагонамѣренности—всѣ были проникнуты преданностью къ отечеству и враждой къ Напо-

леону; отецъ былъ поклонникомъ императора Александра I и съ крайнимъ негодованіемъ отзывался какъ о Наполеонѣ, такъ и Ростопчинѣ; Верещагинъ рѣшился не выдавать почтдиректора Ключарева, отъ дѣтей котораго былъ полученъ нумеръ газеты, содержавшій это воззваніе Наполеона, и исполнилъ это, принявъ на себя завѣдомо ложную роль сочинителя его. Отступленіе русскихъ войскъ возбуждало уныніе въ средѣ москвичей и порождало общее крайнее негодованіе противъ Барклая-де-Толли; но, при назначеніи главнокомандующимъ Кутузова, духъ поднялся и явилась увѣренность въ русскія силы; увѣренность эта не упала даже и послѣ Бородинскаго сраженія, такъ какъ всѣ, убѣждаемые издававшимися Ростопчинымъ афишами, въ которыхъ возвѣщалось, что Москва не будетъ отдана безъ боя, ждали новаго сраженія на Поклонной горѣ; когда даже стали ежедневно провозить чрезъ Москву раненыхъ подъ Бородинымъ, а затѣмъ стали спѣшно проходить,—направляясь чрезъ Яузскій мостъ частью по Николоямской улицѣ на владимірскую дорогу, а частью черезъ Таганку на коломенскую,—самыя войска, подававшія всѣмъ совѣтъ уходить изъ Москвы и сообщавшія, что непріятель идетъ по пятамъ, тѣмъ не менѣе распространялся слухъ, что Кутузовъ ведетъ войска въ обходъ непріятеля, каковому распространенію способствовало въ значительной степени то, что ростопчинскія афиши продолжали поддерживать проводившіяся въ нихъ дотолѣ мысли, а имъ придавалось значеніе. Въ такомъ колебательномъ состояніи всѣ находились до 1 сентября; когда же сдѣлалось извѣстно, что снятъ полицейскій караулъ, то всѣ уже упали духомъ. При такомъ положеніи дѣла 2 сентября толпа явилась къ дому, гдѣ жилъ Ростопчинъ (на Лубянкѣ) и стала заявлять требованіе, чтобы онъ велъ ее на Поклонную гору, какъ онъ обѣщалъ въ издававшихся имъ афишахъ, и тогда-то онъ, вышедши къ ней, велѣлъ, въ видахъ личнаго спасенія, вывести Верещагина и сказалъ: «вотъ измѣнникъ, отъ котораго Москва страдаетъ, возьмите его, я сейчасъ пріѣду въ генералъ-губернаторскій домъ»;—по нанесеніи Верещагину нѣсколькихъ ударовъ саблями, толпа потащила его во-

локомъ на Тверскую; знакомый моему отцу квартальный поручикъ (такъ назывались помощники квартальныхъ надзирателей), бывшій въ это время на дежурствѣ при генералъ-губернаторскомъ домѣ, говорилъ отцу, что когда Верещагинъ былъ притащенъ на Тверскую, то было замѣтно, что онъ еще былъ живъ. Отецъ не могъ безъ слезъ разсказывать объ этомъ.

Воззванія Ростопчина, постоянно повторявшіяся, имѣли то послѣдствіе, что большинство жителей Москвы, не вѣря въ возможность вступленія непріятеля, лишилось средствъ вывезти свое имущество. Что значатъ полицейскіе будочники (нынѣшніе городовые),—говорилъ отецъ,—между тѣмъ какое вліяніе произвело снятіе этого караула; едва успѣло это послѣдовать, какъ явилось полное своеволіе; не непріятели, а свои русскіе стали являться съ различными требованіями—денегъ, вина и проч. и не стало возможнымъ въ томъ отказывать. Спѣшно пришлось принимать мѣры къ удаленію; все, что можно было захватить, было семействомъ отца уложено въ телѣжку, металлическая посуда была брошена въ имѣющійся на дворѣ прудъ, въ который бросали разныя металлическія вещи даже и постороннія лица; нѣкоторое имущество было зарыто на дворѣ и заложено дровами; его не нашлось однако впослѣдствіи, вѣроятно, оно было вырыто своими (свѣдѣній о брошенномъ въ прудъ не осталось, хотя на моей памяти приходилось попадать багромъ въ прудѣ на что-то металлическое).

Затѣмъ, 2 сентября, около 2 час. дня отецъ мой съ его матерью, братомъ, сестрой и нѣсколькими малолѣтними родственниками отправился по Стромынкѣ—тогдашнему тракту на Владиміръ—«мы, благодареніе Всемогущему (значится въ записяхъ отца), выѣхали или вышли изъ Москвы 2 сентября не болѣе за часъ до входа непріятеля»;—когда же они выбрались за Преображенскую заставу, то вспомнили, что дома была оставлена необходимая посуда; тогда братъ моего отца, выпрягши лошадь, отправился на ней верхомъ домой, но, пріѣхавши къ своей квартирѣ, онъ засталъ уже тамъ французовъ, которые хотѣли его остановить и сдѣлали по немъ даже выстрѣлы, однако

же онъ успѣлъ отъ нихъ ускакать. На столько скоро могли они проникнуть въ мѣстность, противоположную ихъ вступленію и довольно отдаленную отъ центра.

По разсказамъ остававшихся, французы, нашедши принадлежавшія моему отцу книги, въ числѣ которыхъ были нѣкоторыя на французскомъ языкѣ, доискивались, кому онѣ принадлежатъ, такъ какъ они забирали знающихъ этотъ языкъ въ переводчики и проводники и чрезвычайно замучивали исполненіемъ такихъ обязанностей.

Строеніе, въ коемъ жилъ мой отецъ, вскорѣ сгорѣло; жаръ отъ горѣвшихъ въ окружности зданій былъ на столько силенъ, въ особенности, когда горѣлъ находившійся по другую сторону землянаго вала винный заводъ (на мѣстѣ нынѣшняго сахаро-рафинаднаго завода, принадлежащаго московскому товариществу), что дѣдъ мой, остававшійся въ Москвѣ, укрывался отъ него, сидя по шею въ прудѣ (не слѣдуетъ забывать, что это было въ сентябрѣ), послѣ чего онъ проводилъ все время въ землянкѣ, сдѣланной на огородѣ, на противоположномъ берегу Яузы.

При прибытіи въ первый день выхода изъ Москвы на ночлегъ,—разсказывалъ отецъ,—появилось уже большое зарево—Москва загорѣлась; зарево было видно къ вечеру и въ нѣсколько слѣдующихъ дней путешествія;—во Владиміръ прибыли они, какъ значится въ записяхъ отца, 9 сентября, послѣ чего, не встрѣтивъ сочувствія въ Батыевѣ со стороны бывшихъ родственниковъ, направились 25 того же мѣсяца въ село Порѣчье (ростовскаго уѣзда) къ одному знакомому, нанимавшему у Колосовыхъ подъ огородъ береговую около пруда землю, куда пріѣхавъ 1 октября, пробыли тамъ до начала рождественскаго поста (я помню—вдова того огородника Дарья Матвѣевна въ 1840-хъ годахъ, являвшись въ Москву, всегда проживала у насъ); оттуда перебрались они въ сельцо Кутузово, изъ коего возвратились 19 марта 1813 г. въ Москву и поселились въ домѣ московскаго купца Петра Андр. Жирнова, состоявшемъ въ Сыромятникахъ, рогожской части, 1-го квартала, и тамъ про-

жили до 28 декабря 1816 г., а тогда переѣхали опять въ домъ Невѣжина (на занимаемое нами мѣсто) *).

Отъ отца слышалъ я, что при выѣздѣ изъ Москвы у него было денегъ 1.000 руб. асс., которыхъ достало на существованіе въ теченіе всего сказаннаго времени и даже оказался еще остатокъ. За наемъ помѣщенія въ домѣ Жирнова, точно такъ же какъ и въ домѣ Невѣжина, платилось по 1.200 руб. асс. въ годъ;—при этомъ слышалъ я, что устройству дѣла послѣ раззоренія значительное содѣйствіе было оказано нѣкоимъ Михайломъ Вас. Холкинымъ; какое отношеніе имѣлъ онъ къ отцу—я не знаю; извѣстно лишь, что онъ былъ московскимъ купцомъ, по книгѣ 6-й ревизіи 1811 года числился 23 лѣтъ, умеръ 14 марта 1821 г., погребенъ въ Покровскомъ монастырѣ, при чемъ моимъ отцомъ былъ поставленъ на могилѣ его памятникъ, который, къ сожалѣнію, бывшимъ тамъ экономомъ Пименомъ, вмѣстѣ съ многими другими памятниками, снесенъ и такимъ образомъ слѣды мѣста погребенія утратились.

Отецъ разсказывалъ, что послѣ пожара 1812 года разстоянія между отдѣльными мѣстностями города чрезвычайно сократились; отъ нашего мѣста было возможнымъ ходить въ городъ (Китай-городъ) въ прямомъ направленіи, заботясь при этомъ лишь о томъ, чтобы не попасть гдѣ-либо въ погребъ или колодезь.

Мать моя была увезена на время нашествія непріятеля въ Зарайскъ, гдѣ и пробыла въ теченіе всего этого времени.

Слышалъ я, что въ началѣ столѣтія (а можетъ быть уже и въ концѣ предшествующаго) въ средѣ населенія Москвы стало замѣчаться сильное ослабленіе религіозности, явно выражавшееся въ незначительности числа присутствовавшихъ въ храмахъ при совершеніи церковныхъ службъ; но явилось тяжелое испытаніе 1812 года и въ духовномъ настроеніи населенія произошла рѣзкая перемѣна—храмы, даже и по возстановленіи раззоренныхъ, стали оказываться переполненными со стороны молящихся.

---

*) По записи расходовъ дѣдъ принялся за дѣло въ домѣ Жирнова въ февралѣ 1813 г.

Упоминаемые мной выше сосѣди наши съ сѣверной стороны—почетные граждане Усачевы были торговцы чаемъ, занимавши въ то время первое мѣсто въ этой торговлѣ, а моск. купецъ Маклаковъ имѣлъ отбѣльное заведеніе бумажныхъ тканей.

Усачевы принадлежали къ числу простыхъ русскихъ людей; отецъ мой помнилъ, что когда они, въ раннѣйшее время ихъ жизни, торговали фруктами, то сами на лоткахъ (на головѣ) разносили проданный товаръ; они жили въ одномъ домѣ, въ которомъ лицевую половину занималъ старшій братъ, бывшій и въ торговомъ дѣлѣ главнымъ, вѣрнѣе единственнымъ, двигателемъ его, а половину, выходившую на дворъ, младшій; первый изъ нихъ Василій Никол. былъ женатъ 2-мъ бракомъ на Марьѣ Иван., отъ которой имѣлъ сына Козму, ослѣпшаго въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ и вскорѣ послѣ того умершаго, и дочь Александру, вышедшую впослѣдствіи въ замужство за нѣкоего Петра Петр. Куманина (носившаго названіе «Pierre de Paris» и окончившаго свое житіе въ Вологдѣ, куда онъ былъ высланъ за его дѣянія); послѣ ея смерти, послѣдовавшей нѣсколько лѣтъ назадъ, остались весьма значительныя средства, поступившія на разныя благотворительныя дѣла (у Вас. Ник. была дочь отъ 1-го брака, давно умершая, которую я не зналъ); Вас. Ник. имѣлъ крутой характеръ, былъ извѣстнымъ въ Москвѣ лошадинымъ охотникомъ; въ конюшнѣ его находилось до 30 дорогихъ лошадей;—младшій братъ Петръ Никол. былъ женатъ также 2-мъ бракомъ на Надеждѣ Ѳомин. (она состояла прежде гувернанткой при его дѣтяхъ и была иностраннаго происхожденія, хотя вѣроисповѣданія православнаго); какъ отъ нея, такъ и отъ 1-й жены, у него было 2 сына и 5 дочерей; въ противоположность старшему брату онъ былъ человѣкъ весьма простой, мягкаго характера, страстный любитель сада, который былъ имъ устроенъ съ систематической распланировкой, съ образцовыми при немъ оранжереями, и поддерживаемъ въ на столько выдающемся состояніи, что пользовался общею извѣстностью и былъ посѣщаемъ даже посторонними лицами; садъ при домѣ ихъ существовалъ и ранѣе; по раз-

сказамъ отца, во время владѣнія землей этой Невѣжина въ саду держались олени, что̀, вѣроятно, происходило отъ того, что компаніономъ Невѣжина въ производившейся имъ торговлѣ чаемъ былъ холмогорскій купецъ Сорокинъ — урожденецъ сѣвера; съ садомъ этимъ былъ соединенъ, по пріобрѣтеніи Усачевыми сосѣдняго владѣнія Маклакова, и находившійся при этомъ владѣніи большой густой садъ, но послѣдній оставался въ дикомъ неблагоустроенномъ видѣ; отличіе его отъ главнаго сада ясно видно и теперь; — Усачевы пользовались такою извѣстностью, что даже самый Высокій мостъ со стороны простонародія назывался «усачевскимъ» въ предположеніи, что онъ былъ выстроенъ ими, такъ какъ первоначальное устройство его совпадало съ временемъ постройки ихъ дома; главное участіе въ постройкѣ теплаго Ильинскаго храма и отдѣлкѣ его принадлежало имъ (по тогдашнимъ слухамъ ими было употреблено на это до 200 тыс. руб. асс.); съ 1839 года въ теченіе 9 лѣтъ они занимали должность церковныхъ старостъ; благолѣпіе храма поддерживалось ими въ это время лучшимъ образомъ; — съ домомъ Усачевыхъ мы были въ хорошихъ отношеніяхъ; мать моя была весьма близка съ Марьей Ив., доколѣ Василій Ник. жилъ въ этомъ домѣ (онъ выѣхалъ въ купленный имъ на Маросейкѣ домъ въ срединѣ 1840-хъ годовъ); мнѣ приходилось бывать тамъ вмѣстѣ съ матерью, обстановка была богатая; Усачевы вели жизнь, считавшуюся по тому времени открытой; я помню, что день именинъ Петра Ник. (12 іюня) у нихъ справлялся торжественно — бывало много гостей, въ саду игралъ оркестръ военной музыки, которая была слышна далеко и привлекала изъ окрестности народъ, собиравшійся противъ насъ на улицѣ; все это кануло съ его смертью; — старшій сынъ его (отъ 1-го брака) Петръ Петр., встрѣчавшій притѣсненія со стороны мачихи при слабохарактерности отца, состоялъ въ послѣднее предъ смертью отца время на службѣ въ Петербургѣ и лишь послѣ того возвратился въ Москву, гдѣ уже прожилъ до смерти, послѣдовавшей лѣтъ 10 назадъ; онъ былъ высокаго роста, въ очкахъ, носилъ бороду, что̀ въ то время не употреблялось, съ членами своего семейства, какъ

я слыхалъ лично, объяснялся на французскомъ языкѣ; до конца жизни онъ оставался холостымъ, устранялся отъ всякаго общества, имѣлъ при себѣ только слугу и лягавую собаку (хотя охотникомъ не былъ); изъ доставшихся ему послѣ отца средствъ скопилъ онъ,—по слухамъ, чрезъ пріобрѣтеніе на большую сумму московско-рязанскихъ акцій, когда онѣ имѣли совершенно низкую цѣну,—весьма значительный капиталъ, который поступилъ послѣ него на дѣла благотворенія; на его средства устроено какое-то богоугодное заведеніе въ Сергіевскомъ посадѣ; онъ и погребенъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ (прочіе Усачевы похоронены въ Новоспасскомъ монастырѣ);—младшій же сынъ (отъ 2-го брака) Василій Петр. былъ женатъ, но неудачно, начиналъ небольшую торговлю чаемъ, которая однако же была неуспѣшной и скоро окончилась, имѣвшіяся средства изсякли незамѣтно и онъ умеръ въ весьма нестарыхъ годахъ, находившись въ крайне стѣсненномъ положеніи. Смертью ихъ покончился родъ Усачевыхъ въ мужскомъ поколѣніи.

Маклакова я вовсе не зналъ; гдѣ помѣщалась его отбѣльня также не помню; думаю, что она была внизу, на прилегавшемъ къ намъ мѣстѣ, называвшемся впослѣдствіи «пѣтушинымъ дворомъ»; промывка отбѣленнаго товара производилась на Яузѣ съ плота у Полуярославскаго моста, куда рабочіе носили товаръ по улицѣ; земля Маклакова состояла въ Троицесыромятническомъ приходѣ, въ которомъ остается задняя часть владѣнія наслѣдницъ Хлудова и сейчасъ.

Перечисляя сосѣдей, нельзя ограничиться только ближайшими, а нелишне сказать и о другихъ лицахъ, принадлежавшихъ въ прежнее время къ одному съ нами Ильинскому приходу. Приходъ имѣлъ тогда нѣсколько иное противъ нынѣшняго значеніе; тогда между прихожанами существовала въ нѣкоторой степени общность относительно мѣстныхъ приходскихъ интересовъ, утрачивающаяся въ современномъ населеніи все болѣе и болѣе. Привожу то, что было на моей памяти до средины 1850-хъ годовъ.

Сосѣдній съ Усачевыми домъ (нынѣ Орѣшникова) принад-

лежалъ подполковницѣ (говоря языкомъ того времени) Екатеринѣ Алекс. Матовой; это была старая вдова, барыня изъ мелкопомѣстныхъ, съ пуклями, имѣвшая крѣпостную прислугу и ходившая въ церковь въ сопровожденіи лакея (въ изношенной ливреѣ), притомъ въ темное время года съ фонаремъ для освѣщенія пути;—ея поваръ представлялся для обитателей нашего края устроителемъ стола въ именинные дни и при другихъ потребныхъ въ томъ случаяхъ; кромѣ того, онъ занимался раскрашиваніемъ лубочныхъ картинокъ и потому во времена нашего дѣтства отъ него были пріобрѣтаемы для насъ рисовальныя кисточки, хотя употреблявшіяся имъ и были болѣе пригодны для малярной работы, нежели для рисованія.

Слѣдующій затѣмъ домъ (нынѣ Илышева) былъ какого-то чиновника Петрова, а потомъ Дмитрія Дмитр. Филимонова; онъ служилъ въ опекунскомъ совѣтѣ, жилъ вдвоемъ съ женой; помню, что у него проживалъ временно еще молодымъ человѣкомъ шуринъ его Николай Вас. Калачевъ (бывшій впослѣдствіи сенаторомъ).

Первый за Сыромятнической улицей домъ (нынѣ Живаго) принадлежалъ тогда Лукутинымъ; они, происходивши изъ стариннаго купеческаго рода, были въ то время въ упадкѣ; Александръ Сем. Лукутинъ состоялъ гдѣ-то на государственной службѣ—кажется въ опекунскомъ совѣтѣ.

По другой сторонѣ Садовой улицы, прилегающій къ входу на церковный монастырь домъ (нынѣ Козлова) состоялъ во владѣніи Василья Борис. Угрюмова; это былъ худой, чисто бритый старикъ, видомъ вполнѣ соотвѣтствовавшій его фамиліи; во время начатія постройки нынѣшней теплой церкви онъ былъ церковнымъ старостой; у него была молодая сравнительно съ нимъ жена и, какъ я слыхалъ, онъ предоставилъ ей пользованіе домомъ и оставленными имъ средствами при условіи, если она не вступитъ въ замужство.

Земля отъ церкви до Садовой (нынѣ дома Козлова и Мыслина) составляла одно владѣніе Григорья Дав. Давыдова, занимавшагося кондитерскимъ (называемымъ теперь офиціантскимъ) про-

мысломъ; онъ былъ устроителемъ свадебныхъ пирушекъ и похоронныхъ обѣдовъ для нашего околотка и въ теченіе 19 лѣтъ послѣ Усачевыхъ былъ церковнымъ старостой.

Напротивъ его, на Воронцовской улицѣ, 2-й отъ угла домъ (нынѣ Моргунова) принадлежалъ княгинѣ Екатеринѣ Гавр. Бибарсовой (на углу земля, недавно прикупленная Моргуновымъ, была тогда въ другомъ владѣніи—ранѣе чиновницы Дмитріевой, а затѣмъ Марьи Александр. Мазуриной); Бибарсова, по рожденію Жеребцова, была фрейлиной Императрицы Маріи Ѳеодоровны; она, какъ извѣстно, была въ замужствѣ за А. А. Чесменскимъ (побочнымъ сыномъ графа Орлова-Чесменскаго), женившимся на ней отъ живой жены; когда же, по Высочайшему повелѣнію вслѣдствіе просьбы послѣдней, дѣлу о такомъ вступленіи Чесменскаго въ бракъ данъ былъ законный ходъ, она спѣшно вышла замужъ (при жизни Чесменскаго) за нѣкоего князя Якова Бибарса; я зналъ ее уже въ преклонномъ возрастѣ, при чемъ она была уже вдовой; она располагала хорошими средствами, пріобрѣтенными ею отъ Чесменскаго; ей принадлежалъ мышегскій чугунный заводъ (въ калужской губерніи); она постоянно посѣщала церковь, ѣздивши въ каретѣ на хорошихъ лошадяхъ, съ ливрейнымъ лакеемъ; выѣзжая въ церковь, наряжалась въ нѣсколько одѣяній, изъ которыхъ была разоблачаема находившейся всегда при ней горничной; при домѣ ея имѣлась большая дворня; кромѣ того, при существовавшей тутъ же конторѣ, жили и разные заводскіе служащіе;—она пользовалась въ приходѣ большимъ почетомъ, держала себя весьма негордо—по входѣ въ церковь, помолившись, раскланивалась всегда, по прежнему обычаю, на обѣ стороны; въ Свѣтлое Воскресенье, по окончаніи ранней обѣдни, на паперти христосовалась съ нищими; у нея проживалъ временно братъ ея Харлампій Гавр. Жеребцовъ, проигравшій въ карты все состояніе; послѣ смерти ея вскорѣ все разрушилось.

Крайній въ приходѣ по Воронцовской улицѣ домъ (нынѣ Чуркиной) принадлежалъ Дмитрію Ефим. Власову; онъ былъ крупный украинскій торговецъ, имѣлъ большое семейство: 4

сыновей и, кажется, 8 дочерей; Власовы жили весьма весело; дѣти учились въ Петропавловскихъ училищахъ; самъ онъ былъ знатокомъ церковныхъ порядковъ и всегда пѣлъ на клиросѣ, хотя имѣлъ пренепріятный голосъ; дѣла его разстроились совершенно въ 1849 году; въ домѣ его проживалъ дядя его жены Дмитрій Дмитр. Свѣчниковъ (которому ранѣе принадлежалъ этотъ домъ), пѣвшій также старческимъ голосомъ на клиросѣ и даже читавшій апостолъ; онъ былъ строгимъ блюстителемъ церковнаго устава.

Рядомъ 2-й отъ угла домъ (нынѣ Волковой) былъ во владѣніи Григорья Вас. Бабашева, торговавшаго также въ Украйнѣ, жившаго чрезвычайно скромно и скопившаго такимъ путемъ хорошія по тому времени средства; онъ жилъ въ маленькомъ одноэтажномъ каменномъ домикѣ, который лишь предъ самой смертью расширилъ и надстроилъ; у наслѣдниковъ его дѣла пришли въ совершенный упадокъ.

По Введенскому переулку 2-й отъ угла домъ (нынѣ Прохоровой) принадлежалъ Гаевскимъ; это были какіе-то дворяне, появлявшіеся въ церкви только великимъ постомъ для говѣнія.

Далѣе 4-й домъ (нынѣ Елагиной) былъ во владѣніи Ероѳея Никиф. Малютина; дѣти его Павелъ и Александръ Ероѳ. принадлежали къ числу лицъ образованныхъ; онъ торговалъ красной бумажной пряжей и обладалъ весьма хорошими средствами.

Сосѣдняя съ нимъ земля (нынѣ 2 владѣнія—Набиркина и Вонзблейна) была незастроенной на Введенскій переулокъ, имѣвши лишь какія-то постройки въ глубинѣ двора; земля эта принадлежала, какъ значилось на воротахъ, «изъ дворянъ губернской секретаршѣ Соколовой» и носила названіе «соколиное гнѣздо»; тутъ жили разные жулики, которые, при дѣлавшихся иногда облавахъ, наводняли партіями, перескакивая черезъ заборы, прилегавшіе сосѣдніе сады; сама владѣлица жила въ другомъ принадлежавшемъ ей домѣ въ Полуярославскомъ переулкѣ; мужъ ея, Тихонъ Ив. Соколовъ, занимался сочиненіемъ прошеній; о немъ говорилось, что онъ живетъ подъ именемъ умершаго лица, такъ какъ онъ за какія-то дѣянія долженъ бы

былъ находиться въ странахъ болѣе отдаленныхъ; оба они, мужъ и жена, были въ весьма почтенномъ возрастѣ, ходили всегда, лѣтомъ и зимой, обвязанными и закутанными изъ опасенія простудиться.

2-й домъ на Дегтярномъ пер. (нынѣ Грибовыхъ) принадлежалъ Ивану Алекс. Воскресенскому; это былъ врачъ средней руки, практиковавшій преимущественно въ средѣ купечества.

Домъ, прилегающій по тому же переулку къ нашему владѣнію на Покровскомъ бульварѣ (нынѣ Василевой), состоялъ за отцомъ нынѣшней владѣлицы Макаромъ Иван. Ларіоновымъ, торговавшимъ ватой; это былъ невысокаго роста, скупой, плѣшивый старикъ, которому по направленію нисколько не соотвѣтствуетъ его наслѣдница, допустившая при своемъ домѣ устройство пристанища для людей, неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій, въ видѣ коечно-каморочныхъ помѣщеній.

Крестовниковы, которымъ принадлежалъ крайній изъ входящихъ въ составъ прихода домъ (нынѣ нашъ) были издавна, какъ выше сказано, весьма близкими къ нашему дому; близость отца моего проявлялась въ особенности къ пережившему другихъ братьевъ Александру Козмичу, выражавшись въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, поддерживавшихся безъ измѣненій въ теченіе всего времени ихъ жизни; Александръ Козм. отличался высшею добросовѣстностью; какъ я себя помню, отецъ мой отправлялся къ нему постоянно каждый праздникъ послѣ ранней обѣдни, съ нимъ вмѣстѣ бывалъ въ городѣ и тѣмъ же порядкомъ возвращался къ полудню назадъ; смерть его, явившаяся неожиданно, произвела не только на отца, но и на всѣхъ насъ крайне тяжелое впечатлѣніе, равносильное потерѣ самаго близкаго родственника.

Остальные находящіеся въ нашемъ приходѣ дома принадлежали въ то время слѣдующимъ лицамъ:

1) Крайній на Садовой къ Сыромятнической ул. (нынѣ с.-пб. страховаго общества)—купцу Купферу.

2) Первый за Сыромятничаскимъ пер. угольный домъ (нынѣ Конькова)—чиновницѣ Михайловой, а слѣдующій за нимъ (те-

перь соединенный съ угольнымъ въ одно владѣніе)—Кащеевой, мужъ которой былъ гдѣ-то квартальнымъ надзирателемъ.

3) Слѣдующее владѣніе по Сыромятническому пер. (нынѣ Хуторева)—мѣщанкѣ Масленниковой.

4) Дальнѣйшій затѣмъ домъ (нынѣ Молчановой)—купчихѣ Григорьевой.

5) Крайній въ приходѣ на противоположной сторонѣ Садовой ул. (нынѣ евангелическо-лютеранской школы для бѣдныхъ и сиротъ)—полк. Обухову.

6) Сосѣдній съ нимъ (нынѣ Минина)—купчихѣ Блохиной.

7) Угольный домъ на Воронцовской ул. и Введенскомъ пер., между Бабашевымъ и Гаевскими (нынѣ Мыслина)—мѣщанкѣ Масловой.

8) Находящійся напротивъ его на другомъ углу (нынѣ Рахманова)—поч. гр. А. Ф. Рахмановой, пользовавшейся особымъ почетомъ у рогожскихъ старообрядцевъ и называвшейся ими «адамантъ благочестія».

9) Сосѣдній съ ними домъ (нынѣ Орловыхъ)—купчихѣ Китаевой, а затѣмъ дворянину Книриму.

10) Слѣдующій за нимъ (нынѣ Морозовыхъ)—безпоповцу Елисею Савв. Морозову.

11) Находившійся между Гаевскими и Малютинымъ домъ (нынѣ Бухгейма)—купцу Михайлову.

12) Угольный на Введенскомъ и Дегтярномъ переулкахъ домъ (нынѣ Сырейщикова)—поч. гр. Ленгольду.

13) На Дегтярномъ пер. дома (нынѣ наслѣдниковъ Ясиной и Гальмана)—разнымъ владѣльцамъ, перемѣнявшимся весьма часто.

14) Угольный на Садовой ул. и Грузинскомъ пер. (нынѣ отдѣльныхъ 3 владѣльцевъ—Красавиной, Погребова и Емельяновыхъ)—мѣщанкѣ Щегловой.

15) Находившійся позади владѣнія Филимонова на Полуярославскомъ пер. домъ (нынѣ Мухина)—мѣщанкѣ Ивановой, мужъ который имѣлъ тутъ лаковое заведеніе, распространявшее смрадъ отъ варки масла.

Перечисляя прихожанъ, нельзя не упомянуть о поч. гражд. Михайлѣ Ив. Косовѣ, хотя и несостоявшемъ домовладѣльцемъ, но прожившемъ въ приходѣ на одномъ мѣстѣ, до самой смерти, въ теченіе 40 лѣтъ; онъ велъ ранѣе крупную торговлю игольнымъ товаромъ, отчего пріобрѣлъ хорошія средства; я помню его въ преклонномъ возрастѣ, когда онъ уже никакихъ торговыхъ дѣлъ не имѣлъ; онъ былъ невысокаго роста, гладко бритый, волосы на головѣ оставались у него въ видѣ самаго узкаго бордюра; верхній костюмъ употреблялъ онъ своеобразный, носивши безсмѣнно старомодную синюю шинель съ капюшонами въ нѣсколько рядовъ; разсказывалось, что въ молодости онъ постоянно посѣщалъ театръ, когда играла извѣстная въ то время актриса Воробьева, въ которую онъ былъ влюбленъ (хотя она его вовсе не знала), и, сидя въ райкѣ, плакалъ отъ умиленія; онъ остался всю жизнь холостымъ, жилъ вдвоемъ съ экономкой, занимавши весь верхній этажъ въ домѣ священника; жильцомъ представлялся онъ нетолько нетребовательнымъ, но даже недопускавшимъ во все время найма какихъ-либо исправленій, а еще менѣе передѣлокъ; занимавшееся имъ помѣщеніе онъ предпочиталъ другимъ въ особенности потому, что изъ него былъ видимъ Симоновъ монастырь, на который онъ ежедневно, влѣзавши на столъ, молился; послѣ его смерти остался хорошій капиталъ, изъ котораго, сколько помнится, 30 тыс. руб. сер. поступили въ пользу церкви.

Самый церковный причтъ въ нашемъ приходѣ былъ тогда въ слѣдующемъ составѣ:

Настоятелемъ былъ съ 1834 года священникъ Тимоѳей Ив. Постниковъ; онъ былъ человѣкъ добрый, немудрствовавшій лукаво, старавшійся поддерживать со всѣми миръ и согласіе, пользовавшійся любовью и уваженіемъ со стороны прихожанъ; пробылъ онъ до смерти, послѣдовавшей въ 1854 году, оставивъ добрую память въ средѣ духовныхъ дѣтей, которыми были тогда почти всѣ прихожане.

Дьякономъ былъ поступившій еще въ 1792 году Ѳедоръ Петр. Орловъ; я помню его весьма древнимъ; голосъ онъ имѣлъ

старческій; по отсутствію зубовъ чтеніе его было крайне невнятно, въ особенности относительно ектеній, и притомъ болѣе пространныхъ, изъ которыхъ удобопонятными являлись лишь начала и окончанія; онъ оставилъ службу въ 1846 году, имѣвши около 80 лѣтъ отъ рода, и былъ замѣненъ Иваномъ Өедор. Селезневскимъ—молодымъ человѣкомъ, имѣвшимъ слабый голосъ и умершимъ скоро отъ чахотки; на мѣсто послѣдняго поступилъ тогда Иванъ Петр. Сокольскій, обладавшій весьма хорошимъ баритономъ (онъ оставался до смерти, послѣдовавшей въ концѣ 1870-хъ годовъ).

Дьячкомъ былъ вошедшій въ составъ причта въ 1797 году, первоначально въ качествѣ пономаря, Өедоръ Михайл. Птицынъ, бывшій, какъ я его помню, въ преклонномъ возрастѣ; онъ имѣлъ дрожащій грубый голосъ (басъ) и оставался до конца 1840-хъ годовъ; послѣ смерти мѣсто его перешло къ подысканому въ мужья для престарѣлой дочери его, который въ срединѣ 1850-хъ годовъ былъ устраненъ отъ должности.

Пономарское мѣсто занималъ съ 1823 года женатый на дочери того же Птицына—Григорій Аөанас. Малининъ; это былъ типъ стараго причетника—высокаго роста, весьма плотный, имѣвшій смѣлый видъ, густыя бакенбарды, окамлявшія довольно толстое лицо, и повязанную всегда бѣлымъ платкомъ шею; онъ обладалъ весьма хорошимъ голосомъ (теноромъ) и соблюдалъ должный порядокъ въ службѣ, знавши церковный уставъ надлежащимъ образомъ; помню, какъ, при окончаніи ранней литургіи въ 1-й день Пасхи, онъ, съ поднятыми на лобъ очками, вооруженный ножомъ, въ сопровожденіи мальчишки съ крошней, отправлялся въ холодную церковь на раздѣлъ принесенныхъ для освященія пасхъ, куличей и яицъ; начиналъ онъ съ края—заносился ножъ чуть не на половину кулича или пасхи, но сзади протягивалась рука съ откупнымъ воздаяніемъ, принявши которое онъ проходилъ по очереди далѣе; тамъ же, гдѣ откупа не давалось, онъ отхватывалъ крупную часть, отдѣлялъ яицъ и все это сваливалось въ крошню; теперь это отошло уже здѣсь въ область преданій.

Наконецъ принадлежность причта составлялъ такъ называемый трапезникъ, которымъ былъ (съ 1833 года) всегда улыбавшійся низенькій старичокъ Тимоѳей Владиміровъ, очень искусно звонившій на колокольнѣ и, вслѣдствіе того что онъ ранѣе, какъ говорили, занимался серебрянымъ мастерствомъ, имѣвшій трясущуюся голову.

Продолжительность состоянія на одномъ мѣстѣ и въ одной должности была присуща въ прежнее время не только лицамъ, составлявшимъ церковный причть, для которыхъ занятіе мѣста имѣло до нѣкоторой степени наслѣдственный характеръ, но до конца 1840-хъ годовъ она встрѣчала большое примѣненіе и къ службѣ въ мѣстной полиціи; ближайшіе къ населенію полицейскіе чины, начиная съ квартальныхъ надзирателей и кончая будочниками, оставались несмѣняемыми,—исключая случаевъ личнаго стремленія кь переходу, что̀ встрѣчалось однако рѣдко, или какихъ-либо казусныхъ обстоятельствъ,—въ теченіе долгаго времени на одномъ мѣстѣ и такимъ путемъ пріобрѣтали осѣдлость, дѣлаясь для мѣстности непремѣнною принадлежностью. Такимъ былъ и у насъ квартальный надзиратель тит. сов. Егоръ Филип. Долговъ, который заслуживаетъ воспоминанія; это былъ по внѣшнему виду гоголевскій городничій (какимъ послѣдній изображается), но лишь иного свойства по его дѣйствіямъ; онъ былъ человѣкъ непритязательный, близкій къ жизни мѣстныхъ обывателей, оберегавшій ихъ при всякихъ встрѣчавшихся случайностяхъ и потому пользовавшійся общимъ съ ихъ стороны расположеніемъ; онъ имѣлъ въ Сыромятникахъ (въ Сусальномъ пер.) небольшой домикъ, въ которомъ и жилъ (владѣніе это перешло впослѣдствіи къ дочерямъ его Голицынской и Картамышевой); самые будочники проживали въ существовавшихъ для нихъ помѣщеніяхъ (будкахъ), вмѣстѣ съ семьями, безсмѣнно въ теченіе ряда лѣтъ, занимаясь въ свободное время сподручными мастерствами, въ особенности же теркой встрѣчавшаго тогда большое потребленіе нюхательнаго табаку, которымъ они снабжали невзыскательныхъ мѣстныхъ обывателей.

О будочникахъ вообще и о результатахъ ихъ дѣятельности можно здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ (для этого не найдется другаго мѣста): они носили тогда одѣяніе изъ сѣраго солдатскаго сукна и, стоявши у будокъ на караулѣ, имѣли въ рукахъ алебарды — оружіе подобное тому, съ какимъ изображаются валеты на игральныхъ картахъ; оружіе это было уничтожено послѣ коронаціи 1856 года вслѣдствіе, какъ тогда говорилось, юмористическаго отзыва о немъ со стороны кого-то изъ бывшихъ при коронаціи иностранныхъ представителей; въ ночное время будочники (если только они не дремали, что̀ бывало далеко не всегда) окликали проѣзжающихъ словами «кто идетъ?» и мирные граждане давали отвѣтъ «обыватель», а военные — «солдатъ»; за обшлагомъ самаго одѣянія они имѣли всегда при себѣ толстую бичевку и мѣлъ; производившимъ буйства или какіе-либо безпорядки этой бичевкой связывались сзади за локти руки, а на спинѣ изображался мѣломъ кругъ съ крестомъ и такимъ образомъ связанные, такъ же какъ и подбиравшіеся на улицахъ пьяные, отправлялись въ полицію (отводились, говоря современнымъ языкомъ, «въ кварталъ»), а оттуда препровождались въ такъ называвшуюся «сибирку» въ мѣстномъ полицейскомъ частномъ домѣ или, какъ также выражалось, «на съѣзжемъ дворѣ»; на слѣдующій день такіе арестованные въ награду за ихъ дѣянія или были назначаемы на какія либо внутреннія при частномъ домѣ работы, какъ катать бѣлье у частнаго пристава, набивать погреба льдомъ и т. п., или были выгоняемы съ кругами на спинѣ на чистку городскихъ площадей, послѣ чего имъ давался отпускъ — коротко было и просто; — бывало въ праздники, на противоположномъ отъ насъ берегу Яузы, устраивались стѣнки (т.-е. кулачные бои), участвовавшій въ которыхъ народъ разсыпался въ разныя стороны при появленіи еще издали полиціи; переполохъ происходилъ въ особенности, когда при этомъ оказывалось присутствіе самого квартальнаго; но тогда полиція держалась вообще строго политики невмѣшательства въ территоріальномъ отношеніи и, если на противоположной сторонѣ улицы, принадлежавшей къ другому кварталу,

учинялись какіе либо безпорядки, хотя бы угрожавшіе опасностью, будочникъ оставался спокойнымъ зрителемъ происходившаго передъ его глазами.

Завершаю первую часть воспоминаній моихъ краткими свѣдѣніями о бытѣ нашемъ во время моего дѣтства, юношества и вообще первой молодости, а также о нѣкоторыхъ современныхъ тому происшествіяхъ.

Раннѣйшее изъ сохраняемаго мною въ памяти относится ко времени, предшествующему 1840 году, ибо я помню время, когда у насъ арендовалъ фабричное строеніе Корнѣевъ (это было до апрѣля 1839 г.); помню, какъ старшіе братъ и сестра обучались еще дома, а братъ поступилъ въ училище 9 августа 1839 г., и какъ въ 1-й день поступленія его, вмѣстѣ съ посылкой ему обѣда, я отправлялся къ нему въ училище (былъ несенъ рабочимъ на рукахъ); помню приказчика нашего К. А. Сумина и его жену, выбывшихъ 21 іюня 1839 г.; помню рожденіе брата Александра 20 октября 1839 г.; помню наконецъ нянькy мою Аксинью Ив. и смерть ея, послѣдовавшую 8 декабря 1839 г.; такимъ образомъ я могу утвердительно сказать, что мною сохранено въ памяти кое что встрѣченное на 5-мъ году моей жизни.

Начну съ того, что былъ я нрава задорнаго, отличался рѣзвостью, чему содѣйствовало то, что меня особенно баловали, хотя я повторю опять, что родители относились ко всѣмъ намъ съ одинаковой любовью. Старшіе сестра и братъ учились первоначально дома у нѣкоего Ивана Вас. Колышкина; какими знаніями обладалъ онъ, не вѣдаю, но занимался онъ съ ними также и первоначальнымъ ознакомленіемъ ихъ съ французскимъ языкомъ; помню, что онъ писалъ и рисовалъ весьма хорошо; онъ состоялъ послѣ преподавателемъ въ уѣздномъ училищѣ въ городѣ Богородскѣ; затѣмъ сестра была отдана въ находившійся недалеко отъ насъ (противъ дома наслѣдницъ Хлудова) пансіонъ Изабеллы Ив. Бельфельдъ; по перенесеніи же послѣдняго въ другое мѣсто была переведена она въ Петропавловское женское училище, а братъ поступилъ въ такое

же мужское;—я же никакихъ постороннихъ учителей не имѣлъ; обучала меня первоначально мать, такъ что на 4-мъ году отъ рода я читалъ свободно по русски; послѣ того я былъ подготовленъ далѣе, въ томъ числѣ обучаемъ и иностраннымъ языкамъ, при содѣйствіи сестры и брата, что̀ продолжалось до поступленія моего въ то же училище 15 апрѣля 1844 г.

Въ раннемъ возрастѣ былъ я однажды боленъ, по тогдашнему опредѣленію, горячкой; продолжалась болѣзнь весьма долго; помню хорошо, какъ, когда меня нашли возможнымъ спустить съ кровати, я не могъ стоять на ногахъ. Лѣчилъ меня занимавшій долгое время должность частнаго врача (въ басманной части) Густавъ Ив. Гофманъ, который пользовалъ у насъ въ домѣ при всякихъ встрѣчавшихся потребностяхъ; онъ имѣлъ свой домъ въ Токмаковомъ переулкѣ, передъ смертью принялъ православіе, вслѣдствіе принадлежности къ православному вѣроисповѣданію его жены, и названъ Сергіемъ; погребенъ онъ вмѣстѣ съ женой и дочерью въ Покровскомъ монастырѣ. Потомъ въ 1841 году со мной случилось слѣдующее происшествіе: у насъ въ прежнее время всегда имѣлись козелъ и козы; козленятъ, бывало, употребляли мы въ пищу, равно какъ пили и козье молоко; однажды (это было лѣтомъ) я, бывши на дворѣ и побѣжавши отъ козла, упалъ на камень и переломилъ въ правой рукѣ, вблизи кисти, двѣ кости; боль была ужасная; былъ приглашенъ костоправъ Василій Александр. Нечаевъ (жившій въ Воробинскомъ переулкѣ, близъ серебряническихъ бань, въ своемъ домѣ); рука была завязана въ лубки и ежедневно, первоначально у насъ дома, а затѣмъ въ его квартирѣ, была перевязываема, съ растираніемъ бобковой мазью; это продолжалось 40 дней, при чемъ въ теченіе половины времени руку приходилось держать на подвязкѣ; теперь могутъ удивляться существованію такого пріема лѣченія, а тогда другаго не было; самаго названія „костоправъ" теперь давно уже не встрѣчается; съ Нечаевымъ нашей семьѣ пришлось имѣть дѣло еще въ другой разъ—нѣсколько позднѣе, когда мой младшій братъ Владиміръ, бывши лѣтъ трехъ, упалъ со стула и переломилъ ключицу; тогда дѣй-

ствія Нечаева были неудачны и пришлось прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ—обратиться къ помощи Ѳедора Ив. Черепахина.

Жили мы всегда чрезвычайно скромно, избѣгая всякихъ излишнихъ расходовъ; постороннихъ лицъ у насъ не бывало никогда; собирались лишь обѣдать за-просто нѣкоторыя невзыскательныя родственницы въ дни именинъ отца и матери (30 августа и 6 февраля), въ Ильинъ день и во вторые дни Пасхи и Рождества Христова; наканунѣ именинъ матери всегда бывала у насъ дома всенощная; точно такъ же и родители наши ѣздили куда либо весьма рѣдко—если это бывало, то преимущественно при встрѣчавшихся экстренныхъ обстоятельствахъ; на масляницѣ возили насъ обыкновенно 2 раза въ театръ, бо̀льшею частью въ денные спектакли, что̀ повторялось и на святкахъ, но болѣе трехъ разъ въ годъ это не допускалось; несмотря на то, я имѣлъ случай видѣть многое пользовавшееся тогда извѣстностью—игру Мочалова, Щепкина, Бантышева и даже пріѣзжавшаго однажды въ Москву Каратыгина; мы имѣли всегда, на моей памяти, своихъ 2, а иногда 3, лошадей, которыя употреблялись какъ для ѣзды, такъ и для развозки товара; ранѣе при жизни дяди, какъ приходилось слышать, ихъ бывало и болѣе, такъ какъ онъ ѣзжалъ парой на пристяжку; изъ экипажей у насъ была также коляска и парныя сани съ запятками, и вотъ лѣтомъ отправлялись мы, бывало, нѣсколько (хотя очень не много) разъ въ Сокольники, въ томъ числѣ на майское гулянье (тогда парка тамъ еще не было) и въ Петровскій паркъ (въ которомъ тогда былъ театръ, слывшій подъ названіемъ «вокзалъ»); кромѣ того ѣздили кататься на святкахъ, на масляницѣ и Пасхѣ подъ Новинское, а зимой иногда въ воскресные дни—на набережную Москвы-рѣки; бывали мы иногда, что̀ случалось не каждый годъ, въ Останкинѣ, Кузьминкахъ и Кусковѣ, а также въ Дворцовомъ и Нескучномъ садахъ; у насъ былъ кучеръ Никифоръ Аѳанасьевъ, ѣздившій съ нами и возившій также товаръ; онъ жилъ у насъ съ 1825 года (ушелъ совсѣмъ въ 1864 году); его знали всѣ, съ кѣмъ мы имѣли дѣло; помню какъ сейчасъ, что когда онъ, сидя на козлахъ коляски, выѣзжалъ изъ сарая, то

нагибался (настолько высоко было сидѣнье); то же дѣлалось имъ и при проѣздѣ въ ворота, у которыхъ сверху была тогда перекладина; при выѣздѣ на парныхъ саняхъ, если въ нихъ помѣщалась моя мать съ старшей сестрой, на запяткахъ становился иногда старшій братъ мой; на мою долю доставалось это очень немного разъ; бывало также—пускались мы вечеромъ зимой проѣхаться по болѣе оживленнымъ улицамъ, какъ Кузнецкій мостъ, Тверская и т. п., гдѣ встрѣчалось бо́льшее освѣщеніе разныхъ магазиновъ; можно себѣ представить, какое это было освѣщеніе въ сравненіи въ нынѣшнимъ, но и это было тогда интереснымъ; для этого запрягалась лошадь въ пошевни (большія лубочныя сани, въ которыхъ возили товаръ) и въ нихъ засаживались мы всей нашей семьей; лѣтомъ дѣлали мы, старшій братъ и я, вмѣстѣ съ отцомъ экскурсіи пѣшкомъ въ разныя мѣстности Москвы, нерѣдко довольно отдаленныя; такъ, напр., ходили смотрѣть, какъ закладывался фундаментъ для Храма Спасителя и были возимы для того камни съ пѣніемъ оставшейся у меня въ памяти пѣсни: «какъ былъ у бабушки сѣрый козелъ... былъ да ушелъ, ушелъ, ушелъ»; доходили иногда до Сокольниковъ, до Дворцоваго сада и т. д.; при такихъ путешествіяхъ отецъ разсказывалъ о бывшемъ ранѣе въ томъ или другомъ мѣстѣ; такъ помню я, что когда приходилось проходить по дорогѣ мимо мѣста нахожденія теперь вокзала Николаевской желѣзной дороги, то по направленію къ Крестовской заставѣ шло поле и только вдали была видна церковь Знаменія Божіей Матери; отецъ говорилъ, что на его памяти тутъ былъ полевой дворъ и производилась стрѣльба изъ мортиръ, для чего въ дальнемъ концѣ около камеръ-коллежскаго вала ставился, какъ мишень, боченокъ на шестѣ; многое сообщалось имъ и относительно другихъ мѣстностей;—затѣмъ имѣлась у насъ повозка (она была куплена дядей моимъ для путешествія въ Кіевъ), которая, кажется, цѣла и теперь, употреблялась она для ежегодныхъ поѣздокъ въ Троице-Сергіеву лавру, а также иногда и въ какія нибудь загородныя мѣстности (въ послѣдній разъ въ ней ѣздили мы въ 1850 году въ Царицыно, гдѣ ранѣе быть не при-

ходилось); тогда она запрягалась тройкой, а при неимѣніи 3 лошадей—парой, на пристяжку; такія путешествія,—не считая одного, въ которомъ я участвовалъ, когда мы ходили пѣшкомъ, а повозка сопровождала насъ,—совершались такимъ образомъ: выправивши на поѣздку изъ мѣстнаго квартала разрѣшительное свидѣтельство, выѣзжали мы часа въ 3 утра, у заставы будили находившагося въ кордегардіи чина, которому предъявлялось то свидѣтельство, давался двугривенный на чай и, по полученіи дозволенія, поднимался шлагбаумъ; въ Большихъ Мытищахъ останавливались пить чай, а на полпути въ Братовщинѣ (а иногда далѣе въ Талицахъ)—кормить лошадей; такъ какъ всегда считалось обязательнымъ заѣзжать въ Хотьковъ монастырь, то съ Рахманова дѣлался поворотъ на проселочную дорогу, которая, послѣ дождливой погоды, бывала весьма дурна; лужи, вслѣдствіе глинистой почвы, оставались подолгу; разсказывалось тогда, что тутъ нарочно поддерживалась дурная дорога и что этимъ пользовались крестьяне сосѣдняго помѣщика Калантарова, занимавшіеся вытаскиваніемъ за хорошую плату застрявшихъ экипажей; на сколько это вѣрно—сказать трудно; въ Хотьковѣ служили панихиду по родителямъ преподобнаго Сергія, заходили потомъ къ кельѣ схимницы Марѳы Герасимовны, занимавшейся плетеніемъ кружевъ на коклюшкахъ; говорили, что она не для всѣхъ открывала оконную форточку, такъ что нѣкоторые не могли добиться объясненія съ ней, и что если она кому либо давала кружевъ, то это было предзнаменованіемъ смерти; поэтому я боялся подходить къ ней близко, хотя видѣлъ ее издали; затѣмъ направлялись въ лавру, куда прибывали часовъ въ 6 вечера; на слѣдующій день, по отслушаніи ранней, а иногда и поздней, литургіи и молебна преподобному Сергію, пускались въ обратный путь, но уже по прямому ярославскому тракту, на коемъ возлѣ часовни, находящейся въ 9 верстахъ отъ лавры, ѣли иногда блины, которые тамъ пеклись, потомъ ѣхали до Пушкина, гдѣ давали нѣкоторый отдыхъ лошадямъ, и уже поздно возвращались въ Москву.

Удивительнымъ можетъ теперь показаться, что на выѣздъ

въ Троицкую лавру требовалось разрѣшеніе полиціи; но подобное встрѣчалось и въ другихъ случаяхъ—по открытіи Николаевской желѣзной дороги для полученія билета, въ теченіе долгаго времени, требовалось предъявленіе паспорта, на который даже былъ налагаемъ штемпель для избѣжанія выдачи одному лицу нѣсколькихъ билетовъ.

Съ родителями мы жили, какъ я уже говорилъ выше, душа въ душу; у насъ не было чего-либо секретнаго отъ нихъ; мы дѣлили съ ними и радости и всякія невзгоды, а послѣднихъ встрѣчалось болѣе, нежели первыхъ; мы звали ихъ «папенька» и «маменька» и говорили имъ «вы» (отецъ мой, отзываясь о своихъ родителяхъ, называлъ ихъ «батюшка» и «матушка», брата—«большой», а сестру—«масёръ»; мать же своихъ родителей звала одинаково съ нами); во взаимныхъ же отношеніяхъ между собою мы, братья и сестры, говорили младшіе старшимъ—«вы», а старшіе младшимъ—«ты», что́ сохранилось и до сихъ поръ; при этомъ старшая сестра, видимо ради особаго почета, называлась всѣми «сестрица», а остальные—уменьшительными именами.

О состояніи моемъ въ училищѣ мною изложено довольно подробно въ моихъ «воспоминаніяхъ»; прибавлю лишь, что я принадлежалъ тамъ къ числу самыхъ смирныхъ учениковъ и не подвергался никогда никакимъ наказаніямъ.

Старшій братъ мой, по выходѣ изъ училища (онъ оставался въ высшемъ классѣ не одинъ годъ въ видахъ бо́льшаго пріобрѣтенія знаній, при встрѣчавшейся разнообразности преподаванія въ одномъ году въ сравненіи съ другимъ), съ осени 1846 года принялся за занятія, вмѣстѣ съ отцомъ, въ красильнѣ, продолжавшіяся до Пасхи 1849 года, когда явилось обстоятельство, измѣнившее такое положеніе. Этотъ промежутокъ времени оставилъ въ памяти тяжелыя, какъ лично къ намъ относившіяся, такъ и общія, воспоминанія. Въ концѣ 1847 года заболѣлъ мой отецъ; болѣзнь, признававшаяся тогда горячкой, возобновлялась у него,—послѣ нѣкотораго поправленія и даже выхода наружу,—два раза и въ послѣдній изъ нихъ она выразилась въ самомъ

тяжеломъ видѣ, такъ что терялась всякая надежда на выздоровленіе; всѣ мы были въ страшномъ уныніи; мать, горячо любившая отца и потому пораженная ужасно такимъ его состояніемъ, не отходила отъ него ни днемъ, ни ночью, не смыкая почти глазъ (насъ было шестеро и старшему брату не было еще 17 лѣтъ, а мать была къ тому же беременной; самая работа въ красильнѣ, въ виду слуховъ о тяжелой болѣзни отца и малолѣтства дѣтей, стала пріостанавливаться); болѣзнь же отца до полнаго поправленія продолжалась болѣе $1^1/_2$ мѣсяца. При такомъ положеніи обстоятельствъ былъ одинъ изъ неразъяснимыхъ въ обыкновенномъ порядкѣ случаевъ, своевременно замѣченный и заслуживающій занесенія въ настоящія воспоминанія. Когда однажды мать моя, бывши въ самомъ удрученномъ состояніи и долго молившись, вышла въ сосѣднюю комнату и, сѣвши на кресло, задремала, то ей представилось, что къ ней подошелъ какой-то старый человѣкъ и сказалъ ей такъ (что́ она ясно помнила): «не плачь, онъ (т.-е. отецъ) не умретъ, ты проживешь съ нимъ 2.000 дней»; но количество точно она припомнить не могла; помнила лишь, что говорилось о 2 тысячахъ; она тотчасъ же очнулась; объ этомъ она передала тогда же намъ и мною это было записано въ памятную книжку (находящуюся у меня въ цѣлости), а было это ночью съ 7-го на 8-е января 1848 года;—со страхомъ ждалъ я приближенія 2.000-го дня, который наступалъ съ 29-го на 30-е іюня 1853 года, когда въ Москвѣ была холера, хотя и не въ сильной степени; но этотъ день миновалъ и все это нѣкоторымъ образомъ забылось; между тѣмъ что же обнаружилось, когда скончалась моя мать (въ ночь съ 11-го на 12-е ноября 1854 года)—тогда пришлось увидать, что смерть ея послѣдовала ровно черезъ 2.500 дней послѣ того, какъ она видѣла приведенный выше сонъ; она помнила тогда и передала буквально слышанное ею, что она проживетъ съ отцомъ; помнила что рѣчь шла о двухъ (а не сколькихъ иныхъ) тысячахъ, но не могла припомнить этого болѣе подробно, и вотъ явилось круглое число дней ея жизни послѣ того времени; можно поэтому сказать только то, что́ существуетъ многое

неразрѣшимое умомъ человѣческимъ, что́ приписывается часто случайности, тогда какъ въ такихъ проявленiяхъ кроется нѣчто иное намъ невѣдомое.

Страшнымъ, но уже не для насъ однихъ, а для всѣхъ, былъ затѣмъ 1848 годъ; еще наканунѣ его—въ концѣ лѣта 1847 года пошли слухи о появленiи въ нижнихъ приволжскихъ губернiяхъ идущей изъ Персiи холеры; люди, пережившiе время свирѣпствованiя ея въ 1830 году, не безъ страха относились къ получавшимся извѣстiямъ и разсказывали объ ужасахъ существовавшаго положенiя, когда заболѣвшихъ забирали насильно изъ квартиръ и увозили въ холерныя больницы, а умершихъ заливали известью и хоронили въ закрытыхъ гробахъ; осенью она не замедлила показаться и въ Москвѣ; стали приниматься различныя мѣры предосторожности и хотя она начала проявляться, при томъ въ значительной части случаевъ съ смертельными исходами, тѣмъ не менѣе, съ наступившими морозами, она стихла совершенно и думалось, что все уже кончено. Между тѣмъ въ концѣ весны она нежданно появилась, разразившись уже съ страшной силой; смертельные исходы заболѣванiй, при чрезвычайной краткости теченiя болѣзни, стали оказываться преобладающимъ явленiемъ; борьба была безсильной; паника сдѣлалась общей; несмотря на тогдашнюю несравненно меньшую противъ нынѣшней густоту населенiя, послѣдствiя болѣзни обнаруживались на каждомъ шагу; выходя со двора не возможно было обойтись, чтобы не встрѣтить нѣсколькихъ покойниковъ; по пути и тамъ и сямъ видны были въ домахъ слѣды смерти; ежедневно получались свѣдѣнiя о смерти кого-либо изъ родственниковъ, сосѣдей, знакомыхъ или вообще извѣстныхъ лицъ; во всѣхъ церквахъ были совершаемы молебствiя, для которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ жители нѣсколькихъ приходовъ соединялись вмѣстѣ, послѣ чего съ иконами были обходимы всѣ дворы; это происходило, какъ я думаю, въ самомъ концѣ мая или первыхъ числахъ iюня, такъ какъ помню, что это было передъ окончанiемъ ученья, а для меня это былъ въ училищѣ послѣднiй годъ; только на помощь Божiю была надежда при существовавшемъ отчаянномъ положенiи и

вотъ, какъ помню, въ іюлѣ массы молящихся стали стекаться въ церковь Николая чуд. въ Хамовникахъ на поклоненіе прославленной тогда чудотвореніями иконѣ Божіей Матери «Споручницы грѣшнымъ»; только въ августѣ болѣзнь начала стихать и осенью прекратилась совершенно.

Вышедши въ 1848 году изъ училища, я занялся дальнѣйшимъ изученіемъ англійскаго языка у преподавателя Штейнгауза, съ которымъ у меня велся взаимный расчетъ, заключавшійся въ томъ, что плату за каждый данный мнѣ часовой урокъ въ 2 р. 50 коп. асс. я покрывалъ отчасти, переводя для него на русскій языкъ, за ту же плату съ писаннаго имъ листа, составленныя имъ на нѣмецкомъ купеческую ариѳметику и бухгалтерію и переписывая переведенное на бѣло по $52^1/_2$ коп. асс. (15 коп. сер.) за листъ; занятія эти англійскимъ языкомъ продолжались и въ слѣдующемъ 1849 году; кромѣ того я продолжалъ по возможности изученіе и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, невходившихъ въ курсъ преподаванія въ училищѣ.

Такъ какъ я окончилъ курсъ въ училищѣ хорошимъ ученикомъ и былъ достаточно освоенъ съ иностранными языками, въ особенности съ нѣмецкимъ, то существовавшая относительно дальнѣйшаго направленія моего мысль заключалась въ помѣщеніи меня въ какую-либо, конечно хорошую, иностранную контору; мысль эта поддерживалась и Штейнгаузомъ, обѣщавшимъ похлопотать объ устройствѣ меня въ конторѣ извѣстнаго тогда дома «Ценкеръ и Колли»; но такая попытка не имѣла успѣха; изъ родственниковъ нашихъ, имѣвшихъ сношенія съ здѣшними иностранными домами и выразившихъ желаніе оказать содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, П. И. Сорокоумовскій обращался къ преемникамъ Глогау—Іордану и Кинену; но результатъ былъ отрицательный—мѣстъ нѣтъ; В. А. Ганешинъ объяснялся по этому предмету съ довѣреннымъ Алберта Гр. Марка—Мих. Як. Яковлевымъ (пасынкомъ упоминаемой мною выше Е. А. Яковлевой), но отвѣтъ былъ такой, что онъ представляется при дѣлахъ Марка единственнымъ русскимъ (къ

тому же только при торговлѣ) и что нѣтъ примѣровъ, чтобы русскіе были принимаемы въ контору; далѣе Штейнгаузъ передавалъ мнѣ, что слѣдовало бы узнать у Вогау, у котораго, по имѣющимся свѣдѣніямъ, можно получить мѣсто; между тѣмъ по справкамъ оказалось, что это дѣло почти вовсе неизвѣстное, а потому поступленіе туда не могло быть интереснымъ; наконецъ онъ указалъ на возможность поступить въ маклерскую контору Юлія Ѳедор. Шульца, гдѣ, по его мнѣнію, представлялось средство познакомиться съ разными лицами; но такое предложеніе было совершенно несоотвѣтственнымъ цѣли; какія же обязанности предстояло исполнять въ такой конторѣ—разносить повѣстки, что̀ нынѣ дѣлаютъ разсыльные, или, что̀ хуже того, отворять и затворять двери для приходящихъ въ контору?—Шульцъ былъ маклеромъ государственнаго банка и нотаріусомъ;—тутъ затрогивалось уже самолюбіе, а время между тѣмъ проходило и существовавшее самомнѣніе подрывалось и падало.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшаго, совершившаго переворотъ въ моемъ положеніи, приходится невольно взглянуть на перемѣну, произшедшую въ томъ, что̀ тогда представлялось идеальнымъ и что̀ признавалось малозначительнымъ; гдѣ тѣ дома, которые считались въ сказанномъ отношеніи первенствующими? Маркъ погибъ, Ценкеръ стушевался, Іорданъ и Киненъ уѣхали за границу; остался Колли, но вовсе не въ видѣ иностранной конторы; что же на оборотъ стало изъ неизвѣстнаго почти тогда дома Вогау?— о Кнопѣ въ то время еще совсѣмъ не было и помина; онъ былъ приказчикомъ—вотъ полувѣковой результатъ.

А обстоятельство, измѣнившее весь строй, было таково: послѣ Пасхи 1849 года заболѣлъ состоявшій при амбарѣ Ганешиныхъ приказчикъ Андрей Тим. Грищенко (надобно замѣтить, что, не смотря на значительность ихъ дѣла, у нихъ при торговлѣ былъ только одинъ приказчикъ и 2 артельщика—на столько экономно велось въ то время дѣло); вслѣдствіе этого В. А. Ганешинъ обратился къ моему отцу съ просьбой отпустить моего старшаго брата на время болѣзни Грищенко для исполне-

нія его обязанностей;—интересовавшись воспользоваться случаемъ къ ознакомленію съ веденіемъ дѣлъ, принадлежавшихъ къ другой совершенно области противъ тѣхъ, которыми занимались мы,—въ виду того что красильное дѣло, какъ мною было сказано выше, стало тогда значительно падать,—на отпускъ брата было изъявлено согласіе и онъ 20 апрѣля приступилъ къ сказаннымъ временнымъ занятіямъ, вслѣдствіе чего мнѣ, продолжавшему еще нѣкоторымъ образомъ учиться, пришлось въ то же время заняться временно вмѣсто брата своимъ дѣломъ;—но.... Грищенко, проболѣвъ мѣсяца 2 или 3, умеръ и братъ мой остался у Ганешиныхъ; 15 января 1850 г. онъ перебрался на жительство въ ихъ домъ на Дѣвичьемъ полѣ (помню, съ какой грустью проводилъ я его, не разставаясь ранѣе никогда); съ Пасхи того года, вслѣдствіе перевода бухгалтера ихъ главной конторы С. И. Макарова на такую же должность въ контору, состоявшую при фабрикѣ, на брата, сверхъ занятій въ городскомъ амбарѣ, было возложено и веденіе главныхъ торговыхъ книгъ (иначе говоря—исполненіе обязанностей главнаго бухгалтера, хотя помощниковъ въ конторѣ, какъ и въ амбарѣ, никакихъ не существовало); затѣмъ послѣ смерти В. А. Г-на (въ 1866 году) онъ вступилъ въ дѣло участникомъ, а съ преобразованіемъ торговаго дома въ товарищество на паяхъ—сдѣлался директоромъ;—такимъ образомъ, поступивши для временныхъ занятій, братъ пробылъ при дѣлахъ Ганешиныхъ въ теченіе 40 лѣтъ до ихъ прекращенія, проживши при этомъ на Дѣвичьемъ полѣ до 1864 года.

Сказанная происшедшая въ 1849 году метаморфоза измѣнила совершенно мое положеніе; о поступленіи моемъ куда-либо была уже отложена всякая забота и я остался неожиданно при своемъ дѣлѣ—исполнять то, что́ лежало на обязанности брата.

Вначалѣ всѣ мои дѣйствія ограничивались занятіями дома; но въ 1851 году я приступилъ къ установленію личнаго знакомства съ давальцами—лицами, съ которыми мы имѣли дѣло, направившись 8 мая того года въ 1-й разъ въ городскіе

ряды и начавши затѣмъ посѣщать по утрамъ также разныя фабричныя конторы, въ которыя, по отдаленности ихъ отъ насъ, я путешествовалъ бо́льшею частью на возахъ съ отправляемой пряжей; далеко не интереснымъ было такое занятіе— представлялось необходимымъ заискивать расположеніе различныхъ приказчиковъ, отъ которыхъ всегда зависѣло многое, а оно могло быть пріобрѣтаемо средствами, къ которымъ я прибѣгать не могъ, тогда какъ въ то время красильное дѣло находилось въ значительной части случаевъ въ рукахъ люда сѣраго, совершенно близкаго, по его внутренней обстановкѣ, къ приказчичьему міру; къ этому надобно прибавить, что и большинство самихъ хозяевъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло, принадлежало къ той же средѣ, которой по этому была вполнѣ сродна та же обстановка; притомъ оно относилось преимущественно къ средѣ раскольничьей, державшейся тогда весьма замкнуто и обособленно, гдѣ свои единомышленники, занимавшіеся крашеніемъ (а ихъ было достаточно), пользовались видимымъ предпочтеніемъ; непрерывное хожденіе по трактирамъ съ хозяевами и приказчиками, съ выхода въ городъ послѣ полудня до самаго закрытія лавокъ, а иногда и послѣ того было обычнымъ явленіемъ (закрытіе лавокъ называлось всегда «заборкой»; запирать лавку—«забираться», а происходило это отъ того, что ранѣе лавки не затворялись дверями, а забирались отдѣльными досками; такая система, относительно мелкихъ помѣщеній, называемыхъ шкафчиками, существовала еще весьма недавно; приведенныя же выраженія остались и при введеніи дверныхъ затворовъ); указанное выше состояніе не могло, конечно, вызывать сочувствія къ нему и потому являлось стремленіе къ перемѣнѣ занятій; но безъ знакомства съ другими видами промышленной дѣятельности прибѣгнуть къ чему-либо было для насъ крайне трудно.

Младшіе братья мои, по окончаніи ученія, занимались, при старшемъ братѣ, въ амбарѣ Ганешиныхъ (на правахъ вольныхъ практиковъ, т. е. безвозмездно)—Александръ Александровичъ въ теченіе 3 лѣтъ—до 1858 года, а Владиміръ Александровичъ,

послѣ него, въ теченіе года; затѣмъ первый изъ нихъ находился при своемъ фабричномъ дѣлѣ до его совершеннаго прекращенія и при томъ, во время существованія у насъ набивнаго производства, исполнялъ обязанности колориста, а послѣдній, со времени открытія нами лавки, былъ, до конца своей жизни, при торговлѣ.

Время, слѣдовавшее за начатіемъ мною занятій при своемъ дѣлѣ, было переполнено какъ грустными событіями, до насъ лично относившимися, такъ и чрезвычайно тяжелыми обстоятельствами, имѣвшими общее значеніе.

Въ ноябрѣ 1850 года, какъ мною уже было выше сказано, послѣдовала смерть Александра Козмича Крестовникова, отразившаяся на насъ крайне удручающимъ образомъ.

Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1852 года, явилась неожиданно тяжелая болѣзнь старшей сестры моей А. А. Бахрушиной, происшедшая вслѣдствіе простуды послѣ родовъ; болѣзнь эта, принявши крайне серьезный характеръ (въ теченіе болѣе мѣсяца существовало умопомѣшательство), —при существовавшихъ между нами самыхъ близкихъ сердечныхъ отношеніяхъ, —поразила насъ всѣхъ до чрезвычайности, а для матери нашей, остававшейся при сестрѣ безотлучно во все время болѣзни, имѣла, по заключенію врачей, тѣ роковыя послѣдствія, которыя свели ее въ могилу.

Безмѣрно тяжкимъ было горе, испытывавшееся нами при слѣдовавшей за этимъ въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ болѣзни матери; тягость его ощущалась уже въ самомъ началѣ, когда извѣстнымъ въ то время докторомъ Ѳ. И. Иноземцевымъ было выражено о необходимости производства операціи (но невозможности исполненія этого въ виду существованія тогда холерной эпидеміи); тѣмъ не менѣе тогда являлась еще надежда на устраненіе болѣзни принимавшимися иными средствами; когда же сталъ ясно обнаруживаться родъ ея —ракъ (мать всегда боялась ужасно этой болѣзни ранѣе, когда слышала о проявленіи ея у кого-либо), то надежда стала слабѣть и пришлось хвататься за всякія предлагавшіяся мѣры; такъ, вспоминаю одну изъ позд-

нѣйшихъ--только что изобрѣтенное въ то время за границей лѣченіе Ландольфи, страшное по причиняемой боли, представлявшее собой операцію, совершаемую химическимъ путемъ;—ужасно было при этомъ видѣть, что все предпринимавшееся оказывалось совершенно безрезультатнымъ.

Приступая затѣмъ къ перечисленію тяжелыхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ общее значеніе, нельзя прежде всего пройти молчаніемъ совпадавшее съ разсматриваемымъ временемъ господствованіе въ Москвѣ военнаго генералъ-губернатора графа А. А. Закревскаго, равно какъ одновременное съ тѣмъ—въ 1850 году изданіе новаго таможеннаго тарифа, облегчившаго значительно доступъ издѣліямъ иностраннаго производства.

Старожиламъ московскимъ хорошо памятно то нелегкое для Москвы время, когда,—послѣ долгаго управленія столицей благодушнаго князя Д. В. Голицына, слывшаго въ послѣдніе годы при разговорѣ о немъ просто подъ названіемъ «свѣтлѣйшій», и состоянія, хотя и кратковременнаго, въ той же должности также весьма добросердечнаго князя А. Г. Щербатова,—правителемъ Москвы былъ назначенъ знаменитый графъ А. А. Закревскій. Съ первыми появившимися слухами о такомъ назначеніи вспомнился извѣстный многимъ образъ дѣйствій его въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ, когда имъ, какъ говорилось, былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію одинъ изъ городскихъ головъ—пошли толки о предстоящей грозѣ, которые и не замедлили подтвердиться тотчасъ же по вступленіи его въ новую должность. Графъ Закревскій былъ присланъ, какъ сообщалось, для того, чтобы «подтянуть» Москву; но если это было даже и такъ, то въ какомъ отношеніи могло это требоваться въ 1840-хъ годахъ? Закревскій, видимо, принялъ это во всей широтѣ такого выраженія. Первое, на что онъ обратилъ свой натискъ, были старообрядцы и купечество, изъ послѣдняго въ особенности фабриканты и заводчики—однимъ словомъ люди, въ то время болѣе нежели далекіе отъ чего-либо имѣющаго политическое значеніе. Страхъ въ этой средѣ сдѣлался общимъ; каждый поль-

зовавшійся мало-мальски извѣстностью, ждалъ ежечасно, что явится казакъ (какъ это тогда дѣлалось) съ вызовомъ, по какому либо доносу или жалобѣ, на судъ графа; образовалось повсюду шпіонство; власть полиціи усилилась—квартальные надзиратели стали, подъ разными предлогами, чаще и чаще обходить дворы, въ особенности такіе, гдѣ помѣщались фабричныя заведенія, и собирать дань; выработалась каста привиллегированныхъ ходатаевъ, имѣвшихъ доступъ къ генералъ-губернаторскому управленію; изъ среды близкихъ къ графу людей явились посредники, занявшіеся ловлей рыбы въ мутной водѣ; рабочему народу была дана возможность являться со всякими жалобами на хозяевъ прямо въ генералъ-губернаторскую канцелярію; вслѣдствіе этого въ средѣ рабочихъ возникло возбужденіе и они при всякихъ недоразумѣніяхъ, ранѣе прекращавшихся домашнимъ образомъ, стали обращаться къ хозяевамъ съ угрозами, что пойдутъ жаловаться «граху» (какъ они называли Закревскаго); престижъ хозяйской власти былъ поколебленъ совершенно, а всевозможнымъ доносамъ и жалобамъ не было и конца; вызовы на личную расправу стали дѣлаться и на утро и на вечеръ, при этомъ вызваннымъ нерѣдко приходилось по 5, 6 часовъ дожидаться со страхомъ рѣшенія своей участи, не зная даже повода, послужившаго къ вызову. Внушавшійся страхъ усиливался тѣмъ болѣе господствовавшими слухами, что Закревскій былъ снабженъ бланками и потому могъ принимать небывалыя репрессивныя мѣры; такіе слухи находили для себя подкрѣпленіе въ произведенной имъ внезапно высылкѣ сына торговца Эйхеля (молодого человѣка) въ Колу за учиненный имъ въ нѣмецкомъ клубѣ безпорядокъ, заключавшійся въ посыпкѣ чемерицей пола въ танцовальномъ залѣ. Хотя образъ дѣйствій Закревскаго и сталъ впослѣдствіи нѣсколько мягче, въ особенности съ наступленіемъ новаго царствованія, тѣмъ не менѣе присущій ему деспотизмъ находилъ постоянное мѣсто для своего проявленія.

Дерзость въ обращеніи съ являвшимися къ Закревскому лицами была отличительной чертой въ его дѣйствіяхъ; съ лицами купеческаго сословія онъ велъ разговоръ обыкновенно на

«ты» (я помню поэтому, что когда отцу моему пришлось, вскорѣ по выходѣ Закревскаго, подавать прошеніе замѣнившему его графу С. Г. Строганову, то отецъ, передавая о деликатности въ обращеніи, указывалъ на то, что гр. Строгановъ говорилъ на «вы»); требованіе унизительнаго раболѣпства, оскорбительнаго для каждаго порядочнаго человѣка, не находило границъ; въ подававшихся прошеніяхъ, требовавшихъ удовлетворенія въ силу закона, писалось объ оказаніи «особой милости», «начальническаго милостиваго вниманія» и т. п.; выражалось постоянно гнусное подобострастіе; недоставало лишь, на подобіе употреблявшемуся въ давнопрошедшее время, наименованія себя полуименами, съ эпитетами «холоповъ», «людишекъ» и др. такого рода; Закревскій былъ типъ какого-то азіатскаго хана или китайскаго намѣстника, самодурству и властолюбію его не было мѣры; онъ не терпѣлъ, если кто-либо ссылался на законъ, съ которымъ не согласовались его распоряженія. «Я—законъ», говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ и это выслушивалось не однимъ какимъ-либо лицомъ и не однократно, а многими и при разныхъ обстоятельствахъ.

Отношенія Закревскаго къ дворянству и различнымъ привиллегированнымъ корпораціямъ мнѣ изъ личнаго опыта не были извѣстны; не стану касаться и отношеній его къ старообрядцамъ по незнанію ихъ въ подробностяхъ; я ограничусь лишь сообщеніемъ матеріаловъ для характеристики того времени на основаніи свѣдѣній изъ купеческаго быта.

Въ то время городскихъ учрежденій, подобныхъ нынѣшнимъ, не существовало; во многихъ случаяхъ исполняемое нынѣ городомъ отправлялось тогда купеческимъ обществомъ, средства котораго были однако же весьма ограниченны; доходы съ имуществъ были крайне незначительны; при являвшихся пожертвованіяхъ, въ которыхъ встрѣчалась потребность въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ, ихъ не доставало на покрытіе текущихъ расходовъ по дѣламъ призрѣнія и образованія; въ 1848 году, по случаю холеры, венгерской войны и др. причинъ, вызывавшихъ расходы со стороны купечества, оно было вынуждено прибѣгнуть даже къ установленію на 3 года особаго сбора, тѣмъ

болѣе что Закревскій тотчасъ по вступленіи своемъ началъ «въ сильныхъвыраженіяхъ»*) изъявлять городскому головѣ негодованіе свое на недостаточность употребляемыхъ купечествомъ (добровольно жертвуемыхъ!) средствъ на сказанныя надобности и такимъ образомъ новые расходы возникали безпрестанно.

Для полученія подробныхъ свѣдѣній относительно занятія отдѣльными лицами болѣе выдающагося положенія въ средѣ купечества и обладанія болѣе значительными средствами, онъ взялъ орудіемъ письмоводителя купеческаго отдѣленія дома градскаго общества (нынѣшней купеческой управы) Вас. Гр. Некрасова, состоявшаго тамъ на службѣ въ теченіе долгаго времени и потому знавшаго точно бытъ купечества; Некрасовъ, находясь на службѣ у купеческаго общества, явился тогда, помимо этого, соглядатаемъ отъ генералъ-губернатора за всѣмъ происходившимъ въ средѣ купечества;—нѣсколько лѣтъ спустя онъ перешелъ совсѣмъ на службу въ генералъ-губернаторское управленіе.

Съ 1849 года въ городскіе головы вступилъ поч. гражд. Клавдій Аѳанасьевичъ Кирьяковъ, человѣкъ развитой, получившій приличное по тогдашнему времени образованіе; Закревскій, не удовольствовавшись тѣми пожертвованіями, которыя купечеству приходилось дѣлать то на тотъ, то на другой предметъ, вызвалъ однажды голову и поручилъ ему предложить обществу сдѣлать пожертвованіе на устройство богадѣльни для увѣчныхъ воиновъ (нынѣшней Измайловской); Кирьяковъ заявилъ объ этомъ собранію уполномоченныхъ; но средства и безъ того были уже исчерпаны; уже на покрытіе сдѣланныхъ расходовъ только что былъ установленъ помянутый выше сборъ и отъ новаго пожертвованія пришлось отклониться; между тѣмъ въ средѣ уполномоченныхъ нашлись лица, которыя, отчасти изъ несочувствія къ Кирьякову, отчасти изъ желанія выслужиться, довели чрезъ образовавшихся посредниковъ до свѣдѣнія графа, что они были бы не прочь сдѣлать отъ себя лично пожертвованіе на богадѣльню. Тогда Закревскій началъ вызывать къ себѣ купцовъ, начиная съ болѣе крупныхъ (подробныя свѣдѣнія о нихъ онъ, какъ выше сказано,

*) Такъ значится въ приговорѣ уполномоченныхъ московскаго купеческаго общества.

получалъ отъ Некрасова);—первымъ вызваннымъ, принятымъ имъ лично, онъ объявилъ о необходимости устроить богадѣльню для раненыхъ. «Я обращался», сказалъ онъ имъ, «къ вашему головѣ; но онъ донесъ мнѣ, что купечество на это не согласно; между тѣмъ нѣкоторые изъ васъ выразили мнѣ готовность сдѣлать пожертвованіе; пріятно вамъ будетъ, если по городу будутъ ходить калѣки и просить милостыню; не нашли вы никого выбрать въ головы, какъ такого дурака». «Подписывайте!» прибавилъ онъ, указывая на изготовленный для того листъ и уходя. Надобно было подчиниться такому приказу и подписка пошла. Въ дальнѣйшемъ она производилась уже въ его канцеляріи; при этомъ для купцовъ высшихъ гильдій (тогда было 3 гильдіи) была опредѣлена норма, ниже которой нельзя было подписывать (добровольно!); иначе угрожалось доложить о томъ графу и, конечно, для избѣжанія такой чести каждый отдавалъ требуемое, хотя бы это и было для него трудно. Я помню передававшееся относительно принадлежавшаго ко 2-й гильдіи купца П. В. Лукутина, который по вызовѣ его въ канцелярію Закревскаго вознамѣрился было подписать меньшую противъ опредѣленной сумму—кажется 25 руб.; тогда управляющій канцеляріей объявилъ ему, что этого принять нельзя; когда же онъ объяснилъ что пожертвовать болѣе для него затруднительно (не надобно, забывать, что тогда 25 руб. представляли далеко не то, что они значатъ теперь), то ему было сказано, что если онъ человѣкъ бѣдный, то не только можетъ ничего не подписывать, но даже получить пособіе;—вотъ до какой дерзости доходили по примѣру Закревскаго его подчиненные! Купцовъ 3-й гильдіи избавили отъ явки туда; они были вызываемы для приношенія пожертвованій въ существовавшее тогда купеческое отдѣленіе дома градскаго общества; являться сюда было легче, такъ какъ тутъ собирали деньги лица, выбранныя изъ купечества.—Кирьяковъ тогда же вынужденнымъ нашелся оставить службу*).

*) Впослѣдствіи, когда было введено новое положеніе объ общественномъ управленіи 1862 года и было избрано по 100 выборныхъ отъ каждаго сословія, К. А. Кирьяковъ вышелъ старшимъ по балламъ въ средѣ выборныхъ отъ купечества, бывши избранъ почти единогласно; но онъ тотчасъ же отказался отъ этого избранія.

Конечно не въ такомъ видѣ представлялъ Закревскій Государю о сдѣланномъ купечествомъ добровольномъ (?) пожертвованіи, такъ какъ за него была объявлена Высочайшая благодарность.

Грубое обращеніе Закревскаго съ купечествомъ не прекращалось почти до послѣдняго времени его управленія. Такъ даже послѣ коронованія покойнаго Государя Императора Александра Николаевича, — когда купечествомъ было изъявлено желаніе сдѣлать въ экзерциргаузѣ угощеніе войскамъ, прибывшимъ на коронацію, и для того были назначены изъ среды купечества распорядители въ помощь городскому головѣ, которымъ былъ тогда Алексѣй Ивановичъ Колесовъ,—Закревскій, явившись туда и увидѣвши послѣднихъ, обратился къ нимъ (хозяевамъ) съ вопросомъ: «вамъ что здѣсь нужно?», получивши же отвѣтъ, что это—назначенные распорядители, крикнулъ: «вонъ отсюда!», оставивши лишь одного городского голову. Пришлось имъ тогда путешествовать пѣшкомъ въ мундирахъ до отысканія экипажей или найма извозчиковъ, которыхъ, ни тѣхъ, ни другихъ, по близости не находилось.

По сообщавшимся тогда свѣдѣніямъ, сказанный поступокъ Закревскаго сдѣлался извѣстнымъ Государю и къ обѣденному столу во дворцѣ, къ которому были приглашены представители купечества, Закревскій приглашенъ не былъ;—возможности же къ доведенію о томъ до свѣдѣнія Государя, какъ тогда передавалось, послужилъ слѣдующій случай: на бывшемъ во дворцѣ балу одинъ изъ иностранныхъ представителей, прибывшихъ къ присутствованію при коронованіи, упалъ, повредивши при этомъ ногу; для лѣченія его былъ приглашенъ Ѳедоръ Ив. Черепахинъ (московскій купецъ, фабрикантъ, въ то же время состоявшій костоправомъ императорскихъ театровъ), который былъ въ числѣ изгнанныхъ изъ экзерциргауза распорядителей и потому воспользовавшійся случаемъ передать кому слѣдуетъ о сказанномъ поступкѣ Закревскаго.

Относительно фабрикъ Закревскій съ самаго начала его вступленія сталъ принимать различныя стѣсняющія производство

мѣры, приводя въ основаніе ихъ—устраненіе наплыва въ Москву рабочаго люда, сокращеніе потребленія дровъ и воспрепятствованіе порчѣ воды и воздуха; въ этомъ направленіи онъ на первыхъ же порахъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ уничтоженіи имѣвшихся на рѣкахъ плотовъ, безъ которыхъ въ то время фабрики набивныя и красильныя существовать вовсе не могли; помню, что когда фабриканты, имѣвшіе при ихъ заведеніяхъ плоты на Москвѣ-рѣкѣ въ хамовнической части, явились къ нему съ просьбой по этому предмету (я слышалъ это отъ участвовавшаго въ томъ В. А. Ганешина), то онъ, не давши объясняться, крикнулъ на нихъ: «что же вы хотите, чтобъ вамъ позволили морить народъ? я не позволю» и, когда нѣкоторые изъ явившихся,—указывая на невозможность при уничтоженіи плотовъ существованія ихъ фабрикъ,—обратились къ нему съ просьбой о дозволеніи утруждать ходатайствомъ о томъ Государя Императора, то онъ, не слушая ихъ, съ тѣмъ же азартомъ продолжалъ: «я не позволю, не позволю»; между тѣмъ, по сдѣланному ему внушенію свыше, приведеніе такой крутой мѣры въ исполненіе было отсрочено оффиціально на годъ, а затѣмъ оставлено негласно совершенно; тутъ, какъ было слышно, помогалъ до нѣкоторой степени бывшій гражданскимъ губернаторомъ Иванъ Григорьевичъ Сенявинъ, нераздѣлявшій образа дѣйствій Закревскаго и имѣвшій случай сообщать объ его рѣзкихъ выходкахъ въ С.-Петербургъ. Далѣе Закревскимъ были введены крайнія стѣсненія къ передачѣ заведеній отъ одного лица другому—даже незначительныхъ по объему и дѣйствовавшихъ посредствомъ ручной работы;—распоряженія его такого рода коснулись однажды и насъ; въ 1849 году, по освобожденіи у насъ фабричнаго корпуса, отдававшагося тогда внаемъ подъ ткацкое производство, корпусъ этотъ былъ взятъ въ аренду имѣвшимъ въ Москвѣ фабрику И. Г. Каширинымъ; руководствуясь существовавшимъ дотолѣ порядкомъ, онъ перебрался къ намъ (фабрика была небольшая—становъ на 50) и подалъ прошеніе о переводѣ; но въ разрѣшеніи этого ему было отказано, вслѣдствіе чего онъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ произ-

водилъ работу съ закрытыми на улицу ставнями (имѣвшимися при окнахъ), что̀, конечно, было совершаемо не безъ вѣдома мѣстной полиціи и далеко не безвозмездно, послѣ чего однако же онъ долженъ былъ выбраться. Затѣмъ, по представленію Закревскаго, послѣдовало изданіе въ 1849 году существующаго понынѣ закона, воспрещающаго устройство не только въ Москвѣ, но и въ уѣздѣ, бумагопрядиленъ, шерстопрядиленъ и нѣкоторыхъ др. фабрикъ, оказавшагося давно несоотвѣтствующимъ общему положенію дѣла и, въ слѣдовавшее послѣ изданія его время, нарушавшагося многократно въ отдѣльныхъ случаяхъ, частію чрезъ комитетъ министровъ, частію обходомъ его чрезъ испрошеніе разрѣшеній на устройство фабрикъ подъ другими названіями; тѣмъ же закономъ было закрѣплено распоряженіе Закревскаго о подачѣ ему полугодичныхъ свѣдѣній о состояніи фабрикъ, давнымъ-давно не исполняемое (вначалѣ онъ принималъ эти свѣдѣнія, такъ же какъ и всякія прошенія, лично— это его интересовало; посылать по почтѣ признавалось тогда невозможнымъ, а въ канцеляріи его пріема не было);—потомъ былъ учрежденъ особый комитетъ для наблюденія за фабриками и заводами подъ предсѣдательствомъ назначеннаго генералъ-губернаторомъ лица, давно уже прекратившій свою дѣятельность и совершенно забытый (о немъ было воспомянуто лѣтъ 15 назадъ и возникла мысль объ его возстановленіи; но воскресить его было признано безцѣльнымъ и потому возникшее предположеніе оставлено окончательно, а при изданіи позднѣйшихъ фабричныхъ законовъ упраздненіе его получило надлежащее утвержденіе); наконецъ, тѣмъ же закономъ всѣмъ содержателямъ существовавшихъ уже фабрикъ и заводовъ было предписано испросить разрѣшеніе на продолженіе дѣйствій тѣхъ заведеній, что̀, конечно, влекло за собой расходы и давало возможность къ кормленію; такія требованія стали предъявляться еще до изданія того закона и, по распоряженію Закревскаго, были выведены изъ городской и мясницкой частей всѣ находившіяся тамъ аппретурныя заведенія, исключая Кириллова (въ Зарядьѣ), Константинова (въ Ипатьевскомъ переулкѣ) и

Самцова (возлѣ церкви Спаса на Глинищахъ), хотя такія заведенія паровой силы не употребляли, а близость ихъ къ рядамъ (они находились бо́льшею частью въ Зарядьѣ) имѣла существенное значеніе какъ для нихъ, такъ и для отдававшихъ въ отдѣлку товаръ; переселены же они были преимущественно въ лефортовскую часть. Точно такъ же, еще до изданія закона 1849 года, Закревскій ввелъ обязанность подачи ежемѣсячныхъ свѣдѣній о количествѣ находящихся на фабрикахъ рабочихъ, съ означеніемъ числа прибывшихъ, выбывшихъ и остающихся; свѣдѣнія эти доставлялись назначеннымъ для каждой части лицамъ; по басманной части исполнялъ такую обязанность содержатель пивовареннаго завода (въ Сыромятникахъ) Н. Ѳ. Мамонтовъ; на мою долю выпадало доставлять ему такія свѣдѣнія; но это продолжалось недолго. Остается еще сказать, что вскорѣ послѣ того былъ учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ самого генералъ-губернатора по дѣлу развитія торфяной промышленности; при выдачѣ разрѣшеній на открытіе, такъ же какъ и на продолженіе, дѣйствій фабрикъ стало поставляться обязательнымъ употребленіе вмѣсто дровъ торфа, котораго между тѣмъ вовсе почти не было и имѣвшійся былъ далеко не вездѣ пригоднымъ для такой замѣны; торговалъ имъ чуть ли не одинъ Я. М. Никитинскій, добывавшій его изъ Сукина болота (за Симоновымъ монастыремъ); мѣра эта однако же вызывала необходимость, и для нерасполагавшихъ возможностью употреблять торфъ, имѣть для вида кучу его, дѣлавшагося, конечно, отъ лежанія на дождѣ совершенно негоднымъ къ употребленію;—самый комитетъ тотъ оказался, видимо, мертворожденнымъ; что онъ дѣлалъ, я не знаю; но лѣтъ поболѣе 10 назадъ явилась почему-то мысль возстановить его; я былъ приглашенъ въ засѣданіе его по должности предсѣдателя отдѣленія совѣта торговли и мануфактуръ; но о прежней дѣятельности его, какъ оказалось, не нашлось почти никакихъ свѣдѣній; на томъ дѣло и стало.

Многое изъ приведеннаго выше впослѣдствіи выяснилось; для полученія разрѣшеній на открытіе фабрикъ стало требо-

ваться отправленіе къ посредницѣ Марьѣ Михайловнѣ П-кой съ извѣстнымъ приношеніемъ, выражавшимся при дѣлахъ некрупныхъ въ 3 сотенныхъ; въ другихъ случаяхъ посредникомъ сталъ являться камердинеръ графа Матвѣй Ивановъ, съ которымъ было можно отдѣлываться меньшей суммой (100 руб.).

Это—выдающіеся случаи изъ отношеній Закревскаго къ цѣлому купеческому обществу, а также и къ отдѣльнымъ членамъ его, составлявшіе для послѣднихъ въ то время обычное явленіе; между тѣмъ можно привести на память частные эпизоды изъ его дѣйствій, могущіе служить дополненіемъ для характеристики того положенія, въ которомъ находилось населеніе столицы.

Я уже говорилъ, что графу Закревскому доносилось о всемъ происходившемъ. Былъ въ то время въ Москвѣ богатый фабрикантъ, старообрядецъ, пот. поч. гражд. Иванъ Аѳанас. Быковъ, жившій въ своемъ домѣ, занимаемомъ нынѣ Константиновскимъ межевымъ институтомъ; онъ былъ человѣкъ лѣтъ за 60; у него былъ сынъ Иванъ (лѣтъ около 40) - слабой жизни. Однажды Закревскому было донесено, что поч. гражд. Иванъ Быковъ въ понедѣльникъ на 1-й недѣлѣ великаго поста учинилъ буйство въ какомъ-то публичномъ заведеніи, перебивши стекла и зеркала; посылается тотчасъ же казакъ вызвать поч. гражд. Ивана Быкова; является старикъ въ назначенное время, спрашиваетъ у того, у другаго, о причинѣ вызова—никто ничего не знаетъ, а, можетъ быть, и зная не говорятъ; ждетъ онъ часовъ 5, 6; наконецъ вызываютъ къ графу въ кабинетъ. Не успѣлъ онъ образумиться, какъ началъ на него Закревскій кричать, ругая его, съ прибавленіемъ непечатныхъ словъ: «какъ-де ты, старый чертъ, въ твои года и въ такіе дни, когда надобно думать о спасеніи души, забрался туда-то, да дѣлаешь безобразія; я тебя туда ушлю, куда Макаръ телятъ не гоняетъ» (это было его любимой поговоркой). Обомлѣлъ старикъ; но наконецъ разинулъ ротъ: «ваше с-ство».—«Молчать!» кричитъ Закревскій; опять хочетъ объяснить ему Быковъ; но тотъ не даетъ ему сказать

ни слова. «Вонъ!», крикнулъ наконецъ графъ, прибавляя: «если ты мнѣ еще попадешься, то я съ тобой расправлюсь». Вышедши изъ кабинета, обратился Быковъ къ дежурному съ поясненіемъ, что графъ его бранилъ, а онъ совсѣмъ не знаетъ за собой никакой вины, что навѣрное это относится къ одноименному съ нимъ сыну его, а потому сталъ просить, нельзя ли доложить о томъ графу; направилъ его тотъ къ камердинеру Матвѣю Иванову; поднесено было приличное воздаяніе; доложилъ Матвѣй графу; позвали опять старика. «Что тебѣ еще надобно?» спрашиваетъ Закревскій; объяснилъ Быковъ, что онъ въ приписанномъ ему нисколько не виновенъ, а что, вѣроятно, произвелъ это буйство его сынъ. «Какъ», закричалъ Закревскій, «у тебя такой сынъ и ты съ нимъ не справишься, а еще смѣешь меня безпокоить», звонитъ дежурному—«велѣть», говоритъ, «взять его въ тверскую часть» (это былъ тогда у него самый употребительный пріемъ наказанія);—взмолился Быковъ, началъ на колѣняхъ упрашивать о помилованіи; ничто не беретъ; просилъ, просилъ; едва умилостивился Закревскій, разразившись крѣпкой непечатной бранью и пригрозивши ему на случай, если онъ опять попадется. Вышелъ старикъ съ горемъ—и деньги далъ и чуть было не угодилъ въ кутузку; а было уже около полуночи и дома-то надумались о томъ, что съ нимъ случилось.

Былъ тогда довольно крупный фабрикантъ Борисъ Ив. Шуховъ (фабрика его была на Нѣмецкой улицѣ; она перешла послѣ къ Ѳ. С. Михайлову); по жалобѣ на него какого-то рабочаго получилъ онъ однажды вызовъ явиться экстренно къ Закревскому въ тотъ же день вечеромъ; человѣкъ онъ былъ тучный и изъ робкихъ; отправившись туда къ назначенному времени, струсилъ онъ чрезвычайно и дорогой съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ, отъ котораго онъ и кончилъ жизнь.

Закревскій вмѣшивался въ дѣла всякаго рода; жена его принимала участіе въ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ, отъ котораго разсылались по домамъ издававшіяся имъ справочныя книжки, а также билеты на устраиваемыя имъ лотереи (билеты эти присылались обыкновенно извѣстнымъ изъ среды купечества

лицамъ въ запечатанныхъ пакетахъ по нѣскольку десятковъ; отказъ въ принятіи считался невозможнымъ); однажды (разсказывалъ это В. Д. Аксеновъ) былъ доставленъ такой пакетъ Василью Дмитр. Ватсону, бывшему членомъ извѣстнаго тогда торговаго дома «Ватсонъ и Дрейеръ»; В-нъ безъ всякой церемоніи отослалъ пакетъ обратно въ совѣтъ дѣтскихъ пріютовъ; вдругъ получаетъ вызовъ къ Закревскому, который раскричался на него, говоря, что онъ явился въ Россію безъ штановъ, а здѣсь нажилъ деньги, и что онъ могъ бы не принимать билетовъ, а не посылать ихъ обратно;—такое нахальство было обычно.

Интересный разсказъ слышалъ я отъ бывшаго письмоводителя купеческой управы Александра Аким. Надикто-Рѣзунова, умершаго въ декабрѣ прошлаго 1902 года, о свиданіи его съ Закревскимъ; разсказъ этотъ, слышанный мною дважды разновременно, заслуживаетъ занесенія въ лѣтопись.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Рѣзуновъ былъ письмоводителемъ въ купеческомъ отдѣленіи бывшаго дома градскаго общества (замѣненномъ въ 1863 году купеческой управой); городскимъ головой,—который предсѣдательствовалъ тогда, кромѣ шестигласной думы, также и въ домѣ градскаго общества, какъ въ купеческомъ, такъ и мѣщанскомъ отдѣленіяхъ,—былъ Алексѣй Ив. Колесовъ;—тогда, относительно предоставленія правъ на принадлежность къ купечеству лицамъ, состоявшимъ въ расколѣ, были принимаемы различныя ограничительныя мѣры и сообразно этому состоялся законъ о внесеніи въ выдаваемыя раскольникамъ купеческія свидѣтельства женъ ихъ только тогда, если они приписаны въ купечество по 8-ю ревизію включительно; между тѣмъ Закревскимъ въ данномъ дому градскаго общества предписаніи по этому поводу было выражено: «если они приписаны до 8-й ревизіи»;—въ виду такого разногласія между закономъ и полученнымъ предписаніемъ городскимъ головой было рѣшено испросить на то разъясненіе у генералъ-губернатора. «Послѣ того какъ это было сдѣлано», разсказывалъ Рѣзуновъ, «въ одну изъ пятницъ получаю я повѣстку явиться въ понедѣльникъ утромъ къ графу; измучился я

въ ожиданіи этого дня; явившись туда, встрѣчаю тамъ въ пріемной и письмоводителя мѣщанскаго отдѣленія дома градскаго общества; не знаетъ и тотъ, зачѣмъ онъ вызванъ; но выходитъ одинъ изъ чиновниковъ канцеляріи съ бумагой (оказавшейся означеннымъ выше представленіемъ головы), обращается къ письмоводителю мѣщанскаго отдѣленія съ вопросомъ, извѣстна ли ему та бумага, и, по полученіи отрицательнаго отвѣта, объявляетъ ему, что онъ можетъ удалиться; оставшись одинъ, смотрю я на тверскую часть и думаю, что скоро придется мнѣ отправиться туда, какъ это нерѣдко случалось съ вызывавшимися на расправу; по нѣкоторомъ обожданіи зовутъ меня въ кабинетъ графа;—только-что отворивши дверь и сдѣлавши первый шагъ, споткнулся я на какой-то бывшій порогъ или приступокъ. Что тебя чертъ несетъ! окрикнулъ меня Закревскій, стоявшій, обратившись лицомъ къ двери;—это твоя бумага, о чемъ ты меня спрашиваешь, что тебѣ нужно?—говоритъ онъ, показывая на лежавшую на столѣ бумагу. На мой отвѣтъ, что это представленіе головы, онъ сказалъ: знаю я это; но вѣдь ты писалъ ее?—тогда я сталъ объяснять о встрѣченномъ недоразумѣніи относительно выраженій «до ревизіи» и «по ревизію включительно».—Что же ты не понимаешь, что «до» и «по»—одно и то же, съ удареніемъ на эти слова говоритъ онъ (Закревскій былъ человѣкъ недостаточно грамотный и потому различія уразумѣть самъ, конечно, не могъ); никакія поясненія касательно употребленія въ послѣднемъ случаѣ выраженія «включительно» не имѣли никакого успѣха; онъ повторялъ одно и то же, не давая возражать; входитъ въ это время въ кабинетъ управлявшій его канцеляріей д. с. с. Корниловъ (бывшій впослѣдствіи управляющимъ дѣлами комитета министровъ и умершій нѣсколько лѣтъ назадъ членомъ государственнаго совѣта).—Разрѣшите, Ѳедоръ Петровичъ, нашъ споръ, говоритъ Закревскій;—посмотрѣвши представленіе, Корниловъ отвѣтилъ, что онъ указываемаго различія не видитъ.—Ну вотъ, говоритъ графъ, ты одинъ хочешь быть умнѣе всѣхъ.—Является еще начальникъ секретнаго отдѣленія д. с. с. Шлыковъ; его также пригласилъ Закрев-

скій принять участіе въ разрѣшеніи разномыслія; —Шлыковъ, прочитавши представленіе, объяснилъ, что различіе дѣйствительно существуетъ и что слово «включительно» придаетъ иное значеніе;—выслушавши это и старавшись еще нѣсколько подтвердить свои сужденія, Закревскій наконецъ, показывая на меня, сказалъ: ну вотъ, Ѳедоръ Петровичъ, онъ—умникъ, а мы вышли дураки, а затѣмъ, по выходѣ ихъ, обратился ко мнѣ, говоря: счастливъ ты на нынѣшній разъ; слышалъ я о тебѣ много; если ты мнѣ еще попадешься, то я тебя упеку, при чемъ онъ прибавилъ его обычную поговорку о Макарѣ;—вонъ! крикнулъ онъ, сопровождая это отборнымъ непечатнымъ выраженіемъ». Вылетѣлъ оттуда Рѣзуновъ ни живъ, ни мертвъ и, позабывши тамъ что-то—калоши ли, даже не шляпу ли, бѣжалъ безъ оглядки до трактира въ Охотномъ ряду, гдѣ поджидалъ его, въ ожиданіи рѣшенія его участи, товарищъ его—письмоводитель мѣщанскаго отдѣленія.

По окончаніи крымской войны въ Москвѣ появился на сценѣ Василій Александр. Кокоревъ; онъ водилъ знакомство съ лицами, считавшимися проникнутыми либеральнымъ направленіемъ, а потому и самъ былъ причисляемъ къ нимъ; купивши домъ Лопухиныхъ въ Большомъ Трехсвятительскомъ переулкѣ (нынѣ М. Ѳ. Морозовой), онъ отдѣлалъ находившееся вблизи главнаго дома строеніе, сдѣлавши надъ нимъ башню и обративши его въ какой-то складъ кустарныхъ издѣлій (не для продажи), съ надписью на немъ снаружи славянскими буквами: «хранилище народнаго рукодѣлія»; донесли Закревскому о такой затѣѣ Кокорева и надпись эта, признанная по упоминанію въ ней о народѣ либеральной, была по распоряженію графа уничтожена.

Приходилось, кромѣ того, слышать о многихъ случаяхъ, представляющихъ собою отрицательную сторону дѣятельности Закревскаго, преобладающую въ чрезвычайной мѣрѣ надъ стороной противоположной; но въ видахъ безпристрастія приведу и слышанное объ его распоряженіяхъ въ послѣднемъ направленіи, гдѣ деспотическій образъ дѣйствій его могъ принести пользу.

Былъ въ то время въ Москвѣ ростовщикъ (Х. С.), занимавшійся преимущественно выдачей денегъ дворянамъ подъ залогъ цѣнныхъ вещей; однажды имъ была выдана такая ссуда (кажется тысячъ въ 10) подъ бриліантовыя вещи одной иногородной помѣщицѣ, которая, явившись въ срокъ для уплаты долга, кредитора дома не застала, а, обратившись къ нему на другой день, получила отвѣтъ, что вещи ея наканунѣ, вслѣдствіе неуплаты въ срокъ денегъ, уже проданы; тогда пораженная этимъ, тѣмъ болѣе что вещи тѣ были фамильныя и имѣли несравненно высшую стоимость противъ размѣра ссуды, бросилась она къ Закревскому;—С. былъ тотчасъ же вызванъ и Закревскій, получивъ отъ него такое же объясненіе о совершенной уже продажѣ вещей, велѣлъ ему тутъ же написать письмо домой о присылкѣ тѣхъ вещей и дождаться у него возвращенія адъютанта, посланнаго съ письмомъ; вещи вскорѣ были привезены и переданы Закревскимъ владѣлицѣ ихъ, а деньги, представленныя отъ нея на оплату долга, вслѣдствіе того, что С. сказалъ, что онъ деньги уже получилъ, Закревскій оставилъ у себя, объявивъ, что онѣ будутъ переданы въ какое-то благотворительное учрежденіе. Для ростовщиковъ, обставляющихъ себя съ формальной стороны, такой пріемъ практиченъ; но случаи, подобные приведенному, бывали чуть ли не единичными.

Все изложенное выше происходило въ дѣйствительности и это было въ началѣ 2-й половины XIX столѣтія; можно поэтому судить, какое впечатлѣніе производили на современниковъ сказаннаго различныя преобразованія, начавшія вводиться въ 1860-хъ годахъ.

Изъ нѣкоторыхъ отзывовъ о Закревскомъ, появлявшихся впослѣдствіи, приходилось встрѣчать указанія на то, что въ дѣйствіяхъ его повинны главнымъ образомъ его жена Аграфена (или, какъ она именовалась, Агриппина) Ѳедоровна и извѣстная въ то время дочь его Лидія Арсеньевна, на которыхъ онъ не могъ наготовиться средствъ для ихъ расходовъ, что́ заставляло его прибѣгать къ различнымъ займамъ; но это не можетъ служить ему ни малѣйшимъ оправданіемъ, въ особенности если

принять во вниманіе то положеніе, которое занималъ онъ, и то довѣріе Высочайшей власти, которымъ онъ пользовался *).

Я видѣлъ его одинъ разъ;—онъ былъ въ нижегородской ярмаркѣ 1858 года; проходивши мимо лавки, въ которой я торговалъ, и увидавши на вывѣскѣ извѣстную ему фамилію Крестовниковыхъ, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, московскіе ли это или какіе-либо другіе; но я только послѣ узналъ, что это былъ знаменитый бичъ Москвы (хотя въ то время уже смирившійся въ нѣкоторой степени), а потому я его вовсе не примѣтилъ, такъ что точно представить его себѣ не могу.

Слышалъ я послѣ, что когда Закревскій былъ уволенъ, а было это 23 апрѣля 1859 года, то отличавшійся остротами князь А. С. Меньшиковъ, при извѣстіи о такомъ распоряженіи, сказалъ: «въ день Георгія Побѣдоносца всегда выгоняютъ скотину».

Одновременно съ сказаннымъ внутреннимъ гнетомъ, тяготѣвшимъ надъ населеніемъ Москвы и преимущественно надъ мѣстнымъ торгово-промышленнымъ сословіемъ, наступило тяжелое положеніе, общее для всей Россіи—началась турецкая война; за ходомъ ея я слѣдилъ во всѣхъ ея подробностяхъ, записывая все происходившее. При самомъ началѣ ея, осенью 1853 года, успѣшныя дѣйствія противъ турокъ за Кавказомъ, вмѣстѣ съ разгромомъ турецкаго флота при Синопѣ,—когда еще было совершенно недавнимъ произведенное усмиреніе Венгріи,—поддерживали во всѣхъ слояхъ общества увѣренность въ силу русскаго оружія; увѣренность эта не терялась даже особенно и при появленіи свѣдѣній о вмѣшательствѣ Англіи и Франціи, хотя, при снятіи осады съ Силистріи, стало уже возникать нѣкоторое опасеніе; незнакомы съ нашими средствами были, видимо, и такія лица, которымъ это подобало бы знать;—такъ, когда непріятель высадился въ Крыму, слышалъ я тогда изъ достовѣрныхъ источниковъ, что графъ

*) На имя Закревской были пріобрѣтены крупныя владѣнія: въ Леонтьевскомъ пер. (нынѣ Сорокоумовскаго) и въ Старой Басманной (нынѣ Корзинкиныхъ).

Закревскій высказалъ бывшимъ у него нѣсколькимъ лицамъ, что «Меньшиковъ скоро смететъ непріятеля»; такъ велика была самонадѣянность; когда же сдѣлались извѣстными результаты (въ значительной степени скрывавшіеся) неудачнаго сраженія на Алмѣ, гдѣ непріятель поражалъ насъ изъ штуцеровъ, которыхъ у насъ не было, а затѣмъ послѣдовали бомбардированіе Севастополя и кровопролитное сраженіе на Инкерманѣ, то печальное состояніе дѣлъ обнаружилось въ настоящемъ его видѣ и произвело полный общій упадокъ духа; грустнымъ настроеніемъ проникнутъ былъ каждый русскій при тѣхъ неудачахъ, которыя шли безсмѣнно; подъ Севастополемъ дѣло затягивалось; просвѣта не видѣлось, что̀ болѣе и болѣе усиливало такое настроеніе; въ январѣ 1855 года было объявлено о созывѣ ополченія—мѣра чрезвычайная, непримѣнявшаяся съ 1812 года. И вотъ, при такомъ напряженномъ состояніи, на 2-й недѣлѣ великаго поста (въ пятницу), появился бюллетень о болѣзни Государя, за подписью докторовъ Мандта, Карелля и Енохина. Хотя содержаніе бюллетеня и было неопредѣленно и не вызывало само по себѣ на какія бы то ни было серьезныя разсужденія, но по необычайности такого явленія тягостное чувство еще болѣе усилилось. На другой день былъ напечатанъ новый бюллетень отъ слѣдующаго числа, который также не давалъ о состояніи болѣзни надлежащаго понятія. Затѣмъ въ воскресенье, 20 февраля, около полудня я получилъ отъ одного изъ родственниковъ письмо, въ которомъ упоминалось, какъ объ извѣстномъ уже мнѣ, объ «общемъ горѣ, которое чувствуетъ каждый русскій человѣкъ»;—извѣстіе, хотя и столь неопредѣленное, было поразительно для всѣхъ насъ; мы были у ранней обѣдни, но ничего слышно не было; что̀ произошло, было неясно, тогда какъ существовало какое-то «общее горе». Между тѣмъ вскорѣ было получено оповѣщеніе изъ церкви о назначенной присягѣ, а въ 2 часа глухой благовѣстъ въ большой ивановскій колоколъ (онъ былъ обтянутъ, какъ говорили, чернымъ сукномъ) возвѣстилъ о томъ всему городу. Въ нашей церкви собралось къ присягѣ много народа; дьяконъ Со-

кольскій едва могъ прочитать манифестъ, захлебываясь отъ слезъ; всѣ присутствующіе плакали, многіе даже навзрыдъ. Горе дѣйствительно чувствовалось тяжкимъ и общимъ.

Прошло почти полвѣка съ тѣхъ поръ; духъ въ населеніи значительно измѣнился; въ то время нравы не были въ томъ состояніи растлѣнія, въ какое они попали въ послѣдующее затѣмъ время; поэтому въ смерти Государя, при томъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ находилась Россія по случаю неудачной войны, всѣ сознавали гнѣвъ Божій и видѣли ниспосланное наказаніе.

На другой день стало извѣстно, что во время благовѣста къ присягѣ оборвался висѣвшій на Ивановской колокольнѣ колоколъ «реутъ» (онъ былъ безъ ушей) и пролетѣлъ внизъ, пробивши нѣсколько сводовъ и задавивши нѣсколько человѣкъ изъ жившихъ въ колокольнѣ звонарей и членовъ ихъ семействъ. Это было принято также какъ какое-то недоброе предзнаменованіе для новаго царствованія.

Страннымъ можетъ показаться теперь, что о смерти Государя мы узнали лишь чрезъ 2 дня, хотя желѣзная дорога уже существовала съ 1851 года и у генералъ-губернатора было свѣдѣніе о томъ въ субботу; но въ воскресенье продолжали молиться еще о здравіи Государя; на столько секретно держалось это, въ видахъ соблюденія формализма, до полученія оффиціальнаго извѣщенія—манифеста.

Запоздалое полученіе всѣхъ извѣстій было тогда обычнымъ; ходомъ военныхъ дѣйствій крайне интересовались всѣ; между тѣмъ до начала 1855 года телеграфъ существовалъ лишь между Москвой и С.-Петербургомъ; извѣстія съ театра войны пересылались съ курьерами (отъ которыхъ иногда оставались кое-какія общія свѣдѣнія о происшедшемъ); затѣмъ они распубликовались въ «русскомъ инвалидѣ» и, лишь по полученіи его въ Москвѣ, перепечатывались въ «московскихъ вѣдомостяхъ»—единственной, не считая «полицейскихъ вѣдомостей», газетѣ, выходившей въ то время въ Москвѣ, притомъ только 3 раза въ недѣлю (по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ,) такъ что изъ

«инвалида», полученнаго въ Москвѣ въ эти дни, напечатанныя извѣстія попадали въ «моск. вѣдомости» не на другой день, а въ день выхода слѣдующаго нумера;—петербургскія газеты вообще получались тогда весьма немногими, а потому приходилось ходить по трактирамъ, въ коихъ онѣ имѣлись (въ одномъ, конечно, экземплярѣ), и высиживать тамъ долгое время въ ожиданіи освобожденія читаемаго кѣмъ-нибудь нумера «инвалида» или «сѣверной пчелы», въ которую также на другой день по выходѣ «инвалида» попадали напечатанныя въ немъ извѣстія.

Послѣдовавшія затѣмъ событія были одинаково безотрадными; даже отбитіе штурма 6 іюня не могло вызвать какого-либо поднятія упавшаго духа—благопріятнаго исхода видно не было, тѣмъ болѣе что люди, на которыхъ возлагалась надежда, гибли, а въ способность остававшихся терялась вѣра; сраженіе на Черной рѣчкѣ произвело тяжелое впечатлѣніе, а паденіе Севастополя было довершеніемъ всего этого; извѣстіе о немъ пришло 30 августа;—помню, мы всѣ плакали, читая его.

Происшедшій затѣмъ неудачный штурмъ Карса,—послѣ того, что́ уже совершилось,—былъ принятъ какъ естественное явленіе въ ряду нашихъ неудачъ и самое паденіе его не могло произвести ослабленія въ существовавшемъ общемъ уныніи.

Наконецъ вѣсть о заключеніи мира—мира тяжелаго, несоотвѣтствовавшаго придававшемуся силамъ Россіи значенію и духу народному, была принята хотя и съ сокрушеніемъ сердечнымъ, но съ покорнымъ сознаніемъ роковой неизбѣжности послѣдовавшаго. Это чувствовалось во всѣхъ слояхъ населенія и во всякихъ производившихся перемѣнахъ противъ прежняго усматривались послѣдствія состоявшагося тяжелаго соглашенія; такъ, даже относительно измѣненія цвѣта государственнаго штандарта изъ бѣлаго въ палевый, въ народѣ выражалось убѣжденіе въ происхожденіи такого измѣненія отъ того, что Россія сдѣлалась уже державой непервостепенной.

Лѣтомъ 1856 года начались приготовленія къ коро-

націи; въ теченіе болѣе мѣсяца намъ приходилось, ежедневно по вечерамъ, видѣть изъ дома, а еще болѣе съ моста, приготовлявшійся фейерверкъ: громадные фонтаны ракетъ поднимались высоко и, съ сильнымъ слышнымъ у насъ трескомъ, разсыпались кучами опускавшихся разноцвѣтныхъ парашютовъ. Въѣздъ Государя въ Кремль изъ Петровскаго дворца я смотрѣлъ съ предоставленнаго мнѣ мѣста на одной изъ эстрадъ на Тверской-ямской, вблизи Садовой; въѣздъ былъ торжественный; при прослѣдованіи въ Спасскія ворота Государь, какъ передавалось, снималъ, слѣдуя древнему обычаю, находившуюся на немъ каску. Потомъ я былъ при сожженіи фейерверка на площади предъ кадетскимъ корпусомъ, находившись тамъ вмѣстѣ съ братьями въ толпѣ, наполнявшей все пространство передъ зданіемъ корпуса;—началось тѣмъ, что съ балкона была пущена по протянутой проволокѣ ракета, названная въ программѣ бабочкой, но имѣвшая въ дѣйствительности характеръ какого-то огненнаго змія; цѣлью этого было зажженіе поставленныхъ вдали щитовъ; когда зажегся щитъ, на которомъ былъ изображенъ молящійся Сусанинъ, то музыка заиграла «славься»; зрѣлище было трогательное. Послѣ того были пускаемы ракеты, подобныя тѣмъ, которыя мы видѣли ранѣе при приготовленіи фейерверка; объ этомъ мы слышали отъ смотрѣвшихъ издали, тутъ же видѣть было ни для кого невозможно, такъ какъ вслѣдствіе тихой погоды надъ головой стоялъ дымъ, слышенъ былъ лишь страшный трескъ, а на находившихся на площади падала сверху дрань. Болѣе на торжествахъ я не былъ нигдѣ.

Я упоминалъ выше, что всякая разлука съ домашними была для меня, какъ и вообще для всѣхъ насъ, чрезвычайно чувствительной; происходило же это отъ того, что ни я, ни другіе члены нашей семьи, кромѣ поѣздки въ Троицкую лавру, никуда не отлучались изъ Москвы никогда. Первый шагъ въ отступленіе отъ этого порядка сдѣланъ былъ мною въ іюлѣ 1855 года, когда я рѣшился пуститься въ С.-Петербургъ, чтобы побывать на фабрикѣ Гука; отправился я съ почтовымъ по-

ѣздомъ (тогда о скорыхъ и курьерскихъ рѣчи не было), который выходилъ днемъ (кажется въ часъ) и шелъ, какъ я думаю, 20 часовъ; ѣхалъ же я за 7 руб. въ 3-мъ классѣ; спать лежа, конечно, было нельзя, да я и не спалъ—на столько интересовало меня все попадавшееся на пути. С.-Петербургъ по величинѣ зданій отличался значительно отъ Москвы; особенно странными показались мнѣ 3-хъэтажные дома съ глухими боковыми стѣнами (на сосѣднія владѣнія), стоявшіе какъ башни рядомъ съ низкими домами, чего въ Москвѣ тогда вовсе не употреблялось;—но я видѣлъ тамъ также во всей неприкосновенности Апраксинъ и Щукинъ дворы, состоявшіе внутри изъ деревянныхъ балагановъ, подобные которымъ я встрѣчалъ впослѣдствіи лишь въ нижегородской ярмаркѣ; пробылъ тамъ я недѣлю, остававшись до 1 августа, чтобы посмотрѣть начинавшееся съ этого дня уличное газовое освѣщеніе, составлявшее для насъ рѣдкость; побывалъ въ Исакіевскомъ соборѣ, который освященъ еще не былъ (пускали туда сторожа за плату), а затѣмъ въ Петергофѣ, Царскомъ Селѣ и на кронштадтскомъ рейдѣ; оттуда видѣлъ на горизонтѣ простымъ глазомъ (зрѣніе у меня было хорошее) мачты стоявшаго непріятельскаго флота (въ самый Кронштадтъ тогда не пускали; помню, что въ это время происходило бомбардированіе Свеаборга); тѣмъ же порядкомъ возвратился я и назадъ.

Далѣе, съ измѣненіемъ рода нашей дѣятельности, отправился я въ 1857 году въ первый разъ къ нижегородскую ярмарку, поѣхавши съ экстра-почтой; въ тяжеломъ настроеніи ѣхалъ я туда, не зная никакихъ покупателей и не имѣя никакого руководителя; для меня все было ново; мнѣ хотѣлось дорогой узнать о томъ или другомъ, но спутникъ мой—петербургскій пушной торговецъ Леляновъ (отецъ нынѣшняго тамошняго городского головы) спалъ всю дорогу и только изрѣдка просыпался на станціяхъ для дальнѣйшаго поддержанія своего состоянія; въ ярмаркѣ я помѣстился, какъ мною было выше сказано, въ лавкѣ Крестовниковыхъ, а находилась она въ выходящемъ на канаву (къ мечети) панскомъ гуртовомъ ряду лит. Ч и Ш (тогда ряды озна-

чались литерами); въ помѣщеніи надъ лавкой—въ палаткѣ часть бо́льшую занимали Крестовниковы, приходивши ночевать изъ мыльнаго ряда, гдѣ лавки были деревянныя и не дозволялось держать огня; такъ продолжалось это до 1861 года—времени постройки ими въ мыльномъ ряду каменной лавки; вмѣстѣ съ Александромъ Конст. Крестовниковымъ, находившимся въ ярмаркѣ постоянно во все время ея продолженія, бывалъ всегда одинъ изъ его братьевъ (Николай или Сергѣй Конст.), а иногда временно и двое; кромѣ того наѣзжали къ нимъ на временное квартированіе нѣкоторыя знакомыя лица; со мной же бывали братья: въ 1858 году—Александръ, а съ 1859 года—Владиміръ; вечернее время проводили мы всегда одинаково всѣ вмѣстѣ за чаемъ, не отлучаясь никуда, при чемъ передавались разныя полученныя извѣстія, а Александромъ Конст., посѣщавшимъ ярмарку безъ перерывовъ съ конца 30-хъ или самаго начала 40-хъ годовъ, разсказывалось многое юмористическаго свойства изъ прежней ярмарочной жизни; наши бесѣды продолжались бо́льшею частію до тѣхъ поръ, когда проходила по улицѣ команда съ барабаннымъ боемъ и крикомъ «гаси огонь», а происходило это въ 11 часовъ; хотя въ окнахъ палатки имѣлись внутреннія ставни, тѣмъ не менѣе выражалось всегда опасеніе относительно того, чтобы въ щели не оказался видимымъ свѣтъ, такъ какъ нарушеніе этого правила влекло за собой потерю права на занятіе лавокъ, которыя тогда составляли казенную собственность;—теперь все это давно совершенно измѣнилось.

Сосѣдями нашими были: съ одной стороны—шуйскій фабрикантъ Алексѣй Александр. Посылинъ; товаръ его фабрики (набивной) шелъ на Кавказъ и въ Азію; торговля у него начиналась лишь къ концу ярмарки (около 20 августа), когда были распродаваемы марена, кавказскія вина и персидскіе товары; отъ него бывали въ ярмаркѣ 4 приказчика и 2 рабочихъ; а съ другой стороны—московскій Александръ Ив. Шиловъ, занимавшій 3 лавочныхъ нумера; онъ торговалъ комиссіоннымъ порядкомъ клинцовскими сукнами и ситцами ивановскаго фабриканта Полушина; выѣзжало отъ него въ ярмарку 14 человѣкъ, хотя дѣло его,

по слухамъ, было едва ли много болѣе противъ Посылина; самъ онъ являлся въ ярмарку, когда она бывала уже въ ходу; онъ былъ человѣкъ съ хорошими средствами и весьма своеобразный; въ числѣ служащихъ его выѣзжали въ ярмарку 2 главныхъ бухгалтера—одинъ русскій, а другой нѣмецъ, съ 2 такими же помощниками; тогда передавалось, что у него торговыя книги ведутся на двухъ языкахъ—русскомъ и нѣмецкомъ, хотя онъ сношеній заграничныхъ не имѣлъ (онъ самъ, какъ приходилось слышать, объяснялся на довольно ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ); между другими торговцами, занимавшими по близости лавки, было не мало иногородныхъ—ивановскихъ, шуйскихъ и т. п.; многіе изъ нихъ выѣзжали въ ярмарку съ женами, проживавшими въ теченіе всего ярмарочнаго времени; цѣлью этого было какъ собственное развлеченіе, такъ и надзоръ за поведеніемъ мужей; въ то время въ числѣ посѣщавшихъ ярмарку лицъ были еще и такія, которыя, до перевода ярмарки въ Нижній (въ 1818 году), ѣзжали «къ старому Макарью»;—размѣръ оборотовъ въ то время былъ совершенно иной противъ нынѣшняго; торговля въ ярмаркѣ на 100 тыс. руб. сер. представлялась дѣломъ весьма большимъ; интереснымъ былъ существовавшій тогда порядокъ собиранія свѣдѣній объ оборотахъ; дѣлалось это около 1 августа, когда ярмарка была только-что въ началѣ, а между тѣмъ въ свѣдѣніяхъ требовалось означеніе, на сколько товара привезено, сколько продано и чтó осталось; при этомъ многіе скрывали оборотъ изъ подозрѣнія, что это требуется для какого-нибудь обложенія съ его размѣра.

До устройства желѣзной дороги путешествія въ ярмарку послѣ 1857 года были совершаемы мною въ 2-хъэтажныхъ почтовыхъ каретахъ (мальпостахъ), возившихъ тяжелую почту и бывавшихъ въ пути около 2½ сутокъ (вмѣсто назначенныхъ 2 сутокъ), а изъ ярмарки—какъ въ этихъ экипажахъ, такъ и въ тарантасахъ; рабочіе и неперворазрядные приказчики обыкновенно отправлялись при товарѣ (на тройкахъ, шедшихъ 7 дней, и даже на одиночкахъ, бывавшихъ въ пути 10 дней и болѣе, смотря по состоянію дороги); шоссе содержалось въ крайне неисправномъ видѣ; въ дождливыя лѣта встрѣчалось,

что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно было до того разбито, что, для возможности проѣзда, были устраиваемы гати, т.-е. шоссе было укладываемо хворостомъ; лошади бывали замучены и почтовымъ экипажамъ приходилось подолгу ждать смѣны ихъ на станціяхъ; при такихъ обстоятельствахъ по всему пути приходилось обгонять тянувшіяся вереницей подводы съ товарами, нерѣдко завязшія въ грязи; помню случаи, что мы вынуждены бывали вылѣзать изъ мальпоста и помогать лошадямъ, чтобы его вытащить; надобно замѣтить, что, для отправки товаровъ въ Нижній, тогда существовали еще и другіе способы, представлявшіе бо̀льшія выгоды, хотя и требовавшіе для провоза значительно бо́льшее время; такъ, тотчасъ послѣ половодья, приходили по Москвѣ-рѣкѣ барки съ хлѣбомъ, дровами, сѣномъ и пр.; на нихъ погружался для обратнаго слѣдованія разный товаръ, назначавшійся въ ярмарку; плаваніе это продолжалось не менѣе мѣсяца; затѣмъ въ іюнѣ привозились въ Москву изъ Украйны какіе-то грузы на волахъ хохлами, отправлявшимися потомъ съ забранными товарами въ Нижній, куда они прибывали также чрезъ мѣсяцъ (въ Москвѣ они останавливались не на постоялыхъ дворахъ, а просто въ Замоскворѣчьѣ и Рогожской на улицахъ); въ послѣдніе года передъ открытіемъ нижегородской желѣзной дороги, многіе изъ отправлявшихся въ ярмарку, въ виду затруднительности проѣзда, стали направляться въ тарантасахъ на Ярославль, а оттуда на пароходахъ—въ Нижній, хотя это и требовало болѣе долгаго времени; тѣмъ же порядкомъ стало совершаться и возвращеніе изъ ярмарки.

Изъ первыхъ ярмарокъ, проведенныхъ мною, особенно тяжелыми воспоминаніями отличается бывшая въ 1860 году. Торговля шла тогда чрезвычайно дурно; денежная выручка была весьма слабой; большое количество товара оставалось непроданнымъ, когда главная часть ярмарки миновала и видовъ на сбытъ уже не имѣлось; погода въ теченіе всей ярмарки стояла чрезмѣрно жаркая; при такомъ положеніи я рѣшился 15 августа отправить брата Владиміра въ Москву, оставшись съ взятымъ на ярмарку приказчикомъ и бывшимъ при мнѣ фабричнымъ прессовщикомъ; въ этотъ день, когда солнце было весьма высо-

ко, была видима ясно на свѣтломъ небѣ, не вдалекѣ отъ него, какая-то звѣзда (что это было—не знаю), обращавшая на себя вниманіе многихъ по необычности такого явленія, возбуждавшаго толки объ его значеніи. Съ слѣдующаго дня погода вдругъ перемѣнилась—стало холодно, пошелъ мелкій дождь, а къ вечеру появились слухи объ обнаруженіи на сибирской пристани холеры и уже со смертельными исходами относительно нѣсколькихъ человѣкъ изъ работающаго тамъ люда (слѣдуетъ замѣтить, что болѣзнь появлялась и въ ярмарку 1859 года; но тогда это было въ самомъ концѣ, когда уже многіе разъѣхались, и потому она скоро прекратилась); начиная же съ утра 17 августа,—когда въ ярмарочномъ соборѣ пришлось встрѣтить приготовленіе къ одновременному отпѣванію 3 лицъ уже изъ каменныхъ корпусовъ (тогда каменныя постройки были только внутри канавы),—дѣло стало вдругъ принимать грозное настроеніе; въ слѣдовавшіе затѣмъ дни болѣзнь развернулась во всей силѣ; исходъ ея былъ преимущественно смертельный и притомъ весьма скорый (отъ 3 до 6 часовъ съ начала заболѣванія), такъ что во многихъ случаяхъ не успѣвалось даже принимать какія-либо мѣры; въ рядахъ оказывались и тамъ и сямъ умершіе и уже не изъ рабочаго люда, бывшаго въ худшей обстановкѣ и нерѣдко небрежно относившагося къ санитарнымъ условіямъ; въ окнахъ многихъ помѣщеній, имѣвшихся надъ лавками, виднѣлись зажженныя свѣчи; сообщалось безпрестанно о смерти то того, то другого изъ знакомыхъ лицъ; непрерывно проносили умершихъ изъ рядовъ для погребенія въ городъ; возлѣ насъ у Посылина умеръ ночью приказчикъ, съ которымъ вечеромъ приходилось разсуждать о происходившемъ; явился общій упадокъ духа; стихла обычная ярмарочная музыка; прекратились присущія ярмаркѣ безобразія; 20 августа былъ совершенъ по ярмаркѣ крестный ходъ; соборъ былъ переполненъ молящимися; хотя погода была ненастная, но масса народа сопровождала ходъ;—я не выдержалъ присутствія духа—передавши взятое мною въ мальпостѣ на 24 августа мѣсто и поручивши бывшимъ со мною приказчику и прессовщику запаковывать не-

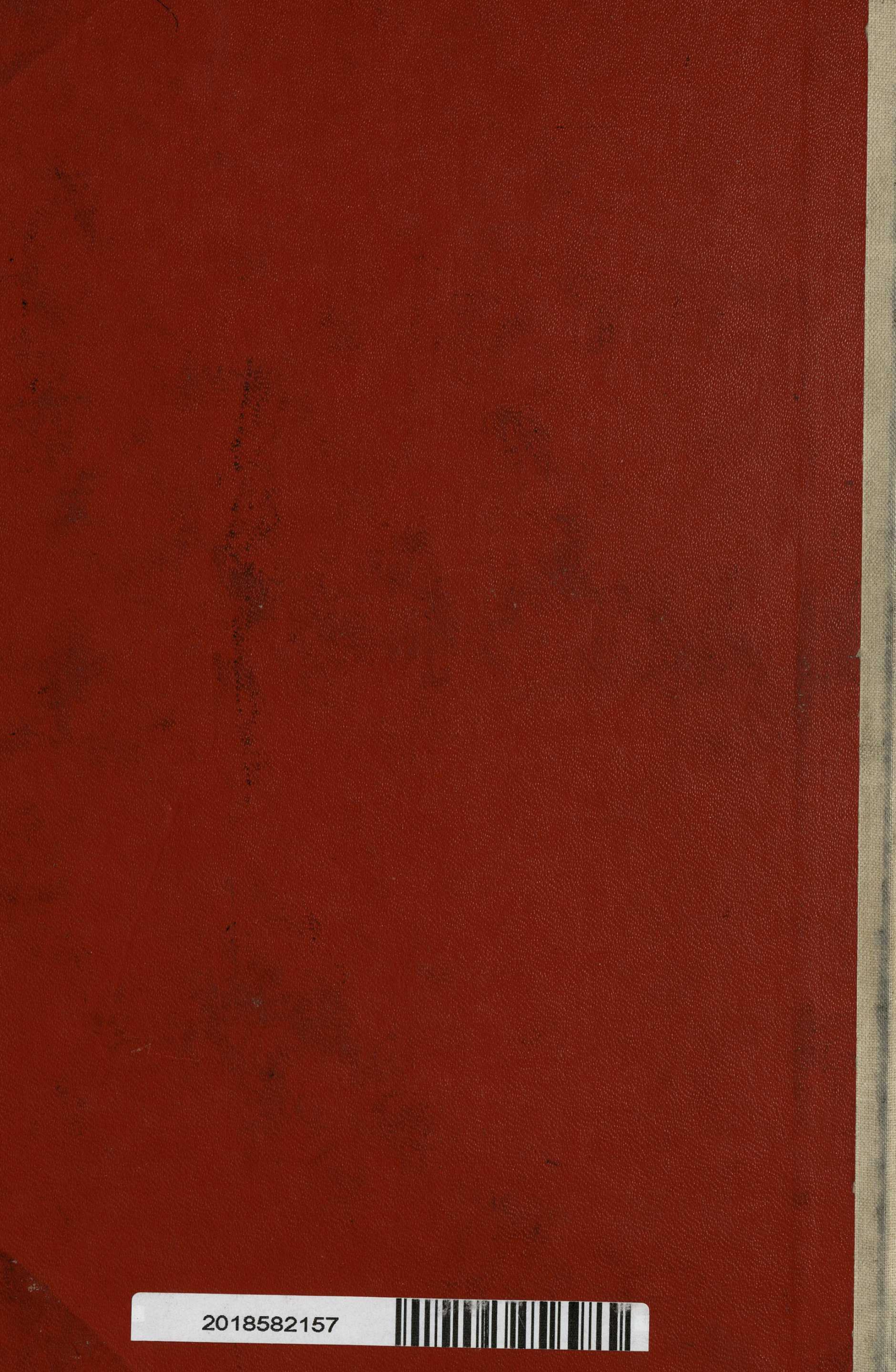
медленно оставшійся товаръ и отправляться въ Москву, я того же 20 августа вечеромъ уѣхалъ въ тарантасѣ съ подысканными случайно спутниками; провожавшій меня до мѣста отправленія прессовщикъ, которому я наказывалъ быть наивозможно осторожнѣе, послѣ моего отъѣзда заболѣлъ и, черезъ 6 часовъ, на другой день его не стало. Смерть его, при томъ грустномъ настроеніи, въ которомъ я выѣзжалъ изъ ярмарки, произвела на меня тяжелое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что, кромѣ того, многихъ москвичей и извѣстныхъ мнѣ иногородныхъ пришлось тогда не досчитаться.

При существовавшихъ тогда средствахъ сообщенія положеніе было безвыходное; при упадкѣ духа было невозможно оставаться; но въ то же время и на проѣздъ требовалось болѣе 2 сутокъ, а въ дорогѣ болѣзнь представляла еще бо̀льшую опасность.

Измѣненіе въ способахъ сообщенія произошло нѣкоторымъ образомъ въ слѣдующемъ 1861 году; тогда въ 1-й разъ была открыта желѣзная дорога до Владиміра и лишь оттуда до Нижняго и обратно до Владиміра приходилось ѣхать въ тарантасахъ, хотя товары везлись еще по прежнему; тѣмъ же порядкомъ отправлялись мы въ ярмарку и въ 1862 году; но изъ ярмарки, вслѣдствіе открытія съ 1 августа сквозного движенія, ѣхали уже всѣ прямо по новой дорогѣ; при такомъ сообщеніи явилась возможность къ поѣздкѣ во время ярмарки на побывку въ Москву, чѣмъ и я не замедлилъ тогда же воспользоваться.

Въ заключеніе приведенныхъ мною воспоминаній, связанныхъ съ временемъ моей первой молодости, остается сказать, что въ 1864 году послѣдовалъ крупный переворотъ въ жизни нашего семейства: съ одной стороны — въ началѣ его моя женитьба, а въ концѣ смерть отца и младшаго брата, а съ другой — начавшіяся вслѣдъ за тѣмъ мои общественныя занятія измѣнили совершенно существовавшее дотолѣ положеніе наше, какъ семейное, такъ и общественное, и вызвали въ дѣятельности нашей то направленіе, которое проявилось въ послѣдующее время.

Этимъ можетъ закончиться начальная часть моихъ воспоминаній.

2018582157